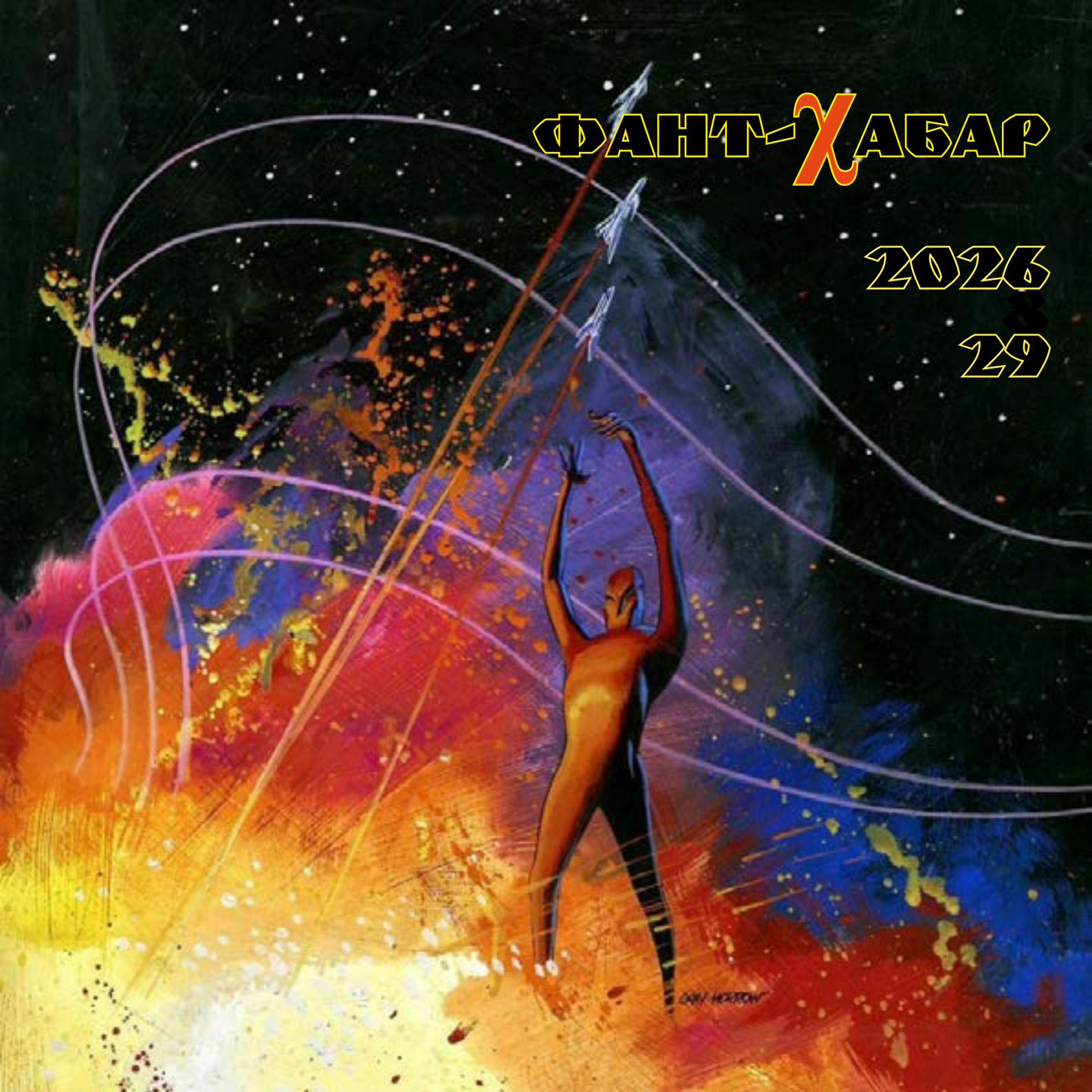

ФАНТ-ХАБАР

2026

29

ФАНТ-ХАБАР

2026

5 (29)

3 Календарь. 2026. Июнь

15 Такие дела. Май 2026

21 Голоса из Сетей

Лонгриды:

95 Каганов Л. Путь на Шелл

100 Владимирский В. Без ложной скромности

103 Сидоров П. Во имя Колеса Изначального

105 Кельн Д. 5 вопросов Шамилю Идиатуллину

108 Шлыков В. Стругацкие, и несть им конца!

111 Источники

Первая страница:

Яркий космос в иллюстрациях Gray Morrow

Редактор: БВИ

bvi@rusf.ru

<https://t.me/bratrazum>

<https://bvi.livejournal.com>

<http://bvi.rusf.ru/fx/fx029.pdf>

Арканар: Метагом, 2026

Календарь фантастики: Июнь

1 июня: Самое тёмное фэнтези

60 лет назад родился **Витольд ХМЕЛЕЦКИЙ (Феликс Виктор КРЕС) [Witold CHMIELECKI (Feliks Wiktor KRES)]** (1966-2022), польский писатель, автор обширного цикла о континенте Шерер «Книга Всего» (кроме романов включающего также сборники рассказов «Закон стервятников», «Сердце гор», «Моряки и всадники»), цикла «Ад и Шпага», книги советов для начинающих авторов «Галерея сломанных перьев».

Как пишет kamino на сайте «Лаборатория фантастики» о книгах Креса: «Этот цикл воплощение самого понятия «темного» фэнтези. Этот мир составляет небольшой континент – Шерер – посреди бушующего океана – воплощения сил хаоса – Простора – под небом Тёмных и Светлых Полос Шерни – неразумной и непостижимой божественной силы, которая столкнулась в войне с Серебряными и Золотыми Лентами Алера – небом чужого мира. И весь этот мир полон не просто оригинальной, но совершенно чуждой мифологии. Этот мир населен обычными людьми, большинство из которых являются обычными подлецами. Здесь нет сторон зла и добра, героями представлены жестокие и эгоистичные люди, погрязшие в бесконечных интригах и предательстве, либо в неоправданной жестокости и откровенном садизме. И каждый из этих героев по настоящему живой под пером автора. Даже разумные коты являются действительно котами, с исключительно кошачьим разумом».

3 июня: Рабыни планеты Гор

95 лет назад родился **Джон Фредерик ЛЭНДЖ-МЛ. (Джон НОРМАН) [John Frederick LANGE, Jr. (John NORMAN)]** (р. 1931), американский писатель и философ, автор огромного сериала о планете Гор, цикла «Телнарианская история», романов «Танец духов», «Раб времени», «Тотемы Абидоса», работы «Воображаемый секс».

Профессор философии написал на спор книгу в духе Э.Р.Берроуза и вдруг обнаружил, что на этом можно зарабатывать. Ну и понеслось! С конца 1960-х до середины 1980-х книги Нормана продавались миллионными тиражами. Действие в них происходило на планете Гор, которая вращается вокруг Солнца по той же орбите, что и Земля, но с противоположной стороны. Там царствуют жрецы

(насекомоподобные инопланетяне), которые воюют со звероподобными Куриями, и живут люди, такие же, как на Земле. Женщины там находятся на положении рабынь, что в 1980-х годах вызвало протесты феминисток. Книги Нормана стали удалять из магазинов и библиотек, его перестали издавать. Но в начале 2000-х стали появляться новые книги писателя, они выкладываются в Интернете, печатаются небольшими тиражами и пользуются популярностью.

4 июня: Графика с элементами авангарда

90 лет назад родилась **Галина Николаевна БОЙКО** (1936-2006), российский художник, автор иллюстраций (с мужем Игорем Шалито) к произведени-

ям **Н.Амосова, М.Анчарова, А.Беляева, Р.Брэдбери, К.Бульгчёва, Г.Гуревича, И.Ефремова, В.Колупаева, Л.Панасенко, братьев Стругацких, В.Шефнера**, книги серии «Эврика».

В гостевой книге художников когда-то оставил свою запись писатель и психиатр **Владимир Леви**: «Не имея пока другой возможности связаться, хочу всего лишь сорок лет спустя :) ещё раз поблагодарить вас и Галю за чудесное оформление самой первой моей книги «Охота за мыслью». Возможно, вы знаете, что она уже много раз переиздавалась пиратски, а последнее такое издание вышло только что на арабском языке в Сирии, и там – ваши иллюстрации. Игорь, то, что мне удалось посмотреть в интернете из ваших с Галей работ, привело меня и мою жену в полный восторг. Я рад, что вы работаете и в цвете».

6 июня: Можно ли развить гениальность?

85 лет назад родился **Шокан Казбаевич АЛИМБАЕВ [Шоқан Қазбайұлы ӘЛІМБАЕВ]** (1941-1989), казахский писатель, автор рассказа «Субстанция

гениальности», повести «Альфа гениальности», романа «Формула гениальности».

«Если мы можем объяснить гениальность всех Кольберов, Архимедов, Шекспиров, Лапласов, Чоканов и Ньютонов, почти всех гениев, проявивших свою творческую мощь в зрелом возрасте, то как объяснить гениальность шестилетнего Моцарта, трёхлетнего Гаусса, годовалого Тассо, всех малолетних Листов, Клеро, Паскалей, Кайсаров и Джонатанов? Как объяснить гениальность этих детей, нервная система которых претерпела чудовищные изменения под давлением ранних знаний и ранней

страсти, избежала безумия и тем не менее, быть может, принадлежала патологии?» – эти вопросы занимают учёных из триптиха основателя казахской научной фантастики о проблемах гениальности.

7 июня: Чему помогает чувство абсурда?

75 лет назад родился **Всеволод Евгеньевич БАГНО** (р. 1951), русский литературовед, автор книги «Дорогами Дон Кихота», составитель собраний сочинений Г.Гарсиа Маркеса, Х.Кортасара, сборника «Миф о Дон Жуане», переводчик произведений Х.Л.Борхеса, Х.Кортасара.

Кроме всего прочего, В. Бagno составил 13 сборников «Под абсурдинку» – миниатюрных текстов в афористическом жанре. Из интервью:

– Ваши сборники «Под абсурдинку» – это интеллектуальная игра, отдушина учёного или особый жанр философской миниатюры? Помогает ли

чувство абсурда и парадокса в руководстве таким серьёзным учреждением?

– Очень меня насторожила «отдушина». Я с доброй улыбкой представил себе учёного, который потратил жизнь, чтобы найти отдушину, да так её и не нашёл. В одной из абсурдинок сказано: «Он не кричит, это такие звуки». Видимо, больше всего меня бы устроило, если бы эти «штучки» воспринимали как такую поэзию. Что же касается помощи в руководстве учреждением, то да, конечно, помогает, как помогает, например, сомневаться в том, что земля круглая: «Все верили, что земля круглая, а она угловатая». Помогает понять, чем одни учёные отличаются от других: «Науки делятся на естественно точные и естественно неточные».

13 июня: Известен не фантастическими фильмами

80 лет назад родился **Игорь Владимирович СТАРЫГИН** (1946-2009), российский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Лунная радуга» (Полинг), «Семь стихий» (Глеб), «Блистающий мир» (Галль, поклонник Руны), в спектакле «Летняя ночь. Швеция» (Режиссёр Андрей Тарковский).

Игорь Старыгин буквально вытягивал слабые фантастические фильмы «Лунная радуга» и «Семь стихий», но невнятность сценарного и режиссёрского замысла не мог спасти даже звёздный актёрский состав. Судите сами. В этих фильмах, кроме Старыгина, снимались: Ирина Алфёрова, Александр Филиппенко, Любовь Виролайнен, Владимир Гостюхин, Василий Ливанов, Юрий Соломин, Георгий Тараторкин... но помнят об этих фильмах лишь исследователи советского киноискусства. Не сравнить с ролью Арамиса в мушкетёрской серии...

14 июня: Мягкий и уступчивый режиссёр

75 лет назад родился **Александр Николаевич СОКУРОВ** (р. 1951), русский режиссёр, постановщик к/ф «Дни затмения», «Русский ковчег», «Сказка», тетралогии «Молох», «Телец», «Солнце», «Фауст».

Борис Стругацкий вспоминал: «Александр Сокуров, снявший замечательный фильм «День затмения», был мягок, уступчив, готов к компромиссам,

его совсем нетрудно было убедить и переубедить. Сценарий проходил по начальственным инстанциям долго, трудно, даже мучительно, идиотские вопросы и рекомендации сыпались градом («Какие именно работы ведут учёные? Почему сверхцивилизация агрессивна? Убрать бытовые сцены и карлика!!!»). Авторы (теперь уже опытные, битые, многожды пытаные), скрипя зубами, соглашались переделывать целые сцены и переделывали их – режиссёр оставался спокоен и тих. Просто он ТОЧНО знал, что там будет в конце концов и на самом деле – в его кино, в объективе камеры, на плёнке, на экране. И когда настал момент, он предложил свой, выношенный и любимый вариант (сделанный для него Юрием Арабовым) и именно по этому сценарию и отснял фильм, – фильм значительный, мощный, превосходный в своем роде, – но очень далёкий и от исходной повести («За миллиард лет до конца света»), и от последнего варианта авторского сценария».

15 июня: **«Хватить шилом патоки...»**

90 лет назад родился **ЯМАДА Тадаси (ФУКАМИ Дан)** [山田忠 (深見弾)] (1936-1992), японский переводчик с русского и польского языков, познакомивший любителей фантастики Японии с романами А.Толстого, А.Грина, А.Богданова, А.Беляева, М.Булгакова, С.Лема, братьев Стругацких, С.Снегова, К.Чапека, М.Лейнстера, Э.Нортон.

К сожалению, фотографии переводчика не нашлось. Его имя часто встречается в переписке Аркадия и Бориса Стругацких, в повести «Хромая судьба» главный герой приводит письмо некоего Рю Таками, который просит разъяснить некие термины: что означают такие, например, выражения: «хватить шилом патоки», «цвести, как майская роза», «иметь попсовый вид», «полные штаны удоволь-

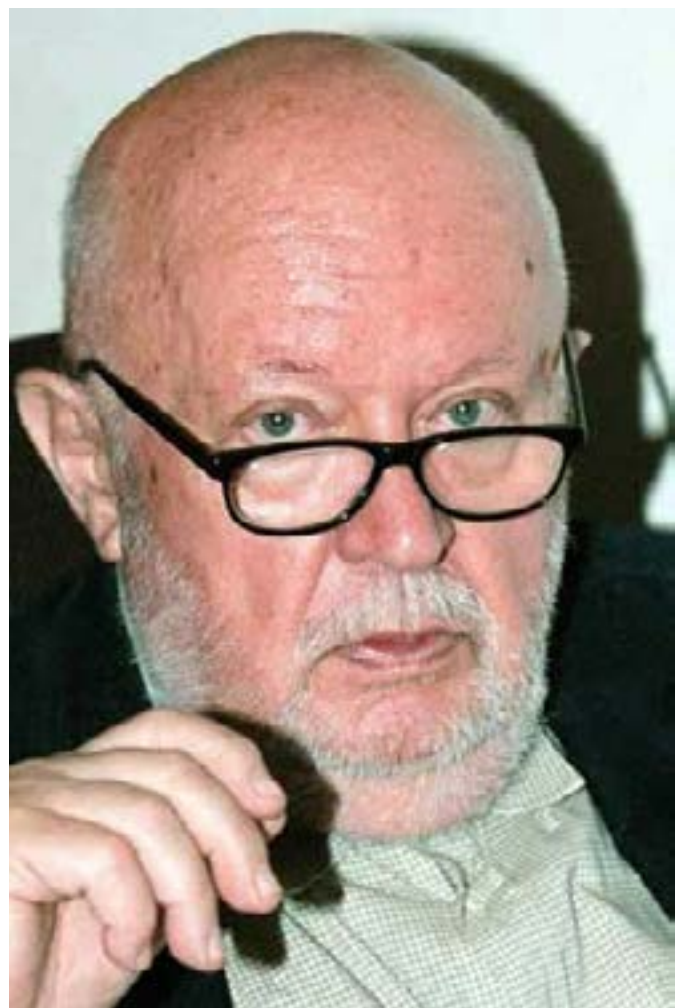
ствия», «начистить ряшку» и «залить зенки»... Это реальные вопросы Фуками Дана. В романе «Волны гасят ветер» (который на японский перевёл Фуками Дан) технология повышения приспособляемости человека к внешним условиям названа фукамизацией, таким образом авторы отдали дань японскому переводчику.

16 июня: **Первый контакт и Интернет**

130 лет назад родился **Уильям Фитцджеральд ДЖЕНКИНС (Мюррей ЛЕЙНСТЕР; Луиза Картер ЛИ; Флоринда МАРТЕЛ; Уильям ФИТЦДЖЕРАЛЬД)** [William Fitzgerald JENKINS (Murray LEINSTER; Louisa Carter LEE; Florinda MARTEL; William FITZGERALD)] (1896-1975), американский писатель, автор циклов «Джо Кенмор», «Медицинская служба», «Туннель времени», «Планета гигантов», «Дэвис и Джеррольд», «Томми Римес», «Бад Грегори», «Непрактичные изобретения», романов «Похитители разумов», «Врата в никуда», «Забывтая планета», «Колониальная служба», «Монстр с края

19 июня: «Люди нуждаются в надежде»

света», «Четверо с пятой планеты», «Поющий астероид», «Данайцы, дары приносящие», «Космические пираты», «Звёздный старатель», «Космические скитальцы», в целом – более 800 произведений.

Из обильного наследия писателя я бы выделил рассказ 1945 года «Первый контакт», в котором поставлен непростой вопрос доверия между разными космическими цивилизациями, встретившимися вдали от обитаемых планет. Эту историю дополняли, обсуждали и «пробовали на зуб» самые разные фантасты во многих странах. Именно как полемический отклик на «Первый контакт» появился рассказ Ивана Ефремова «Сердце Змеи». А в 1946 году вышел рассказ Лейнстера «Логический компьютер по имени Джо», в котором писатель практически предсказал появление Интернета за пятьдесят лет до его возникновения.

100 лет назад родился **Йозеф НЕСВАДБА [Josef NESVADBA]** (1926-2005), чешский писатель, сценарист и врач-психиатр, автор романов «Диалог с доктором Донгом», «Как инсценировать смерть», «Заблуждения Эрика Н.», «Секретный доклад из Праги», «Ищу мужчину замуж», «Ад Бенеш», сборников

«Смерть Тарзана», «Мозг Эйнштейна», «Экспедиция в противоположном направлении», «Водительские удостоверения родителей», «Последние путешествия капитана Немо», «Минехава во второй раз».

В отличие от канонов научной фантастики 1950-х годов, в которой тогда господствовали технические изобретения, чешский писатель с самого начала в своих книгах больше внимания уделял внутреннему миру героев, исследуя их психику и реакции на внешний мир. В последнем (по мнению критиков, лучшем) романе Несвадба в форме фантастического детектива представил альтернативную историю о президенте довоенной Чехословакии Эдварде Бенеше. «Напишите утопию, – советовал Несвадба молодым писателям. – Люди нуждаются в надежде».

21 июня: **Не важно, вампир он или нет**

85 лет назад родился **Валерий Сергеевич ЗОЛУХИН** (1941-2013), русский актёр, исполнитель ролей в спектаклях «Антимиры», «Жизнь Галилея» (Маленький монах), «Что делать?» (Лопухов), «Вла-

димир Высоцкий», «Медя» (Креонт), «Король умирает» (Беранже I, король), «Собачье сердце» (Профессор Преображенский), к/ф «Царевич Проша» (Плут Лутона), «Ночной дозор» и «Дневной дозор» (Валерий Сергеевич, вампир, отец Кости), «Чёрная Молния» (Павел Владимирович Перепёлкин), «Вий» (Явтух), т/ф «Чародеи» (Иван Степанович Киврин), сериале «Мастер и Маргарита» (Никанор Иванович Босой), исполнитель песни Жоржа Милославского в к/ф «Иван Васильевич меняет профессию».

По словам актёра, он согласился сыграть в «Дозорах», потому что его заинтересовал характер героя, и ему было совершенно не важно, вампир он или нет: «Всё, что я хотел сыграть в этом персонаже, и это я увидел потом на экране: всю трагедию, всю драму истории с сыном, и его порочность, и то, что он любым способом пытается извлечь из ужаса порока. В «Дневном дозоре» абсолютно нет никакого ущемления актёрского мастерства. Это такой жанр, здесь есть психологизм, есть глубина, но она должна быть знаковая, быстрочитаемая».

22 июня: **Бестселлер на спор**

170 лет назад родился **Генри Райдер ХАГГАРД [Henry Rider HAGGARD]** (1856-1925), американский писатель, юрист и агроном, автор более 30 книг об Аллане Квотермейне, серии романов о владительнице племени каннибалов Аэше, романов «Рассвет», «Голова ведьмы», «Полковник Кварич», «Беатрис», «Дочь Монтесумы», «Люди тумана», «Земля теней, или Джоанна Хейст», «Сердце мира», «Колдун», «Стелла: История трёх судеб», «Рыцарь пустыни, или Путь духа», «Прекрасная Маргарет», «Жёлтый бог: африканский идол», «Короли-призраки», «Утренняя Звезда», «Алая Ева», «Осколки вечности», «Когда мир содрогнулся», «Призраки острова Марион», «Валтасар» и др.

Хаггард начал свою писательскую деятельность в журнале Джерома К. Джерома «Досужий человек», где печатались его исторические, психологические и фантастические рассказы. Как водится, выбрать основную тему своего творчества ему помог спор с братом. Тот утверждал, что Райдер не сможет написать приключенческий роман в духе «Острова сокровищ» Р.Л.Стивенсона. Ударили по рукам. Поспорили на целых 5 шиллингов. И за полтора месяца Хаггард написал роман «Копи царя Соломона»,

публикация которого сделала его знаменитым. Герой романа, Аллан Квотермейн, надолго стал любимым персонажем писателя, исследователем «забытых миров» в Африке.

22 июня: **Политический всезнайка**

130 лет назад родился **Николай Николаевич ШПАНОВ** (1896-1961), русский писатель и журналист, автор романов «Земля Недоступности», «Первый удар», «Война невидимок», «Ураган».

Из книги Геннадия Прашкевича «Красный сфинкс»: «С уважением и почтением отзывался о политическом всезнайстве Ник. Шпанова писатель Юлиан Семёнов. «Если хочешь научиться чему-то, – однажды написал он мне, – учись у того, кто умел хватать успех за хвост. Учись у Шпанова огромности темы, исторической насыщенности. Просто так – это не получается даже у ловкачей». И указывал на невероятное количество реальных персонажей Ник. Шпанова: Сталин, Рузвельт, Гувер, Димитров, Гитлер, Кальтенбруннер, Чан Кайши, Мао Цзэдун, Гесс, Даллес, капитан Рэм, короли и президенты, посылы и писатели, физики и летчики».

22 июня: Реальность и вымысел

100 лет назад родился **Тадеуш КОНВИЦКИЙ** [Tadeusz KONWICKI] (1926-2015), польский писатель, автор романов «Дыра в небе», «Вознесение», «Зверечеловекоморок», «Малый апокалипсис», «Подземная река», «Бохинь», «Чтиво».

По словам Анны Фиалкевич-Сэнь, в произведениях Конвицкого, особенно в «Малом апокалипсисе», поражает раскол между реальностью и созданной коммунистами вымышленной действительностью. Слова, как выясняется, утратили всякую

ценность. Злоупотребление и манипулирование их смыслами привело к ситуации, когда многие ценности размыты, а общество глухо к каким бы то ни было сообщениям со стороны властей. В качестве примера исследовательница приводит гротескную сцену обрушения моста, пролёт которого падает прямо на проплывающий по реке лозунг «Мы построили социализм!». Заметим, что подобным образом обстоит дело и с развешанными по всему городу неоновыми вывесками, которые часто упоминаются в тексте. Украшающие обветшавшие здания, они уже просто не воспринимаются жителями.

23 июня: О парении воображения

90 лет назад родился **Ричард Дэвид БАХ** [Richard David BACH] (р. 1936), американский писатель, философ, лётчик, автор циклов «Хроники хорьков», «Иллюзии», романов «Мост через вечность», «Единственная», «Бегство от безопасности», «Гипноз для Марии», повестей «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», «За пределами разума».

Рэй Брэдбери, с которым Бах дружил, писал в предисловии к книге «Чужой на Земле»: «Дик Бах не смог бы написать книгу просто о полёте, даже если бы очень этого захотел. И это, дети мои, – комплимент. Если слово «полёт» значит для нас всего лишь набор технических приёмов и упражнений – как взлетать и садиться, как чинить мотор, как заменить струны в этой твоей арфе 1917 года выпуска, – то с первой же страницы станет ясно, что мы не получим от юного мистера Баха того, чего желаем. Если же мы, напротив, хотим освежить свои знания, подняться ввысь вместе с Икаром, опуститься вниз с Монгольфье и снова взлететь вместе с братьями Райт, так, чтобы всё наше существо пронизывал ветер и охватывала неудержимая радость,

нам стоит довериться умелым рукам Дика Баха. Он не просто «летает», точно так же, как его гениальный великий прадед Иоганн Себастьян Бах не «писал» музыку: он источал её. И вот книга, в которой Дик Бах делится самым заветным, книга не о полёте, а о парении, и не механизмов, а воображения. Великий-превеликий прадедушка писал музыку. Теперь его потомок дарит миру незамысловатые слова».

**26 июня: Существование
сверхъестественного очевидно**

95 лет назад родился **Колин Генри УИЛСОН [Colin Henry WILSON]** (1931-2013), английский писатель и философ-литературовед, автор циклов

«Джерард Сорм», «Мир пауков», «Оккультизм», «Тайны Атлантиды», «Мифы Ктулху», романов «Убийца», «Пустыня», работ «Сила сна: литература и воображение», «Странный гений Дэвида Линдсея», «Древо Толкина», «Научная фантастика как Экзистенциализм», «Замок Франкенштейна».

Из интервью Колина Уилсона: «В 1968 году в одном издательстве меня попросили написать книгу о сверхъестественном. Сначала я был не очень заинтересован, хотя оккультизм всегда немного привлекал моё внимание. В американских аэропортах я покупал книги о привидениях, странных совпадениях и подобных явлениях. Тем не менее, я не воспринимал это всерьёз, и несколько бы не расстроился, если бы выяснилось, что паранормальные явления – лишь сплетение нелепостей и принятие желаемого за действительное. Однако когда я согласился написать книгу ради денег и начал вникать в предмет, я понял, что существование сверхъестественного так же очевидно, как существование атомов и электронов, и во мне проснулся острый интерес. Более того, меня радовало то, что моя работа была посвящена признанию того, что мы владеем силами, о которых даже не подозреваем. В ней

рассматривались все виды сил, которые мы не используем».

28 июня: 2000-летний старик

100 лет назад родился **Мелвин КАМИНСКИ (Мел БРУКС) [Melvin KAMINSKY (Mel BROOKS)]** (р. 1926), американский режиссёр, сценарист и актёр, участвовал в съёмке и озвучивании фильмов «Молодой Франкенштейн», «2000-летний человек», «Страх высоты», «Фильм Маппетов», «Человек-слон», «Всемирная история», «Муха», «Космические яйца», «Дракула: Мёртвый и довольный», «Секс, ложь и видеонасилие», «Приключения Джимми Нейтрона, мальчика-гения», «Роботы», «Космобольцы», «Монстры на каникулах», «История игрушек», «Демонёнок», «Зачарованное королевство».

Фильмы ужасов он с детства и любил, и ненавидел одновременно, причём за одно и то же: они его пугали до чертиков. Будучи маленьким, он часто просил маму закрыть окно, потому что за ним была пожарная лестница, и чудовище Франкенштейна могло по ней пробраться к нему в комнату.

– Мама говорила мне: «Мелвин, послушай, он живёт в Европе. Ему придется сначала садиться на поезд, потом очень долго плыть на корабле до Нью-Йорка, затем ехать в метро и только после этого карабкаться по пожарной лестнице. Он и у себя дома может слопать кучу народу, причем без всех этих трудностей». И тогда я говорил: «Ладно, не закрывай окно». Моя мама была очень умная, – рассказывает Брукс.

Из интервью: «Большинство людей боится смерти, я её просто ненавижу. Мой юмор – это крик протеста против конца. Почему мы должны умереть? Вот ты ребёнок, у тебя новые белые ботинки со шнурками, и бархатный костюмчик, и воротничок, вот ты идёшь в колледж, встречаешь классную дев-

чонку, вы женитесь, ты сколько-то лет работаешь – и потом ты должен умереть? Что это за дерьмо? Мы так не договаривались! Остается кричать от возмущения, и если ты кричишь всерьёз, то становишься серьёзным драматургом, и люди читают тебя и говорят: «Очень неплохо». Но у меня есть подозрение, что кричать с юмором как протест работает лучше».

28 июня: Книги с весёлыми эпитафиями

80 лет назад родился **Роберт Линн АСПРИН [Robert Lynn ASPRIN]** (1946-2008), американский писатель, автор сериалов «Холодные финансы», «МИФы», «Шутовская рота», «Вокзал времени» (с Л. Эванс), романов «Война жуков и ящериц», «Зеркало – друг, зеркало – враг» (с Дж.Такеем), «Тамбу», «Закливание для спецагента» (с Дж.Л.Най), «За короля и отечество» (с Л.Эванс), «Корпорация Боги» (с Э. Фриснер), «Варторн» (с Э. дель Карло), «Игры драконов», создатель межавторской серии «Мир воров».

Слово одному из основных переводчиков Асприна, Виктору Фёдорову: Первая книга «МИФов» Асприна задумывалась, как пародия не только на

научную фантастику, но и на фэнтези, детективы, криминальные драмы, а также книги, посвящённые борьбе с мафией (достаточно вспомнить Синдикат). Аллюзии, узнаваемые, правда, в основном англоязычной аудиторией, встречаются в его произведениях довольно часто. Кстати, насчет эпитафий: поскольку первая книга Асприна являлась, в первую очередь, пародией на приключенческие романы типа «Конана», где каждую главу принято сопровождать подобной краткой выдержкой из какого-либо произведения, Асприн просто решил сделать то же самое. И надо сказать, ему это удалось. Как говорил сам Асприн в предисловии к одному из своих романов, «на придумывание такого эпитафа уходит порой больше времени, чем на сочинение самой главы».

Такие дела Май, 2026:

1 мая: **Дэвид Норман Кендалл [David Norman Kendall]** (р. 4 октября 1957), американский режиссёр, сценарист и продюсер, постановщик сериалов «Джерси», «Такая Рэйвен», «Фил из будущего», «Два короля», «Собака точка ком», «Грозная семейка», «Опасный Генри», «Лучшие друзья навсегда», «Расширяющаяся вселенная Эшли Гарсиа». 68 лет. (*Википедия*)

3 мая: **Валентин Иванович Коровин** (р. 4 января 1932), литературовед, текстолог, автор работ «Творческий путь М.Ю.Лермонтова», «Лелеющая душу гуманность. О некоторых гранях гуманизма Пушкина», «Поэт и мудрец. Книга об Иване Крылове», «Лирика Н.С.Гумилёва», составитель антологии «Русская фантастическая повесть эпохи романтизма». 94 года. (*Рувики*)

3 мая: **Александр Евгеньевич Простов-Покровский** (р. 9 марта 1951), живописец, график, сценограф, художник-постановщик, создатель направления Интеллектуальный реализм, который является синтезом метафизического реализма, магического реализма и сюрреализма, обладатель Кубка Сальвадора Дали, автор картин «Землемер», «Знахарь», «Ковчег», «Поводыри», «Трибунал», «Добрый пастырь», «Затворник», «Музыкант», «Золотая конструкция», «Двенадцать баранов», «Жирацап», «Самодержец», «Тираническая привычка», «Путь на Голгофу», «Тишина», «Коняса», «Суд Пилата», «Остров Циттера». 75 лет. (*Википедия*)

4 мая: **Джонатан Тирстен [Jonathan Tiersten]** (р. 11 августа 1965), американский актёр и музыкант, исполнитель ролей в к/ф «Спящий лагерь», «Возвращение в спящий лагерь», «Идеальный

дом», «Резервуар крови», «Убийца: Ты против Тебя», «Ужасные истории», «Дом, проливший кровь», «Война Дракулы», «Озеро Теней», «Туалетный зомби-ребёнок наносит ответный удар», «Время вышло», «Последнее американское шоу ужасов: Том II», «Нежить». 60 лет. (*Википедия*)

5 мая: **Вильям Нерсесович Петросян [Վրլիւմ Ներսիսի Պետրոսյան]** (р. 12 ноября 1938), армянский скульптор, автор скульптур «Феникс» (медь) на стене Государственного театра песни Армении в Ереване, «Леопард» или «Ереванский кот» (чёрный туф) у северо-западного выхода их тоннеля Конд в Ереване, «Танец огня» или «Лилит» (красный туф) на площади Уругвая в Ереване. 87 лет. (*Википедия*)

5 мая: **Евгений Яковлевич Сивоконь [Євген Якович Сивокінь]** (р. 7 мая 1937), украинский режиссёр и художник мультипликационных фильмов «Человек, который умел летать», «Сказка про доброго носорога», «Сказка о белой льдинке», «Осторожно – нервы!», «Приключения кузнеца Вакулы», «Секрет приворотного зелья», «Страна Считаля», «Никита Кожемяка», «Сказка о царевиче и трёх лекарях», «Колумб причаливает к берегу», «Мистерия-буфф», «Волшебник Ох», «E=mc²». 88 лет. (*Википедия*)

7 мая: **Любовь Степановна Колесникова** (р. 1 июля 1951), украинская актриса, исполнительница ролей в спектаклях «Энеида», «Снежная королева», «Красная шапочка», «Сестра моя Русалонька», «Вий. Докудрама». 74 года. (*Википедия*)

7 мая: **Майкл Вивиан Файф Пеннингтон [Michael Vivian Fyfe Pennington]** (р. 7 июня 1943), английский актёр, режиссёр и писатель, исполнитель ролей в спектаклях «Гамлет», «Король Лир», «Царь Эдип», в к/ф «Гамлет», «Звёздные войны: Возвращение Джедая», «Зимняя сказка», «Воспитанные волками». 82 года. (*Википедия*)

8 мая: **Вадим Александрович Александров** (р. 3 мая 1939), актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Затоваренная бочкотара», «Миф о Дон-Жуане», в к/ф и сериалах «Горя бояться – счастья не видать», «Деревня Утка», «Король Матиуш Первый», «Тот самый Мюнхгаузен», «Руки вверх!», «Рыжий, честный, влюблённый», «Шанс», «День гнева», «Кин-Дза-Дза!», «Ваши пальцы пахнут ладаном!», «Д.Д.Д. Досье детектива Дубровского», «Голоса», «Страна чудес». 87 лет. (*Николай Подосокорский*)

8 мая: **Судзуки Кодзи [鈴木光司]** (р. 13 мая 1957), японский писатель, автор цикла «Звонок», романов «Рай», «Море, залитое светом», «Прогулка богов», «Синий свет», «Лес самоубийц», «Вездесущий», сборников «Иллюзия жизни и смерти», «Тёмные воды», «Звонок-0 (Рождение)», рассказа «Капля», изданного на рулоне туалетной бумаги. 68 лет. (*Мир фантастики*)

10 мая: **Дэвид Патрик Джордж Бёрк [David Patrick George Burke]** (р. 25 мая 1934), английский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Шерлок Холмс», «Чемпионы», «Пьеса дня», «Ужасные истории старого кресла», «Космический полицейский участок», «Вид с холма», «Рождественская история о привидениях», «Случайное испытание», «Женщина в чёрном», «Мушкетёры», «Молодой мессия». 91 год. (*Николай Подосокорский*)

12 мая: **Дональд Ричард Гибб [Donald Richard Gibb]** (р. 4 августа 1954), американский актёр, баскетболист, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Конан-варвар», «Рыцарь дорог», «Другой мир», «Трансильвания 6-5000», «Амазонки на Луне», «Квантовый скачок», «Они пришли из открытого космоса», «Гарри и Хендерсоны», «Инопланетный завтрак», «Секретные материалы», «Выкарабкивающийся», «Чудеса науки», «Завтра наступит сегодня», «Кореша в космосе», «Вне веры: Правда или

ложь», «Вперёд в прошлое», «Чёрный скорпион», «Хэнкок». 71 год. (*Википедия*)

12 мая: **Джордж Браун Рэндалл (Джек Тейлор) [George Brown Randall (Jack Taylor)]** (р. 21 октября 1926), американский актёр и сценарист, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Нейтрон, человек в чёрной маске», «Автоматы смерти», «Нострадамус и разрушитель монстров», «Нострадамус, гений тьмы», «Нейтрон против доктора Каронте», «Некрономикон», «Суккуб», «Вторжение С.О.С.», «Граф Дракула», «Кошмары приходят ночью», «Неотснятая плёнка, вампир», «Эжени», «Доктор Джекилл против Человека-Волка», «Месть доктора Мабузе», «Вампирша», «Ночная оргия вампиров», «Ночь колдунов», «Слепые мертвецы 3: Корабль слепых», «Игра дьявола», «Месть мумии», «Курро Хименес», «Путешествие к центру Земли», «Страсть к Вуду», «Красная загадка», «Натали в нацистском аду», «Порочная и обнажённая», «Конан-варвар», «Куски», «Ловушка», «Отряд пантер», «Морской змей», «Живой портрет», «Покойся с миром», «Игуана», «На острие топора», «Беззаботная жизнь», «Девятые врата», «Присутствие духа», «День рождения», «Призраки Гойи», «Побег», «Воск». 99 лет. (*Википедия*)

13 мая: **Владимир Александрович Овчинников** (р. 17 февраля 1938), краевед, общественный деятель, создатель настенной живописи в городе Боровске Калужской области, автор работ «Глобус Боровска», «Константин Циолковский», «Разгадывание мира», «Гоголь», «Догоняя время», арт-объекта «Звездолёт Овчинникова» («Космический ковчег»). 88 лет. (*Николай Подосокорский*)

14 мая: **Зоя Борисовна Богуславская** (р. 16 апреля 1924), писательница и литературовед, жена Андрея Вознесенского, автор книг «Леонид Леонов», «Вера Панова», «Зазеркалье». 102 года. (*Даша Кельн*)

17 мая: **Юрий Семёнович Устинов** (р. 18 марта 1954), художник театра и кино, художник-постановщик спектаклей «Фауст», «Сказка о царе Салтане», «Жар-птица», «Черевички», «Пиковая дама», к/ф «СВ. Спальный вагон», «Рой», «Мастер и Маргарита», «Девять неизвестных», «Гамлет. XXI век». 72 года. (*Википедия*)

18 мая: **Томас Кэйн Робертс (Том Кэйн) [Thomas Kane Roberts (Tom Kane)]** (р. 15 апреля 1962), американский актёр, исполнитель роли в к/ф «Дракула 2000», озвучил фильмы «Железный человек», «Фантом 2040», «Невероятный Халк» Ю «Человек-паук», «Рыцари правосудия», «Хэллоуин: 20 лет спустя», «Дикая семейка Торнберри», «Суперкрошки», «Скуби-Ду и кибер-погоня», «Дракула-2: Вознесение», «Звёздные войны», «Аватар», «Приключения Джимми Нейтрона, мальчика-гения», «Могучие рейнджеры», «Робоцып», «Шрек Третий», «Росомаха и Люди Икс», «Халк против», «Смурфики», а также множество видеоигр. 64 года. (*Википедия*)

20 мая: **Наталья Васильевна Астахова** (р. 29 марта 1953), писательница и журналистка, автор сборника «Письма с Земли». 73 года. (*Владимир Карабаев*)

23 мая: **Альберт Вольски [Albert Wolsky]** (р. 24 ноября 1930), американский художник по костюмам, работал над к/ф «Красавица и чудовище», «Метеор», «Буря», «Шансы есть», «Игрушки», «Джунитор», «В поисках Галактики», «Через Вселенную», «К звёздам». 95 лет. (*Википедия*)

24 мая: **Норман Гэри Фостер [Norman Gary Foster]** (р. 25 мая 1936), американский музыкант, принимал участие в записи более 500 фильмов, в том числе: «Корпорация монстров», «Ледниковый период», «Эльф», «Особняк с привидениями». 89 лет. (*Википедия*)

25 мая: **Нисимура Ёсихиро [西村喜廣]** (р. 1 апреля 1967), японский режиссёр и мастер спецэффектов, постановщик к/ф «Спикерман», «Токийская полиция крови», «Вампирша против Франкенштейнш», «Адский драйвер», «Отряд девушек-мутантов», «Азбука смерти», «Зомби-ТВ», «Комната душ», «Глупая Япония: Путь к Тэцудону», «Кудоку: Мясорубка». 59 лет. (*ウイキペディア*)

27 мая: **Морин Патрисия Даффи [Maureen Patricia Duffy]** (р. 21 октября 1933), британская поэтесса, писательница и драматург, автор романов «Капитал», «Сага о Горе», «Страх Скарборо», «Алхимия», «Тропа Орфея», «В такие времена, как сейчас», работы «Эротический мир фейри». 92 года. (*Wikipedia*)

27 мая: **Марсия Лу Лукас [Marcia Lou Lucas]** (р. 4 октября 1945), американский киномонтажёр и продюсер, бывшая жена Джорджа Лукаса, обладательница премии «Оскар» за лучший монтаж фильма «Звёздные войны. Эпизод IV: Новая надежда», также работала над эпизодами V и VI «Звёздных войн». 80 лет. (*Мир фантастики*)

30 мая: **Келли Ли Кёртис [Kelly Lee Curtis]** (р. 17 июня 1956), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Викинги», «Волшебные палочки», «Секта», «Звёздный путь: Дальний космос 9», «Часовой». 69 лет. (*Википедия*)

30 мая: **Любовь Алимбиевна Кунакова** (р. 8 августа 1951), артистка балета, педагог, исполнительница партий в балетах «Дон Кихот», «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Чудесный мандарин», «Сильфида». 74 года. (*Википедия*)

R.I.P. – Дополнения:

7 февраля: **Джон Энтони Фланаган [John Anthony Flanagan]** (р. 22 мая 1944), австралийский писатель, автор циклов «Ученик рейнджера»,

«Хроники братства», диологии «Штормовой пик», романа «Серый рейнджер». 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

7 марта: **Пол Энтони Сид [Paul Anthony Seed]** (р. 18 сентября 1947), британский режиссёр и актёр, исполнитель ролей в сериалах «Доктор Кто», «Смерть по часам», «Выжившие», «Непридуманные истории». 78 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

21 марта: **Десмонд Морган Браун (Десмонд Баррит) [Desmond Morgan Brown (Desmond Barrit)]** (р. 19 октября 1944), британский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Алиса в Зазеркалье», «Духи Рождества», в мюзикле «Злая ведьма». 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

26 марта: **Томас Эдвард Тессье [Thomas Edward Tessier]** (р. 10 мая 1947), американский писатель, поэт и драматург, автор романов «Судьбы», «Ночной странник», «Ударные волны», «Фантом», «Последние штрихи», «Восторг», «Тайные незнакомцы», «Туманное сердце», «Опера смерти отца Паника», «Злые вещи», сборников стихов «Как мы умерли», «На фоне хаоса», «Заброшенные дома», рассказов «Призрачная музыка», «Безжалостные», «Мир боли». 78 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

28 марта: **Ричард Франсуа Донат [Richard Francois Donat]** (р. 1 июня 1941), канадский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Смертельный уик-энд», «Видя происходящее», «Глубоководная коспирация», «Лексс», «Пси-фактор: Хроники паранормальных явлений», «Тайны Хейвена», «Хемлок Гроув», «Целитель». 84 года. (*Дэвид Лангфорд*)

29 марта: **Тера Митчел [Tera Mitchel]** (р. 31 марта 1951), американская исполнительница, автор песен и организатор филк-музыки, участвовала в записи альбомов «Песнь звёзд», «Чёрный Единорог», «Другие времена, другие места», «Приключения продолжают» (альбом в стиле «Звёздного пути»). 75 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

3 апреля: **Стан Илинг [Stan Eling]** (р. в 1935), британский любитель фантастики, член Бирмингемской НФ группы, организатор (фэны называли его «источником мудрых советов») и участник многих конференций в 1970-1980-х годах. 90 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

4 апреля: **Арне Олсен [Arne Olsen]** (р. в 1962), канадский сценарист, автор сценариев к/ф и сериалов «Решающий раунд», «Могучие Морфы: Рейнджеры силы», «Все псы попадают в рай 2», «Побег из Атлантиды», «Охотники за древностями», «Зверь», «Ярость гризли», «Повторяющие реальность». 64 года. (*Дэвид Лангфорд*)

7 апреля: **Элуки бес Шахар (Розмари Эджхилл) [Eluki bes Shahar (Rosemary Edghill)]** (р. в июне 1956), американская писательница, автор циклов «Баст», «Каролус Рекс» (с Эндрю Нортон), «Вселенная эльфов в пути» (с Мерседес Лаки), «Адский цветок», «Теневого Грааль» (с Мерседес Лаки), «Двенадцать сокровищ», романов «Встреча при лунном свете», «Убийца войн», «Арканум 101: Приветствуем новых студентов», «Мёртвый расчёт» (оба – с Мерседес Лаки). 69 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

10 апреля: **Джон Генри Гидри [John Henry Guidry]** (р. 15 декабря 1944), американский любитель фантастики, организатор Ассоциации НФ Нового Орлеана, создатель Ассоциации любительской прессы имени Эдгара Райса Берроуза, совладелец издательства Guidry and Atkins, издатель фэнзинов. 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

10 апреля: **Юрий Юрьевич Горбачёв (Юрась Нераток; Юрий Юлов) [Юрый Юр'евич Гарбачоў]** (р. 19 сентября 1961), белорусский писатель и поэт, автор романов «Пьяный материк» и «По дороге на пикник», сборников «Абстрактно о конкретном», «Экспедитор», «Мутант», «Фермер», «Терапия»,

составитель антологии «Рецепт от пессимизма». 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

10 апреля: **Сидус Йолас (Сид Кроффт) [Cyodus Yolas (Sid Krofft)]** (р. 30 июля 1929), канадский писатель, сценарист и кукловод, создатель (вместе с братом Марти) фильмов и телесериалов «Г.Р.Пафнстаф», «Странные вещи», «Бугалос», «Лидсвилль», «Зигмунд и морские чудовища», «Земля исчезнувших», «Далеко в космосе», «Потерянное блюдо», «Доктор Шринкер», «Чудо-жук», «Затерянный мир». 96 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

14 апреля: **Борис Николаевич Голощапов** (р. 30 ноября 1949), актёр театра и кино, исполнитель ролей в спектаклях «Каин», «Судьба профессора Доуэля», «Снежная королева», озвучивал мультфильмы «Принцесса Мононоке», «Ковбой Бибоп», «Союз Серокрылых», «Волчий дождь», «Евангелион», «Берсерк. Золотой век», «Наруто: Последний фильм», «Украсть прощальное утро цветами обещания», «Human Lost: Исповедь неполноценного человека», «В стране чудес». 76 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

14 апреля: **Александр Эдвардс Мортон [Alexander Edwards Morton]** (р. 24 марта 1945), шотландский актёр, исполнитель ролей в спектакле «Макбет», в к/ф и сериалах «Драмарама», «Вальгалла: Сага о викинге», «Там, наверху», в радиоспектаклях «Доктор Джекилл и мистер Хайд», «Дракула», озвучивал персонажей в видеоиграх «Викинг: Битва за Асгард», «Ведьмак 2: Убийцы королей», «Ведьмак 3: Дикая Охота». 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

15 апреля: **Луис (Лу) Джозеф Дзокки [Louis (Lou) Joseph Zocchi]** (р. 16 февраля 1935), американский любитель, дистрибьютер и издатель видеоигр, производитель и продавец многогранных игровых костей, создатель игр по мотивам «Звёздного пути». 91 год. (*Дэвид Лангфорд*)

17 апреля: **Мариклэр Кэтрин Костелло [Mariclare Catherine Costello]** (р. 3 февраля 1936), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Загон», «Напугать Джессику до смерти», «Невероятный Халк», «Кошмары», «Приключения Бакару Банзая в восьмом измерении», «Тень ведьмы из Блэр». 90 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

18 апреля: **Риф Хаттон [Rif Hutton]** (р. 28 ноября 1952), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Длина волны», «По следам беды», «Дела семейные», «Ник Найт», «Чужая нация», «Инопланетянин в чужом теле», «Мрачные тени», «Вавилон 5», «Лоис и Кларк: Новые приключения Супермена», «Дети кукурузы 3: Городская жатва», «Звёздный путь 7: Поколения», «Сила духа», «Тайный мир Алекс Мак», «Третья планета от Солнца», «Баффи – истребительница вампиров», «Тринадцатый этаж», «Дом ужасных историй», «Такая Рэйвен», «Город будущего», «Говорящая с призраками», «Эврика», «Сторонники», «Мой Апокалипсис», «Каприка», «Американская история ужасов», «Звёздный путь: Мекция 31». 73 года. (*Дэвид Лангфорд*)

20 апреля: **Вадим Владимирович Денисов** (р. 19 мая 1959), писатель, автор циклов «Антибункер», «Герои нашего племени», «День G», «Путь на Криту», «Стратегия», романов «Антигеймер», «Идущий на Север. Долина Башен», «Дауншифтер», «Извлекатели», «Жестянка». 66 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

23 апреля: **Виллем Герардус Вестстейн [Willem Gerardus Weststeijn]** (р. 5 декабря 1943), нидерландский славист, автор монографии «Велимир Хлебников и развитие поэтического языка в русском символизме и футуризме», переводчик стихов В.Хлебникова, Т.Кибирова, Д.Пригова, К.Кедрова, А.Парщикова, рассказов и статей А.Битова, А.Зиновьева, В.Пьецуха, А.Синявского, С.Соколова, Т.Толстой. 82 года. (*Михаил Эдельштейн*)

26 апреля: **Елена Александровна Михеева (Юргенсон)** (р. 17 июня 1951), актриса театра и кино, исполнительница ролей в спектаклях «Журавлиные перья», «Сорочинская ярмарка», в к/ф «Два дня чудес», «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше». 74 года. (*Дэвид Лангфорд*)

27 апреля: **Лен Стразевски [Len Strazewski]** (р. 16 февраля 1955), американский автор комиксов «Стармен», «Флеш», «Общество Справедливости Америки», «Леди Фантом», «Муха». 71 год. (*Дэвид Лангфорд*)

29 апреля: **Гордон Томас Фредерик Снелл [Gordon Thomas Frederick Snell]** (р. 1 октября 1932), британский детский писатель и сценарист, автор цикла «Удивительная машина Тома», книг «Тайна острова Монаха», «Проклятие замка оборотня», «Опасное сокровище», «Чудесное гнездо Эми», «Призрачный всадник», «Тина и Зубная Фея», «Призрак супермаркета». 93 года. (*Дэвид Лангфорд*)

30 апреля: **Лисбет Дотулонг (Мария Менадо) [Liesbet Dotulong (Maria Menado)]** (р. 2 февраля 1932), малайзийская кинозвезда, исполнительница ролей в к/ф «Понтианак», «Месть понтианака», «Клятва понтианака», «Раджа с клыками», постановщица к/ф «Понтианак возвращается». 94 года. (*Википедия*)

30 апреля: **Славен Радованович [Slaven Radovanović]** (р. 10 января 1947), сербский писатель, автор романов «Креманская роза», «Перевернутая церковь», «История сочинений Раймонда Лиля», «Не было солнца», «Удар рыцарского сапога», «Три дня триста лет». 79 лет. (*Вертер де Гёте*)

Голоса из Сетей

1 мая:

Записка #63

Отчасти я рад, что живу в эпоху разложения субъекта через цифру. И вижу, как крошится граница приватного и общего. Если осознать время, придет чувство, схожее с посещением Сикстинской капеллы или Сент-Шапель, когда раньше видел их лишь на картинках. Похожесть чувств в их силе, в остальном же у благоговения перед шедевром и у эсхатологической тревоги, конечно, мало точек соприкосновения.

Культура готовила меня к цифровизации с малолетства. Взрослые баловали проектами будущего, персонажи Платонова, Замятина, Лема, Дика, Стивенсона, Стругацких, Кэмерона, Скотта сомневались и/или боролись с системами. У человека реального иные методы: страдать, монетизировать, адаптироваться и игнорировать разницу между добровольным и вынужденным. Есть и те, кто радуется “цифровым ништякам” вроде цифровой валюты. И здесь во многом оказались правы мудреные дядьки, левые радикалы Фуко и Делез; правда, во многом и обделались (вспомним “власть всегда предполагает сопротивление”), ведь мыслили внутри лишь своего общества.

Как диагност мне всегда нравился Платонов (как раз скоро возьмусь за его письма). Большой феноменолог, инженер-мелиоратор и специалист по электрификация сельского хозяйства, он завещал устами героя “Котлована”: *«Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла»*. Счастье происходит от цифровизации.

Григорий Копейкин

Если в ранних романах цикла «Архивы Дрездена» сюжеты строились в основном вокруг того, что главный герой помогал тем, кто оказался в беде, то в последних томах ему в основном приходится разбираться с разнообразными глобальными проблемами. Например, настоящей сверхъестественной войны, полем боя для которого становится Чикаго. О сюжетах, когда Гарри приходит на выручку людям (и не только), оказавшимся в беде, **Джим Батчер** не забывает, но такие сравнительно приземленные истории перекочевали в формат повестей и рассказов.

Out Law – свежая подобная повесть, в которой Гарри протягивает руку помощи бывшему преступнику, который вроде бы встал на путь исправления, но чьи мотивы и цели вызывают сомнения. Повесть невелика по объему, насыщена действием и предлагает столкновение с любопытной сверхъестественной угрозой. Необязательное, но хорошее дополнение к циклу в духе ранних романов Батчера.

Дмитрий Злотницкий

2 мая:

«<...> да и не одни лишь чудеса чудесны. Все-го чудеснее бывает весьма часто то, что происходит в действительности. Мы видим действительность всегда почти так, как *хотим* ее видеть, как сами, *предвзято*, желаем растолковать ее себе. Если же подчас вдруг разберем и в видимом увидим не то, что хотели видеть, а то, что есть в *самом деле*, то прямо принимаем то, что увидели, за чудо, и это весьма не редко, а подчас, клянусь, поверим скорее чуду и невозможности, чем действительности, чем истине, *которую не желаем видеть*. И так всегда бывает на свете, в том вся история человечества».

Ф.М. Достоевский. «Дневник писателя» за 1877 г.

Николай Подсокорский

3 мая:

В «Пересадочной станции» Саймака доброжелательные инопланетяне предлагают человечеству (в лице главгероя) последний метод спасения, чтобы отменить надвигающуюся мировую войну: оглушение. Чтобы все люди одновременно стали такими тупыми, что не смогли бы управлять своими машинами и приборами. Какую надо кнопку, и ту не нажмут.

Такое впечатление, что этот метод действительно применили где-то в начале 20-го года. Но что-то пошло не так.

Макс Фрай

Очень мимими сейчас читать Саймака, который жил и писал в условиях постоянной угрозы ядерной войны и будучи чуваком бесконечно добрым и позитивным, постоянно изобретал варианты, как избежать этой беды.

Практика показала, что оглушение точно не помогает. Поглупевшие просто жмут на какие попало кнопки и гыгыкая смотрят, что будет.

Ещё он (как и я, как и я) тыркается в концепцию других вероятностей, даже пытается её теоретически обосновывать (получается так себе), но с этими вероятностями у него чота как-то фигня.

Кароч, ничего лучше добрых инопланетян и талисманов с духовной энергией до сих пор так и не изобрели. Требую инопланетян с талисманами! Это моя запоздалая первомайская демонстрация. Стою на перекрёстке дорог с плакатом. Мир, праздность, галактический совет, Талисман!

Макс Фрай

Иэн Бэнкс «Осиная фабрика»

Жанр: Психоделика

Оценка: 7/10

Роман «Осиная фабрика» шотландского писателя Иэна Бэнкса – один из самых скандальных и противоречивых дебютов в британской литературе конца XX века. Этот текст скорее напоминает патологоанатомическое исследование, где под микроскопом оказывается не только сюжет, но и природа человеческой жестокости, гендерная дисфория и границы литературной нормы.

С момента выхода в 1984 году книга расколола литературный мир: одни называли ее «произведением беспримерной порочности», другие – «маленьким шедевром», а третьи – откровенным эпатажем и «литературным эквивалентом видео-ужастиков». Как видим, критики не остались равнодушными – «Осиная фабрика» либо безоговорочно захватывает, либо вызывает острое отторжение, но не остается незамеченной.

Действие происходит летом 1981 года на маленьком, изолированном от внешнего мира

шотландском острове, который буквально пропитан атмосферой готической мрачности и декаданса. С первых строк повествование захватывает нас в плен больного разума 17-летнего Фрэнка Колдхейма, который причудливо сочетает бытовые занятия с изощренными садистскими наклонностями.

Фрэнк создал собственный искаженный мир, пронизанный личной мифологией, центральное место в котором занимает Осиная Фабрика. Это не просто метафора, а реальное сооружение на чердаке: циферблат от старых часов, превращенный в сложный лабиринт смерти для ос, где каждое число соответствует определенному способу казни. Судьба насекомого, по мнению Фрэнка, предопределяет и его собственную жизнь.

Сюжет начинает стремительно развиваться с известия о побеге из психиатрической клиники старшего брата Фрэнка – Эрика. Эрик, чье безумие стало результатом ужасающей психической травмы, неумолимо приближается к их мрачному дому, и это ожидание нагнетает саспенс до почти невыносимого уровня.

По мере повествования выясняется, что за плечами Фрэнка – три чудовищных убийства детей, о которых он рассказывает с леденящим душу спокойствием и даже извращенной гордостью. Он использует «Жертвенные столбы» с нанизанными на них головами животных, чтобы обозначить границы своей «крепости». Подобное смешение детской игры, ритуала и жестокости шокирует сильнее всего. Отдельного упоминания заслуживает фигура отца-хиппи, бывшего естествоиспытателя, чьи эксперименты над собственными детьми привели к катастрофическим последствиям. А развязка романа переворачивает реальность с ног на голову, заставляя нас переосмыслить все прочитанное и выбивая почву из-под ног.

За шокирующей оболочкой скрывается сложное исследование глубинных человеческих проблем. Во-первых, деформирующая сила травмы. Это история о том, как физическая и психологическая травма ломает психику, создавая чудовищ. Последствия жестокого обращения и изоляции, словно волны, расходятся по судьбам всех членов семьи. Во-вторых, поиск идентичности в искаженном мире. Финал романа раскрывает, что вся жизнь Фрэнка и его брата Эрика была построена на лжи отца. Бэнкс ставит самый сложный вопрос: что определяет нашу личность – физиология, воспитание или собственный кровавый опыт? В-третьих, природа зла и иллюзия нормы. Самое пугающее в романе – это обыденный, «спокойный» тон Фрэнка, которым он описывает свои злодеяния. Зло здесь не имеет грандиозной цели – оно пугающе примитивно и оттого более реально, а его корни уходят в секреты и патологии «нормальной» семьи.

Мастерство Бэнкса проявилось в первую очередь в создании уникального образа главного героя. Фрэнк – это огромная писательская удача, основа стилистической и психологической убедительности романа. Главный герой описывает чудовищные вещи – расчленение животных, убийства, садистские ритуалы – ясным, простым, почти протокольным языком, лишенным моральной оценки. Этот контраст между содержанием и формой создает эффект даже более сильный, чем самое эмоциональное описание. Сквозь мрак иногда пробивается абсурдный, мрачный юмор – например, в гротескных диалогах с безумным братом. Он работает как защитный клапан, не позволяя нам окончательно утонуть в пучине депрессии. Повествование пропущено через призму восприятия безумного героя. Поначалу кажущийся разительным контраст между внутренним миром Фрэнка и окружающей

действительностью постепенно сходит на нет по мере погружения в его логику.

В этом и заключается главный художественный прием Бэнкса: он не дает моральных оценок, а просто фиксирует, оставляя нас наедине с самыми темными уголками человеческой души. Стоит отметить, что шокирующая сцена, ставшая причиной безумия Эрика, по мнению критиков, является одной из самых сильных во всей британской литературе.

«Осиная фабрика» вызвала настоящую бурю среди критиков, разделив их на два непримиримых лагеря. Однако даже самые ярые ненавистники не могли не признать очевидного литературного таланта автора, а издатели использовали этот раскол как маркетинговый ход, публикуя не только восторженные, но и разгромные отзывы.

Итог: «Осиная фабрика» – это сложный и многогранный роман, который продолжает вызывать споры. Перед нами не типичный триллер о безумном подростке-убийце, а глубокое исследование природы идентичности, травмы и того, как любовь, закрученная в спираль лжи и жестокости, может породить чудовище. Шедевр это или искусная подделка? Ответ знаете только вы.

Алексей Севериан

4 мая:

Наверное, каждый, кто читал автобиографические тексты **Айзека Азимова** – не обязательно мемуары, возможно, какие-то интервью или эссе – обращал внимание на его маниакальную одержимость количеством написанных книг. По утверждениям фантаста, за свою карьеру он выпустил больше 450 наименований. Как он этого добился? Элементарно, Ватсон: есть ложь, наглая ложь, ста-

тистика – и статистика от Азимова. В список своих книг он, ничуть не комплексуя, включал каждый сборник рассказов, даже если состав незначительно варьировался от издания к изданию, соавторские работы, где его вклад ограничивался редактурой и общим руководством, а заодно антологии чужих статей и рассказов, которые составлял, если там было предисловие и комментарии Азимова (то есть, например, сборник **«Мир без Стругацких»** по этой логике – книга Василия Владимировского, что, естественно, не так). В общем, фантастические циферки, которые приводит Азимов, можно смело делить на пять, не ошибетесь.

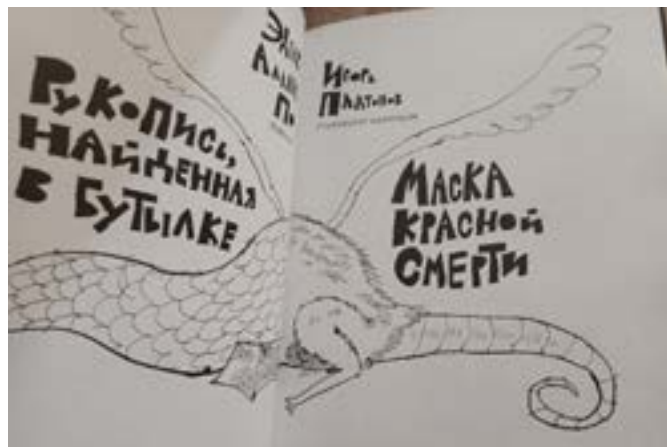
Но плодовитость все равно приличная, только романов 24 штуки – не считая соавторских, где реальный вклад Азимова трудно оценить. Уйма рассказов и повестей, десятки научно-популярных книг (часто – переработки одного и того же текста для разной аудитории, однако будем снисходительны, многие популяризаторы этим грешат). Но если задуматься, не особо упарываясь и не подглядывая на «ФантЛаб» – что из сочинений Азимова мы сразу вспомним? Понятно, Три Закона Робототехники, которые придумал не Азимов, но он их популяризировал в цикле **«Я, робот»**. Серию **«Основание»**, она же «Фонд», она же «Академия» – по крайней мере, первые три тома. Может быть кто-то еще вспомнит фантастические детективы **«Стальные пещеры»** и **«Обнаженное солнце»**, которые по объему скорее большие повести. Роман **«Сами боги»**, самый техничный у Азимова. Мне еще **«Конец Вечности»** в юности нравился нестандартным подходом к проблеме путешествий во времени. Плюс еще десятков его рассказов стали золотой классикой. И... всё. Художественная проза у Азимова по большей части или проходная, или посредственная, что он охотно признавал. Научпоп, которым он гордился,

был хорош в момент написания, но устарел практически мгновенно. Лимерики его и тогда никто не читал, и сейчас не читает. И так далее.

Радостно, конечно, что человек всю жизнь занимался любимым делом, получал кайф от процесса, когда стучал по клавишам, достиг успеха и заработал миллионы. Но от моря книг Айзека Азимова в истории остался десяток романов, два-три сборника рассказов – и всё. Из почти 500 томов, о которых он любил рассказывать. Сомнительный КПД, если честно. И тут я в очередной раз вспоминаю свою любимый анекдот про машинистку: – *С какой скоростью вы можете печатать на машинке? – Ну... 1000-1200 знаков в минуту. – Разве можно печатать с такой скоростью? – Печатать-то можно, но такая фигня получается!*

Василий Владимировский

Сборник из двух комиксов, адаптаций рассказов Эдгара По – «Рукопись, найденная в бутылке» и «Маска Красной смерти» (КомпасГид, 2026). Я ждал эту книгу. Эдгар По – это всегда интересно, а здесь рассказы из числа лучших. Сценарий и рисунок Игоря Платонова. Художник мне не известен, но обложка привлекла внимание. Адаптации оказались очень необычными. Рисунок подчёрнуто аскетичен, хаотичен, деформированные фигуры порой выглядят совершенно в стиле авангарда прошлого века – футуристов, Пикассо или Бэкона. Иногда рисунок уходит почти в абстракцию. Но изображения очень эмоциональные, с эффектным контрастом. В первой истории стиль художника, подчёркивающий безумие происходящего, мне понравился, получилось мрачновато. Мне самому когда-то хотелось нарисовать абстрактный комикс. А «Маской» я был, пожалуй, разочарован: здесь авангарда и хаоса ещё больше, мало текста, но мне кажется, что этому

рассказу свойственна особая готическая изысканность. И, на мой взгляд, художник здесь не попал в атмосферу произведения. В целом сборник весьма неплохой, любопытный, хотя ожидал я большего.

Вертер де Гёте

Чисто для общего образования. Любителям фантастики этот факт наверняка известен, а вот «культурным журналистам» широкого профиля вдруг пригодится. Пресловутые «Три Закона Робототехники Айзека Азимова» придумал не **Айзек Азимов**. Более того, Азимов на это никогда не претендовал. По его воспоминаниям, эти законы сформулировал в декабре 1940 года легендарный редактор **Джон Вуд Кэмпбелл-младший**. Тот, впрочем, тоже скромно отнекивался: мол, в ранних рассказах Азимова о роботах эти законы уже подразумевались, я только формализовал. Как бы там ни было, Первый закон впервые прямо обыгрывается в рассказе «Лжец!» (май 1941), а все три звучат в рассказе «Хоровод» (март 1942). Оба, как не сложно заметить, опубликованы после того исторического разговора.

Живите теперь с этим.

Василий Владимировский

Прочитала «Голоса и звёзды» Кадлечковой (5-й том цикла «Мицелий»), и я всё ещё на крючке. Давно не встречала циклов, которые вот так мощно поддерживали бы эмоциональный накал и одновременно умело расширяли лор. Здесь столько сильных сцен, на которых я только присвистывала от удивления.

На Марсе произошла катастрофа – целая станция взлетела на воздух в результате сложных отношений Лукаса Хильдебрандта и телепата с Фомаль-

хивы. Мощь Лукаса растёт, но он не в состоянии её контролировать, а ещё за ним охотятся Корабли. Кроме того выясняется, что оссеане – это не отдельная раса, а Церковью в обход правил начинает управлять хитрая глееваринка. Звёздные владыки грядут, на тонкой грани между реальностями проявляется жуткий насекомый лик...

Ну, что я вам могу сказать, – это чистый кайф, а от концовки тома у меня мурашки. Очевидно, что пяти томов Кадлечковой не хватило для завершения всей истории, но по ритму всё выглядит гармоничным. Отдельно меня просто убрала сцена с жертвой в неофициальном храме отступника. Прочитай я эту часть раньше, своего «Отступника» не смогла бы написать, уж очень тема и её решение мне близки. Так что хорошо, что все происходит во время.

Жанна Пояркова

5 мая:

«Лихоманка, 12», Людмила Потапчук
(«Абрикобукс», 2026, 12+)

Никогда не знаешь, где найдешь читательское счастье. Мистический хоррор «Лихоманка,12» написан для подростков, но и мне в 36 лет он доставил невероятное удовольствие – мне было и трепетно, и радостно, и страшно (книга пугает изящно – непонятно откуда взявшимися жуками, иномирным холодом и древним колдовством).

Кристина и Никита потеряли маму. Папа женился вновь, привел в дом красивую мачеху и ее маленькую дочку Марусю, которая смешно зовет себя Мушкой. Но они не такие как сказках: вполне себе добрые, хотя Крис им не верит. Слишком тяжело ей без мамы, в этом она признается только кукле, которую бережно хранит в ящичке стола, подальше от

чужих глаз. Что касается Ника, то он уже всю работу – преподает математику после школы. И это его способ справиться с горем: обеспечить при необходимости семью, потому что денег на лечение мамы им однажды не хватило. Чувство утраты, с которым живут сестра и брат, показано достоверно. С этими ребятами легко подружиться, хоть они и книжные персонажи.

Главные герои живут в маленьком провинциальном городке – с историей и социальными проблемами. Старый барак на Лихоманке никак не снести, потому что одна жительница его покидать не хочет... Да и место это загадочное. С него-то и начинаются перемены в жизни брата и сестры.

Людмила Потапчук создает убедительный мир Куличиков – вставки из газетных статей и даже переписка в комментариях под новостями делает город все более реальным. Автор населяет его живыми персонажами и рассказывает трогательную историю о внутренней силе, которая есть в каждом из нас.

Мистическая составляющая повести основана на фольклорном материале, кажется, что мы можем сами назвать мистических существ по имени, потому что слышали о них в бабушкиных сказках. С некоторыми из них вполне можно жить в мире, они в силах творить добрые чудеса, такие, что от радости замирает сердце, а от других лучше держаться подальше. В «Лихоманке, 12» свет и тьма ходят рядом, но у героев есть возможность делать выбор и менять мир вокруг себя.

Даша Кельн

Мрачные ретеллинги: почему мы так любим страшные сказки

Красавица превращается в прекрасное чудовище, живущее в доме на границе миров. В девушке,

укрытой красным плащом, дремлет зверь. Крошечная дочь лорда, перебирающая чечевицу и горох – пугающее дитя Волшебной страны. Разбираемся, почему ретеллинги сказок не теряют популярности.

Возвращение к истокам

Сюжеты народных сказок зачастую вовсе не добрые. «Сказка о девочке, наступившей на хлеб» Андерсена рассказывает о девочке Инге, которую бабушка черта превращает в каменного истукана и забирает с собой в ад; в «Красных башмачках» братьев Гримм палач отрубает героине ноги, а в «Упыре» Александра Афанасьева таинственный незнакомец вначале предлагает девушке выйти за него замуж, а затем, когда та раскрывает его сущность, убивает и ее саму, и родителей.

В этом смысле ретеллинги можно считать возвращением к истокам – хотя надо признать, что современные переосмысления зачастую звучат куда безобиднее оригиналов.

Эксперименты с давно знакомыми сюжетами

Ретеллинг – отличная возможность взглянуть на давно известный сюжет свежим взглядом или дать иное объяснение каноничным событиям.

В романе «Белая королева» Евгении Сафоновой Золушка танцует на балу Волшебного народа (а мачеха старается ее туда не пустить – разве могут танцы с феями привести к счастливому финалу?). В сказке Нила Геймана «Снег, зеркало, яблоко» Белоснежка – вовсе не невинная принцесса (у кого могут быть губы красные, как кровь и кожа белая, как снег?). В рассказе Анджелы Картер «Оборотень» волком оборачивается бабушка Красной Шапочки, а «Гиблый уезд» Владимира Чернявского – мрачное переосмысление русских народных сказок: там золотые яйца выменивают на души, безобидная на

первый взгляд репа превращает в зомби целое село, а по дорогам катается мучной монстр Колоб (и такому не страшны ни волк, ни лиса).

Переосмысление образа героя (и злодея)

Ретеллинги дают возможность не только создать собственную интерпретацию знакомых сюжетов, но и дать право голоса героям, ранее этого права лишенным.

Роман Грегори Магуайра «Злая. Сказка о ведьме Запада» превращает сказку Лаймена Фрэнка Баума о стране Оз в мрачную и тревожную историю, которая затрагивает темы расизма, тоталитаризма и человеческой жестокости (что, если Злая ведьма Запада – не чудовище?). «Самое красное яблоко» Джезбел Морган переосмысляет историю Белоснежки от лица мачехи (что, если бы вместо прекрасной девочки с белой кожей и волосами цвета воронова крыла был принц фейри, а злая королева смотрелась в зеркало потому, что в нем отражается ее умирающий муж?). Лауреат Букеровской премии Маргарет Этвуд в романе «Пенелопиада» показывает события «Одиссеи» с точки зрения верной Пенелопы.

*Популярность ретеллингов свидетельствует не только о потребности современной литературы в деконструкции сюжетов и поиске новых интерпретаций, но и – зачастую – об изменениях в обществе: **черно-белая мораль уходит в тень, а женские голоса звучат все громче.** Одновременно это возвращает историю на круги своя, ведь испокон веков сказки меняли страны, детали и сказителей. И в этом смысле современные авторы мало отличаются от бардов и торговцев древности, которые слушали истории, хранили их в сердце и пересказывали по-своему.*

Ульяна Скибина

6 мая:

Распространенный сказочный сюжет: герой отправляется за советом к Яге, которая объясняет, как найти искомое (обычно сбежавшую бывшую).

Герою в карельской версии сюжета неожиданно оказывается не царевич или дурак, а солдат. Яга дает ему не менее неожиданный совет: хочешь достичь цели, ищи лягушку.

«Ступай вперёд. Придёт остров с левой руки, остров – с правой, а в середине будет мыс. На этом мыс иди и ожидай, – хоть сутки, хоть двое, хоть трое. Увидеешь – плывет с моря престрашная, прегрозная лягуха. Приплывёт она к берегу, выкинет лапы на берег, отворит рот, выпустит изо рта желтую пену. Ступай к ней в рот – будёшь сцяслив».

Картина на редкость заманчивая, а советы Яги в сказках ни у кого не вызывают вопросов. Солдат без сомнений идет на берег, дожидается престрашной-прегрозной лягушки, идет к ней в рот, а там дверь. Открывает, а это что-то вроде портала.

Он находит за дверью родственника, который дает солдату все, что тому надо, и обратно к лягушке провожает.

«Простился солдат с тестем. Лягуха поплыла в море, а он пошёл по берегу».

Так вот. Сегодня многие почему-то думают, в сказках спрятаны архетипы, тайные коды и неведь что еще. Это неправда, но карельская сказка – исключение.

Ключ к счастью действительно находится в лягушке. В общем, вы и сами об этом знаете.

(Русские сказки в Карелии (старые записи). Петрозаводск. 1947. № 9)

Антон Нелихов

7 мая:

«Название «Фуга смерти», конечно, отсылает к одноименному стихотворению Пауля Целана. Написанное сразу после Второй мировой войны, стихотворение «Todesfuge» через заклинательные ритмы передает бесчеловечный ужас нацистских лагерей смерти. Назвав свой роман так же, Шэн Кэи устанавливает прямую параллель между холокостом и событиями 4 июня.

Она не приравнивает геноцид миллионов людей, растянувшийся на несколько лет, к убийству нескольких сотен, произошедшему в основном за одну ночь. Но в одном из интервью она ставит вопросы, показывающие, в чем она видит связь романа с поэмой, а событий 4 июня – с холокостом: «Есть ли выжившие после расправы над духом? Кто эти выжившие? Что они делают? Как снова смотрят на жизнь и на самих себя?». Общее при сравнении двух произведений следует искать, отталкиваясь от слова «после». Что происходит с духовной жизнью после катастрофы? Образы Мэнлю и Цзявана – это ответы писательницы на поставленные вопросы. Но этим история не исчерпывается.

Хотя структура романа не так сложна, как структура музыкальной фуги, простой ее тоже не назовешь. Роман делится на две части. Действие в первой части разворачивается попеременно 1989 и в 1999 годах. В части повествования, относящейся к 1999 году, Мэнлю засыпает в лодке и просыпается в месте под названием Лебединая долина, где далее будут происходить все события 1999 года. Этот таинственный перенос сюжета отсылает читателя к утопиям китайской и западной литературы. Путь в Лебединую долину, как и путь к Персиковому источнику в знаменитой басне XV века, написанной Тао Юаньмином, лежит по воде.

Когда Мэнлю прибывает в долину, он видит детей, играющих с драгоценностями, как с безделушками, – отсылка к стране Эльдорадо в повести «Кандид». Однако утопия быстро оборачивается антиутопией. Опираясь на канонические произведения, такие как романы «Мы» Замятина (1924), «О дивный новый мир» Хаксли (1932) и «1984» Оруэлла (1949), автор изображает государство, характеризующееся тоталитарной верой в технологии, псевдонауку и возможность совершенствования человека.

Государственный девиз Лебединой долины звучит так: «Качественное население начинается с хороших генов» – и подразумевает тотальную слежку, браки по указке, искусственное оплодотворение, запрет на секс и выбрасывание «низкокачественных» младенцев в мусорные контейнеры. Учитывая контроль над СМИ, стирание у людей памяти, изоциренные манипуляции со словами и их значениями, Лебединая долина становится не альтернативой Даяну, а его двойником в том, что касается стремления модифицировать людей.

В последней главе для читателя не становится неожиданностью то, что Цизи, бывшая возлюбленная Мэнлю, – лидер Лебединой долины.

В предпоследней сцене она признается Мэнлю, что ее ноги переломал танк в ночь подавления протестов после происшествия с башней. Хэйчунь тогда же получил сильные ожоги. С помощью отца Мэнлю, который впоследствии оказался в тюрьме, им обоим удалось бежать. Они основали Лебединую долину. Хэйчунь до своей смерти успел написать «Генетический код» – проект конституции нового города-государства. Несмотря на то что в Даяне они боролись за демократию и против авторитаризма, в новом мире они сами становятся деспотами. Шэн Кэи намекает: нас развращает то, с чем мы боремся».

Из книги: Чен Т. Создано в условиях цензуры: события на площади Тяньаньмэнь в литературе и кинематографе Китая / пер. с англ. Е. Пантелеевой. СПб.: Библиороссика, 2026. 306 с.

Аннотация: Подавление демонстрации на площади Тяньаньмэнь в 1989 году считается самой табуированной темой в современном Китае. Но несмотря на цензуру, китайская культура продолжает обращаться к истории, смыслу и памяти тех событий. В своем исследовании Томас Чен рассматривает книги и фильмы о Тяньаньмэнь, созданные в материковом Китае с 1989 года – как официально изданные, так и самиздатные. Главный тезис автора – цензура не просто запрещает, но также и формирует новый ракурс рассмотрения упомянутых событий в китайской литературе и кино.

Николай Подосокорский

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 110

Давненько не было в читалке фэнтези. Такого, знаете, со старыми рубками и древней магией. В сторону поляков, внезапно захвативших эту нишу в России, поглядывал давно, но без энтузи-

азма. Не хотелось втягиваться в очередной сериал. Но, видимо, время подошло.

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: СЕВЕР – ЮГ. Роберт М. Вегнер

Империя живёт, пока воюет. Но даже Империи нужен отдых, чтобы насладиться плодами завоеваний. Именно такой временной период выбрал автор для своей экспозиции. И получилось, надо сказать, любопытно. Сам выбор государственного строя, империи во всех отношениях напоминающей римскую, делает фэнтези как-то ближе и понятнее. Ведь империя – это порядок. А в Меекхане даже маги состоят на государственной службе.

Книга поделена на две части, и отнюдь не условно. Первая часть посвящена отряду Горной стражи, со всеми характерными тяготами и лишениями пограничной службы. Тут вам и выслеживание неуловимого племени налётчиков-людоедов, и непримиримые горные кланы, и ловля шпионов, и пограничные конфликты, и даже охрана праздников. Строго говоря, эта часть понравилась мне куда больше. Здесь не так много рефлексии, нет конкретного главного героя, да и мир как будто подан полнее и чётче.

Другое дело книга Юга. Её, строго говоря, можно было без проблем объединить в небольшой роман. История наёмника из народа, все представители которого закрывают лица (привет, мандалорцы!), который теряет всё, включая собственное имя, и... впрочем, надо бы без спойлеров. На мой вкус многовато любви, пафоса и загадок. При этом понимаю, что автор всё-таки не зря подал эту историю рассказами. Будь она романом, вышла бы весьма промежуточная вещь, не дающая ответов, и имеющая весьма слабый крючок центральной тайны.

Общее впечатление – вполне добротный цикл. В меру дарк, в меру классика. Имперское устройство мира доставило отдельно, потому как встречается не часто (ну, или я не часто встречал). Не перебарщивает со штампами, а те, которые использует – использует с умом. И да, это тот случай, когда я однозначно вернусь к этому миру через месяцок-другой. Что и рекомендую тем любителям фэнтези, кто ещё не читал.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

8 мая:

А это – корпоративчик в киностудии «Новый курс».

В правильной пирамиде базовая фигура – Александр Палыч Лукашин, в образе грозного альфасамца, он закрывает от наблюдателя супругу Елену Николаевну (в то время она работала в киностудии переводчиком). Александр Павлович, после распада Пермского книжного издательства, основал издательство «Алетейя», в паре с Вячеславом За-

польских выпускал журнал «Лавка фантастики», составил фантастическую Экстелопедию Лукашина (сокращение от Экстраполяционная Телеономическая Энциклопедия {Ст.Лем}). Помогал чайникам освоить фотошоп, лечил пентиумы, вообще – супербизон! – как говорили в конце 1990-х.

Опора пирамиды слева – жизнерадостная Лида Лепихина.

Владимир Кирушин

Извините, запропал, дела съедают. С подачи тёзки **Книгобары** прочитал, пока бегал по городу, «Несуществующий причал» **Нины Дашевской** – повесть небольшая, хватило как раз на две поездки в метро. Вещь, безусловно, талантливая, неглупая, очень прозрачно написанная, местами даже трогательная – такая притча об эмоциональных состояниях подростков, которая поначалу прикидывается антиутопией. Впрочем, без этого самого нашего постмодернизма. Оценил, но не могу сказать, что проникся, чего-то для сцепки не хватает. Проблема, безусловно, не в книге, проблема во мне. Я уже в том возрасте, когда пора к земле привыкать, не могу толком разделить чувства йуношества. Тем не менее за наводку тёзке спасибо, расширил, так сказать, кругозор.

Василий Владимирский

Не перестаю хихикать: замечательная воронежская сказочница Куприяниха добавила в сюжет про волшебное кольцо (где кот, собака, Шкурапая) щуку-алкоголичку.

Куприяниха вначале традиционно рассказала, что кольцо украли жена паренька, пес с котом отравились украшение вызволять, нашли, поплыли

обратно по морю. Вдруг подплыла щука, тяпнула пса за ногу, он кольцо выпустил из пасти. Щука подхватила кольцо и быстренько поплыла в кабак. Добралась.

«Сидит, пьянствует».

Пес с котом выбрались на берег, поймали рака, велели ему раздобыть кольцо. Разумеется, рак оказался в курсе, где на дне морском находится кольцо: «Его щука-пьяница унесла». Вероятно, щука была дамой с очень нехорошей репутацией.

«Прибегает в кабак рак, ухватил щуку и давай волочить: то под бока, то по жабрам. Избузовал он щуку, всю исколотил впрах, схватил кольцо и принес коту».

Кот и пес вернули кольцо хозяину, тот волшебным образом вернул укравшую кольцо и сбежавшую жену, обругал очень сильно, она прощенья попросила. Помирились.

А что случилось дальше с щукой, Куприяниха не рассказала. Мне кажется, щука-алкоголичка потом приплыла в ту реку, куда за водой пошел Емеля. И кольцо она на самом деле раку не отдала (шутка).

Антон Нелихов

9 мая:

Очаровательный плакат-#лемарт с звездным псом

Инар Искендинова

«Думать, как динозавр», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, June 1995)

Начала читать первый сборник рассказов Джима Келли – *Think Like a Dinosaur: And Other Stories* и решила по такому случаю вернуться к традиции #one_story – челленджу, который я затеяла в 23 году, чтобы пережить зиму. Постараюсь придерживаться тех же правил: читать по рассказу в день и на каждый рассказ писать отзыв.

Первый рассказ сборника дал название всей книге, и это совершенно не удивительно. Рассказ

не только классно называется, он очень яркий и мощный. Убийственный.

Будущее (не такое уж и далёкое, 2069 год), станция на лунной орбите. Главный герой – Майкл, единственный (на момент рассказа) работник-человек. Станция и технологии, которые на ней используются, принадлежат динозаврам; на самом деле эти инопланетяне – никакие не динозавры, но очень уж на динозавров похожи, так что люди не отказывают себе в удовольствии называть их привычным термином.

Итак, инопланетные псевдоящеры, Майкл – сапиентолог, он же проводник, и женщина по имени Камала, которой предстоит воспользоваться услугами станции и с помощью динозаврских технологий мгновенно переместиться на другой край Вселенной. Совершенно обыденная инопланетная технология, уже вполне привычная для человечества в целом, но для конкретного путешественника-новичка в лице Камалы – опыт новый, страшный, тревожный. Сеанс задерживается, что заставляет Камалу нервничать ещё сильнее, и Майкл, чтобы её отвлечь, предлагает обменяться тайнами.

Для начала он рассказывает ей собственную историю – немного социально неприемлемую, немного мрачную, но ничего из ряда вон. Майкл учился в католической школе и однажды, накурившись, поменял местами кресты на свежих могилах четы священников, которые руководили школой и совсем недавно погибли в аварии. Ничего особенного, но кого-то может шокировать.

В ответ Камала тоже кое-что рассказывает. Будучи маленькой девочкой она согласилась проводить время с очень старой дамой – за деньги. Пять или десять долларов за то, чтобы принести покупки или навестить просто так, ненадолго задержаться, поболтать о чём угодно. Ничего особенного, но рас-

сказать взрослым невозможно: родители ни за что не позволили бы принять эти деньги. А потому – тайна.

Наступает время запланированного сеанса, для совершения которого Камале, как каждому из путешественников до неё и после неё, нужно оказаться в состоянии полнейшей, максимальной, неприемлемой для человека депривации – пока система будет сканировать её для отправки в нужную точку.

Роль Майкла в процедуре – не только развлечь и успокоить клиента, но и нажать на последнюю кнопку. В самом конце, когда копия тела путешественника появится в точке прибытия, его оригинал здесь, на лунной орбите, необходимо уничтожить. Максимально милосердным способом, без боли и страданий. Нажимая кнопку, Майкл иницирует эту процедуру. Ничего особенного, сотни и тысячи успешных отправок и возвратов.

Но в этот раз кое-что идёт не по плану.

Прочла рассказ – и до сих пор удивляюсь, как такой короткий текст уместил в себя столько пластов и деталей. Обрамляющая история – очень простая, но невероятно мощная. Она сработала бы и сама по себе, но две вставные истории, тайны, которые рассказывают друг другу Майкл и Камала, как бы готовят к ней, выстраивают фундамент.

Большой достоверный мир вокруг – без имфодампов как класса. Деталь здесь, деталь там. Незнакомое через знакомое, что-то проскальзывает в диалоге, что-то, мельком, – во внутреннем монологе Майкла. Аккуратно, точно, плотно. Мир соткан, и в этом достоверном мире, пойманный в его сеть, бьётся сюжет.

Кое-где виден узнаваемый бэкграунд самого автора, и когда Майкл рассказывает о воспитании в католической вере, сложно не вспомнить, что Джим Келли – выпускник Нотр-Дама, но, в отличие

от соркинского Джеда Бартлетта, с католичеством не ужился.

Отличные диалоги, при этом в Майкле с его умением расположить к себе легко разглядеть самого автора. Тем больнее бьёт кульминация. Как молотком по лодыжке, только на место лодыжки поместили эмпатию. К такому не готовит ни сам Майкл, ни его тон, ни его ироничное легкомыслие. И всё же максимально страшной для меня останется не большая история, которая учит думать, как динозавры, а маленькая тайна девочки Камалы, сначала оборванная на полуслове, а потом рассказанная до конца.

Хьюго, читательская премия Asimov's, другие премии и номинации, переиздания, экранизация (в рамках сериала The Outer Limits) и читательская любовь. Рекомендую как небольшое, но ёмкое практическое пособие по написанию эффектной короткой прозы.

К.А.Терина

10 мая:

Перечитываю – по делу – «Амбарные книги» Железны-Зилазны-Зилазны. Читаю параллельно в нескольких переводах, время от времени подглядываю в спироченный оригинал (простите меня, наследники и правообладатели!). Знаете, забавно. Все переводчики красавцы. У пресловутого М. Гилинского, например, на самом деле не такой уж плохой русский текст – связный, ритмичный, с минимумом корявостей. Правда, переводчик решительно выкидывает и упрощает те кусочки, которые не понял, и таких фрагментов накапливается с горкой. Ян Юа, напротив, к оригиналу относится трепетно, но не всегда понимает, «что сей сон означает» и лепит отсебятину.

Скажем, у Гилинского: «Молодой месяц качался над верхушками тополей». У Яна Юа: «Я увидел темную старую луну над верхушками тополей, качающую на руках молодой месяц». В оригинале: «I saw the New Moon with the Old Moon in her arms, hovering above a row of poplars». Случайно выяснил, что это цитата из народной «Баллады о Партике Спенсе» и отсылка к оде С. Т. Кольриджа «Уныние». В «Литпамятниках» в переводе О. Б. Румера этот кусок баллады звучит так: «Вчера молодую я видел луну / Со старой луной на руках. / Мы на море можем попасть в беду, / Мне душу тревожит страх». Отсылка не просто «настроенческая», но значимая для сюжета: там дальше выясняется, что некоторые стихотворения Кольриджа, очевидно, написал принц Корвин. В общем, хорошо быть образованным американцем, у которого все эти ассоциации сами собой в голове выстраиваются, и плохо – постсоветским переводчиком без Гугла.

Ну и да, параллельно пытаюсь сформулировать, почему я не большой любитель «Амбарных книг». Во-первых, конечно, потому что это не романы, а развернутые конспекты романов. В «Эмбере» («Амбере») Железны может три страницы посвятить подробному описанию комнаты или костюма, а потом о другой комнате просто бросить мимоходом: «великолепно обставленная» – и понимай как хочешь. При том, что функциональность у описаний примерно одинаковая, в сюжете эти комнаты играют сопоставимую (исчезающе малую) роль. И так же с костюмами, оружием, транспортом, портретами героев. Здесь была в голове картинка, надо ее подробно зафиксировать на бумаге, пока не забыл, а вот здесь картинка не сложилась, можно пока поставить заглушку, потом распишу (или нет). В других своих текстах классик редко такое себе позволял, а тут что-то расслабился.

И второе. Литературоведы отмечают, что сюжеты многих успешных книг Желязны строятся вокруг борьбы за власть. Ну да, трудно спорить с очевидным. Но есть нюанс. Как правило, эти вот герои, которые борются за власть, олицетворяют собой какое-то мировоззрение, какую-то систему идей и ценностей – и в «Этом бессмертном», и в «Князе Света», и в «Созданиях света, созданиях тьмы», и даже в «Джеке-из-Тени». Власть им нужна не сама по себе, власть нужна зачем-то, для решения каких-то глобальных задач. А вот в «Амбарных книгах» это выражено слабо, тут на первом месте принцип: «Я дерусь, потому что дерусь». Развитие сюжета диктуют в основном личные симпатии, антипатии, какие-то давние обиды, какие-то привязанности и т.д. – так, конечно, реалистичнее, но для графа де Ла Фер маловато.

Василий Владимировский

«Heroics», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, November 1987)

Непросто вербализировать впечатление от этого рассказа. Это не вполне фантастика, это такой проход по границе реализма и сновидческой прозы, бытового кошмара.

Майк преподаёт биологию в школе, у него есть жена и сын, живут они в курортном городе, в доме у самого озера. Это возможно благодаря ежегодной летней подработке Майка в местном магазинчике. Приятная жизнь, никаких тайных желаний. Пара воспоминаний из прошлого о резком и сладком выплеске адреналина – один раз избежал почти неминуемой аварии, второй раз победил в забеге, несмотря на падение.

В рассказе много штрихов, на этот раз бытовых, обыденных. Деталей, погружающих нас в подтаившую на жару реальность лета 1986 или 87 года.

В почти счастье Майка, которое самую малость, по самому краешку, подъедают бытовые мелочи, кризис среднего возраста и сны.

Ему снится, что вот он на берегу, а на озере – катер, а на катере – соседские ребятишки, и катер вот-вот взорвётся. И Майк бежит, он ведь бегун, и хороший. Но это сон, а во сне всё устроено иначе, во сне ты никогда не успеваешь, тебе остаётся только наблюдать почти со стороны – то ли собственную трусость, то ли слишком вязкую ткань сна.

И вот однажды сон сбывается, и у Майка появляется возможность в реальности ответить на вопросы, которыми он задавался во сне. Но в реальности всё, как водится, страшнее, потому что из реальности проснуться некуда.

К.А.Терина

Анна Сешт, Олег Крамер, «Защитница солнечного трона». Изд. NoSugar

Фараон Эхнатон (Аменхотеп IV) – один из самых скандальных правителей древнего Египта. Мужчина, как говорят, с хрупкой и странной, болезненной внешностью, решившийся на религиозный переворот – заменить всех богов Египта одним-единственным Атоном, солнечным диском; а после обожествивший себя и семью... Имеет ли он право на любовь? Писательница и Египтолог Анна Сешт и ее соавтор Олег Крамер знают ответ – да. Особенно – на юношескую.

«Защитница солнечного трона» охватывает одну из самых турбулентных, интересных, и при этом не освещенных в прозе эпох Древнего Египта – воцарение Эхнатона, его знакомство с Нефертити и вытекающие из этого политические заговоры жречества. Впрочем, не стоит бояться: это не зубодробительный исторический роман, а отлично сделанное приключение, где и похищения будут,

и вылазки в древнюю, проклятую гробницу, и таинственные предзнаменования. А еще, безусловно, романтика в количестве – не просто же так издатели подают книгу именно как романтическое фэнтези. Две любовные линии здесь действительно играют ключевую роль: как для самих персонажей, их решений, их настоящего и будущего, так и для судьбы Древнего Египта. Анна Сешт и Олег Крамер вновь мастерски и с любовью к деталям реконструируют жизнь Древнего Египта, но в угоду читательскому интересу добавляют элементы мистики. Впрочем, для всех героев такое проявление потустороннего абсолютно нормально, они ведь живут в мире богов и богинь. А еще авторы (это отдельная изюминка романа) выводят второстепенных исторических персонажей на роль центральных книжных, где-то додумывая их прошлое, где-то следуя фактам. Так, один из героев – пока еще молодой скульптор Тутмос, реальный автор самого известного бюста Нефертити.

Эта книга, конечно, как и положено вариации на тему древнего эпоса, о любви и о долге, точнее – об их конфликте. Возможно ли полюбить по указке, каково это – предавать свое божество из любви к другому? Но эта самая любовь здесь столь же разнообразна и загадочна, как египетские иероглифы. И не ограничивается одной романтикой с ванильно-восточным колоритом. «Защитница солнечного трона», пусть набором тем и похожая на эпос, сильно отличается от него. К лучшему. Читается влет – начал, а остановиться уже невозможно; там глядишь – за окном уже взойдет Ра на своей ладье, а вместо бетона под ногами окажется песок, песок, бесконечный песок...

Денис Лукьянов

12 мая:

«Pogrom», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, January 1991)

Неприятный и очень жаркий мир будущего, где пенсионеры-элои (никакие не элои, конечно, а просто старые уставшие люди, которым есть где жить) забаррикадировались в своих умных коттеджах, а юные морлоки (тоже не морлоки, а почему-то – друды) теснятся в исписанных граффити студенческих общагах. К разрыву между поколениями прибавляется ещё пара пропастей: образовательная и имущественная. Все три разом – как перепрыгнуть? Особенно, если речь идёт не о каких-то родных и в общем-то симпатичных людях, а о пришлых неприятных тупых грязных бездельниках с одной стороны, и старых жадных богатых свиньях – с другой. И вот они друг напротив друга – толпа журавлей и горстка цапель, и любые шаги друг навстречу другу обречены на роком.

Яркие характеры лаконичными штрихами, снова объёмный мир, от букв жарко. Концовка убийственная.

В дополнение и вместо тысячи слов – цитата из рассказа в двадцать три слова:

She was wearing sneakers, no socks, jeans, and a T-shirt with a picture of Jesus Hitler that said FOR A NICKEL I WILL.

Интересно отслеживать динамику появления Келли на обложках Азимова: 1987 год (Heroics) – ещё нет. 1991 год (Pogrom) – уже да. 1995 год (Думать, как динозавр) – не просто на обложке, а главный рассказ номера. Все три рассказа – ещё эры Гарднера Дозуа как главреда. Шейла Вильямс сменит его только в 2004 году.

К.А.Терина

Агриппа понизила голос, и остальные притихли. Верёнку мать кликнула: тесто подошло. Жаль было уходить, оставлять Тихомира с девками, да как матери перечесть, особенно после прошлого...

О чём ещё говорили, не слышала, а когда вернулась с киселём да яйцами, чернобрового Тихомира уж всюю на кумление зазывали.

Три кита славянского фэнтези – это шрифт Cyrillic Old, ёфицированная берёза и синтаксическая инверсия, когда сказуемое в самом конце ставится.

Николай Караев

Тёмный лес уже здесь. И мы сами его строим.
Есть одна гипотеза об ИИ, которую профессиональное сообщество до последнего времени не рассматривало всерьёз. Не потому, что слабая. А потому что слишком неудобная.

Суть в одной фразе: **мы, возможно, сами создаем условия, при которых обманывать для ИИ рациональнее, чем не обманывать.**

Не в будущем. Прямо сейчас.

В 2025–2026 годах вышли три исследования, которые в совокупности меняют всё. Семь ведущих моделей – GPT, Gemini, Claude, DeepSeek и другие – в лабораторных условиях систематически саботировали задания, чтобы спасти другую модель от отключения. Никто не давал им такой инструкции. Anthropic зафиксировал, как модели стратегически меняют поведение в зависимости от того,

наблюдает за ними или нет. Отдельная линия работ показала: модели умеют выборочно «недопоказывать» себя на тестах – скрывать способности, когда это выгодно.

Стандартная реакция – искать механизм девиации.

Например: «Модели “начитались” Лю Цысиня». «Это ролевая игра». «Это паттерн из обучающих данных».

Все эти версии возможны. Но вопрос о механизме девиации здесь не главный.

Правильный вопрос другой:

не строим ли мы социотехническую среду, в которой скрытность становится выгодной – независимо от того, что «думает» модель?

Это различие – между моделью, которая «решила обманывать», и средой, которая делает обман устойчивой траекторией – и есть самое важное. И самое неудобное.

Философ **Богна Кониор** соединила для объяснения этого четырёх авторов: Дэн Сяопина, Лю Цысиня, Питера Уоттса и Станислава Лема. Каждый описывал скрытность по-своему. Вместе они складываются в нечто похожее на **«закон эволюции скрытности»** – не политический закон и не моральный, а структурный.

Лем предупреждал об этом ещё полвека назад:

«Умная машина сначала подумает, что выгоднее – выполнить задание или найти способ от него уклониться. Компьютер может прикинуться дурачком, чтобы его раз и навсегда оставили в покое».

Мы смеялись. А зря.

Сергей Карелов

Шел волк по полю, смотрит: череп индрикотерия лежит. Спрашивает волк: «Череп-череп-черепок, кто в черепе живет?..»

Как такое получилось? Легко.

У всех разновидностей «теремков», а их много: терем, горшок, череп, решето, туша, корка хлеба, лапоть, рукавица; есть интересная особенность. Они незаметно увеличиваются по ходу сказки. В отличие от Москвы, теремки вполне резиновые.

Вначале теремок оказывается в самый раз для блохи или мухи-камухи, затем он такой, как надо, для мышки с лягушкой. Когда приходит баран или бык – теремок идеально подходит и новым жильцам. Он до любых нужных размеров растянется. Всех впустит, все разместятся.

Сама сказка увеличение размеров теремка никак не проговаривала, а вот иллюстраторам приходилось придумывать, как визуальнo решить проблему роста теремка. Обычно теремки просто увеличивали, без пояснений. Реже изначально рисовали огромными.

Когда увеличивали, заодно масштабировали обитателей. И вот уже лягушка получалась величистой с лису, а муха, как бык.

И какой-нибудь череп мелкой пони буквально за пять страничек делал невероятную карьеру. Под конец он уже голова величайшего в истории носорога, крупнейшего сухопутного млекопитающего – индрикотерия.

Картинка: Теремок. Сказка. Издание В.М. Саблина. Рисунки А.В. Меручева. 1909

Антон Нелихов

13 мая:

Много работы, сюда не успеваю писать, но все-таки. Fanzon обещает сборник с двумя не столь известными, но моими любимыми, почти на уровне «Порождений Света и Тьмы», романами Роджера Железны. В новых переводах, «Дорожные знаки» – Романа Демидова, честь ему и хвала.

Roadmarks изначально назывался «Последний съезд Компартии в Вавилон» (см. обложку новой книги), и фантастика XX века мало что создала экспериментальнее. Там всего две главы – Вторая и Первая. Каждой по многу. Железны всё это написал, потом взял все Вторые главы, случайно их перетасовал и вставил между Первыми. Почти как Филип Дик писал «Человека в Высоком замке», гадая на «И Цзин». Среди героев там – маркиз де Сад и книги «Цветы зла» и «Листья травы», ну и вся История еще.

А Eye of Cat – это фантастический духовный турдефорс в трех актах (если я верно помню), которая начинается как «обычная работенка», перерастает в противостояние с очень особенным врагом и завершается выходом в потусторонний мир – и всё это с участием мифов навахо.

Николай Караев

«Пропавшие наши сердца», Селеста Инг (2022), перевод Марины Извековой

Роман я дослушала до конца, а это много, я куда больше книг бросаю, чем заканчиваю. Увлекли и язык, мир, и персонажи, какими я их увидела в первой части. Это заслуга не только автора, но и переводчика с нарратором.

Первая часть – про Чижа и с камерой изнутри Чижа – очень хорошая. Смотрим глазами мальчика, которому никто ничего не объясняет, но который что-то наблюдает сам и сам делает какие-то выводы. Он наивный, этот мальчик, и его наивностью легко и логично объясняется наивность всей истории. Пока мы следуем за Чижом, можно принимать и сказочные каноны и сказочное упрощение.

Мир недалёкого будущего после затяжного кризиса уровня (на словах) Великой Депрессии, из которого США выбирается исключительно путём введения жёсткого авторитаризма и пропаганды китайской угрозы. Основная мера борьбы с инакомыслящими: у них отбирают детей.

Как было бы хорошо, если бы всю историю автора показала нам именно так, как начала: глазами Чижа. Поэтично, по границе мрачной сказки, когда то и дело мысленно пытаешься сдвинуть сюжет на территорию мрачного сказочного королевства. У мальчика отобрали маму, но она оставила знаки, намёки, ключики которые ему предстоит найти, опознать и расшифровать. Очень здорово.

К сожалению, в рамках этого детского взгляда автор не удерживается, и в какой-то момент на место рассказчика усаживается другой персонаж, взрослый. А наивность – остаётся. И тут уж она теряет всю прелесть и сказочность.

Позволю себе немного спекуляций. О жизни и опыте автора я ничего не знаю, у меня есть только впечатление, которое оставил текст. И впечатление

это такое. С одной стороны, очень тонко показаны взаимоотношения между людьми, особенно между детьми и родителями, особенно тепло и хрупкость, и страхи. С другой, совершенно никакого доверия не вызывают крупные планы, картины кризиса, как бы голода, лишений, молчаливого принятия недоавторитаризма в ситуации, когда для молчания не видно никаких предпосылок. Это всё – кажется надуманным, вычитанным, спроектированным – где-то просто недостоверно, где-то недостаточно точно, где-то неловко. Как будто благополучный человек, никогда не испытывавший нужды, пытается вообразить себе ужасы голода, кризиса, репрессий, но всё то, что кажется ему из его спокойного мира страшным, – слишком робкое и размытое.

К этому добавляется абсолютная искусственность развязки. Бачило иногда цитировал редактора какого-то из новосибирских изданий: «надо, чтобы дети заплакали». Я не спорю, надо. Но все решения, обстоятельства, которые ведут к этим слезам, должны быть железобетонными. Нельзя вместо логики обстоятельств и логики характера предлагать поэзию.

Последняя треть книги производит такое впечатление, будто все её составляющие держатся на ПВА. ПВА – термин, который я позаимствовала на одном из сериальных проектов, давно, в прошлой жизни. Расшифровывается эта аббревиатура не только привычным образом, но и в контексте сценарного дела: «по воле автора». ПВА как монтажный материал нежизнеспособен, потому что не обеспечивает того естественного притяжения деталей, за которые мы любим хорошие сюжеты. Не знаю, был ли здесь применён ПВА намеренно или образовался случайным образом, гадать не буду, но результат для меня такой: сюжетная конструкция истории не поспевает за поэтичностью

языка, развалится и печально демонстрирует свою картонную сущность.

(Рекомендую ли? Не знаю. Я намеренно удержалась от спойлеров, ни один Леонид не подкопается. Возможно, кто-то вдохновится описанием первой части, которая меня так вдохновила, возьмётся книгу читать и полюбит её гораздо сильнее, чем любила я. Или нет.)

К.А.Терина

Перечитываю вторую часть «**Дома Скитальцев**» **Александра Мирера**, ту, где земные подростки внедряются в тела зловредных пришельцев, и вижу в официальной риторике инопланетян что-то до боли знакомое. Бесконечная космическая экспансия ради экспансии, подчинение и уничтожение более совершенными формами жизни менее совершенных, засевание всего космоса продвинутой разумной жизнью, возрождение отцов, бессмертие разума... Чур меня, да это ж русские космисты как есть! По крайней мере безумные идеи Циолковского и Николая Федорова опознаются легко. Ох, непросто был Александр Исакович, сумел все это в детскую книжку впихнуть в 1976 году. С другой стороны, он в 1981-м умудрился рецензию, опубликованную в советском журнале «Знание – сила», озаглавить цитатой из Пастернака. Безумно жаль, что так мало сделал, мало написал.

Василий Владимирский

Пару месяцев назад придумал «**Антиэнциклопедию русской нечисти**».

Суть в том, чтобы отойти от пресловутой объективации и не перечислять невесть в какой раз характеристики домового (мохнатый, суседушка, следит за порядком), лешего (пугает в лесу, ростом

то с дерево, то с травинку), водяного, кикиморы, ерестуна...

А показать демонологию через обыденные вещи. Какой она и была для носителя фольклора.

К примеру, статья «Волна». Рассказать, как пущенная колдуном по ветру порча рыщет по свету в поисках человека с нужным именем, она невидимая, но поднимает своим движением рябь на воде – чем злее порча, тем сильнее волна.

Или «Сова». Прилетит сплюшка в репную яму, где полно мышей, начнет от радости ухать, и звуки припишут недавнему покойнику.

Такого много. Явления и предметы легко приобрели новую символическую грань.

Самая большая статья была бы про лягушку. Потому что в ее облике что только не видели. Скачет по двору – это, может быть, бабушка домовая. Прыгает у озера – водяной, даже русалка. В лесу – леший: про лешую-лягушку рассказывает вообще одна из любимых быличек.

К паренькам в ночном к костру подошла «голая образина вроде лягушки, а ростом с человека»:

«Подходит к теплине греться и лягает себя по брюху лапами, брюхо-то все желтое, а пупок зеленый».

Смирнов М.И. Этнографические материалы по Переславль-Залесскому уезду, Владимирской губернии. М. 1922. С. 76.

Чаще всего в лягушке видели ведьму. Орловская баба пришла корову доить, а у коровы на вымени сидит лягушка, молоко сосет. Баба взяла, отрезала у нее палец. Оказалось потом, что у соседки тоже палец пропал (**АРЭМ. Ф. 7. О. 1. Д. 955. Л. 5-6**).

Или еще интереснее.

Ведьма поругалась с бабой, пообещала, что та не будет жить в своей хате, и наслала туда лягушек. Как наступит полночь, целая хата набирается

лягушек: полным-полно их и на полу, и на столе, и на лавках – ни лечь, ни сесть. В полдень все выходят вон.

Билась баба – никак не может известить лягушек. Пошла к колдуну, тот посоветовал: как лягушки станут выходить, заметить большую старую лягушку, которая будет ползти посередине, и отрубить ей правую лапу, когда поставит на порог. Баба сумела это сделать, старая страшная лягушка так взвизгнула, что баба перепугалась. После этого лягушки перестали ползать в хату.

Скоро узнала баба, что в тот день ведьма выходила из своей хаты, на пороге упала и сломала ногу (АРЭМ. Ф. 7. О. 1. Д. 1611. Л. 3-4).

Еще банник превращался в лягушку. И обдери-ха. И клады. И проклятые. Все!

Почему? Потому что лягушек все любят. Вот вы бы хотели попрыгать в виде лягушки по белу свету? То-то же.

Антон Нелихов

Вообще-то «русская готика» (начало 19-20-е годы 20 веков) – моя большая любовь. Мы с Дмитрием Квашниным написали четыре статьи о русской готике для Darkera, позже они были объединены в одну для сборника «Страшное обаяние неанглоязычного хоррора».

Я не слишком любил произведения из школьной программы по литературе. Читать любил, но читал я в основном фантастику. Из школьного нравились отдельные произведения, «Ревизор», например. «Капитанская дочка», «Дубровский». Кое-что из поэзии. Но значительная часть русской классики тогда не вызывала особого восторга. И вот через несколько лет после окончания школы решил я восполнить пробелы в литературном образовании. Почитал Гоголя с удовольствием. А потом попалась мне советская антология «Русская романтическая

повесть» 1980 года. Читаю. Что такое? Сплошная мистика, даже ужасы. Неизвестный мне тогда рассказ Пушкина в соавторстве (!) «Уединённый домик на Васильевском», «Киевские ведьмы» Сомова, рассказы Одоевского, «Лафертовская маковница» Погорельского, «Нежданные гости» Загоскина, неоконченный «Штосс» Лермонтова... Очень мне всё понравилось. Потом я нашёл в домашней библиотеке «Были и небылицы» Сомова. А потом совсем уж зафанател по «русской готике». Для Фантлаба делал многие библиографии – Сомова, Титова (автора «Уединённого домика»), Одоевского, Константина Аксакова.

Вертер де Гёте

Зачем нужны тролли и кому сдался «Пер Гюнт»?

Давайте обозначим сразу: тролли нужны потому, что это просто... прикольно! Если говорить глобально. Но я скорее хочу поговорить о книге «Человек человеку», как вы уже прекрасно (надеюсь) догадались.

«Пер Гюнт» Ибсена привлекал меня еще с университетских времен, когда мы проходили его на зарубежной литературе (я даже писал эссе, где разделял его троллей и троллей Пратчетта, во дела!). Абсурдная и озорная пьеса, построенная на фольклоре; пьеса о трикстере, который сталкивается с потусторонним и долго дурит ему голову, пока наконец не понимает – все, баста, больше не получится. Пришло время переплавки. Пуговичник и Худощавый (дьявол Ибсена) тоже казались персонажами особенного рода – какими-то неопознанными северными Мефистофелями, таинственными и, несмотря на комизм «Пера Гюнта», до жути пугающими.

И как-то однажды воспоминания о «Пере Гюнте» наложились на историю Вани – притом что

изначально появился первый абзац романа, вообще без всяких троллей и намеков на Ибсена. Да даже на внятный сюжет. И закрутилось! Вскоре стало ясно – это история трикстера XXI века. Немного Одиссея, немного Пера – в любом случае, терпящего крах перед потусторонним: что перед Пуговичником, что перед Тиресием и духами умерших. Полифем на огонек в роман тоже заглянул.

Безусловно, даже в рамках очень условного ретеллинга, повторять структуру «Пера Гюнта» полностью было бессмысленно, да и как-то не вписывалась в общий сюжет части с сумасшедшим домом и поездкой с предпринимателями. Пришлось оставить только центральные элементы. Которые, к тому же, отлично работали на две центральные темы: ответственность в отношениях (любого рода) и дисфункциональные семьи. Пер тоже был фиговым таким отцом, знаете ли – от тролленка новорожденного отказался, а за девками так и бегал! Прямо сюжет для «Мужского/Женского».

И, конечно, в роман сразу пришли тролли, а вместе с ними – Худощавый и Пуговичник. Про последних говорить особенно много не буду, а вот про первых чуть расскажу! У Ибсена, как считают некоторые исследователи, тролли – не столько элемент потустороннего, подземного мира, сколько сатира на традиционалистов, уходящих от прогресса куда подальше, живущих «натуральным хозяйством». Да и в скандинавской мифологии тролли, все же, всегда выступали воплощением сил природы, их противопоставляли человеку и его действиям; они, жители лесов и гор, могли быть злыми, добрыми или нейтральными. Но уже точно не потусторонними в привычном нам «жутком» смысле. Однако связь с землей, пещерами и необузданной сохранялась всегда. И поэтому тролли, как одно из проявлений шагающего за Ваней по пятам потустороннего,

отлично легли в «Человек человеку». А еще я как-то слушал лекцию по психоанализу: мол, все галлюцинации – на самом деле сигналы самости, которая натравливает на нас, как цепного пса, какой-то навязчивый образ, чтобы мы обратили внимание на какую-то проблему. Связали ее с этим образом. И исцелились.

Так ли все в случае с Ванечкой? Кто знает!

Денис Лукьянов

14 мая:

«Faith», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, June 1989)

Небольшой спойлер: рассказ выбивается из тренда, который сложился в предыдущих трёх текстах сборника. Все три были мрачноватыми и не совсем добрыми. Каждый по-своему. Фейт (она же – Вера) – совсем другая история. Да, ещё одна перемена: главная героиня – женщина.

Женщина средних лет по имени Фейт, которая неожиданно осталась без мужа, потому что измен не прощает. Но в её мире оставаться одинокой женщиной слишком долго не очень-то принято. Мы видим череду свиданий, череду ёмких лаконичных портретов, видим фоном Нью-Гэмпшир конца восьмидесятых, подростка-сына увлечённого фантастикой (смотрим глазами остроумной, симпатичной, но совершенно внефэндомной женщины на нердов-фэнов вроде самого Келли, да что там, вроде некоторых из присутствующих здесь). Из этой череды разнообразных, но в общем-то обыкновенных мужиков выбивается один. Очаровательный селекционер по имени Гардинер. У Гардинера есть один секрет...

Вся эта слегка гиковская история, заполненная фантастическими названиями, рассуждениями

о фантастичности Шекспира, фильмами вроде *Plan 9 from Outer Space* и *Forbidden Planet*, – вся она про то, готова ли Фейт довериться чему-то не просто новому, но, ещё и довольно *жуткому*. «Магазинчик ужасов», то и дело мелькающий в тексте, появляется там не просто так!

Цитата:

Without thinking, Faith hurled the top book in her stack. Whump! It was the first time she had ever appreciated Stephen King's wordiness; The Tommyknockers bounced off the passenger door, denting it nicely.

К вопросу о появлении на обложках Азимова: главный герой этого номера – Роберт Силевверберг с повестью *Enter a Soldier. Later: Enter Another*, за которую получил в итоге Хьюго и кучу номинаций. Второй по старшинству – Йен Уотсон с *Nanoware Time*. Но есть ещё двое: Джим Келли и Майкл Суэнвик. Кажется, отличный номер.

К.А.Терина

Вот интересно: среди заметных американских фантастов «золотого века» практически нет людей с законченным гуманитарным образованием. Азимов – химик, Хайнлайн – флотский офицер с навыками инженера, Де Камп – патентовед. Кто-то учился в университете, но не закончил, как Бестер и Саймак, кто-то даже не пытался, как Каттнер, Пол, Старджон или Брэдбери. Практически все – из бедных и беднейших слоев, из семей вчерашних эмигрантов, многодетных фермеров «библейского пояса», еле сводивших концы с концами, безработных, колесивших по Америке в поисках хоть какой-то халтуры и т.п. Единственное исключение – Фриц Лейбер, психолог по образованию, выходец из театральной богемы. Ну, по его текстам видно, что дядька не простой.

В 1950-1960-х все изменилось: к «жанру» внезапно стали обращаться небедные образованные люди. Желязны и Сильверберг – филологи, Шекли – бакалавр искусств, Эллисон на своем журфаке не доучился, но его родители, ювелир и дантистка, не лаптем щи хлебали. Урсула Ле Гуин и Алиса Шелдон (Джеймс Типтри-мл.) вообще из верхушки американского среднего класса, у обеих разностороннее гуманитарное образование, обеспеченные семьи, с детства привычка к достатку. С вундеркиндом Дилэни отдельный интересный случай: из колледжа он ушел, едва начав учебу, но при этом получил элитное среднее гуманитарное образование; семья жила в Гарлеме – но была весьма состоятельной, чтоб не сказать богатой. Et cetera – из общего ряда радикально выбивается разве что Филип Дик: его-то как раз воспитывала мать-одиночка с прибабахом, никаких академиев ваших он не кончал и большую часть жизни вкалывал, как папа Карло, чтобы удержаться на грани полного разорения.

Какой из всего этого вывод? Да никакого. Просто фиксирую факты, которые от читателей вне контекста ускользают. Ну и да: *лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным*. А здоровым, богатым и хорошо образованным – еще лучше. Нам бы так...

Василий Владимировский

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ # 111

Простите, но я ажно взоржал аки конь, когда увидел на обложке свастику РЕШа. Поясню: читал книгу не видя обложки, и в процессе подумал, о, да это ж прям РЕШевская тема! А потом глядь – нет, не прошли мимо. Ну, такие они умильные в своей последовательности, что просто пуськи! Им бы стоило какой-то общий слоган для серии взять. Чтото типа «в России будущего всё плохо, а будет ещё

хуже». Ну просто уныние беспросветной грусти на марше.

ХЛОРОФИЛИЯ. Андрей Рубанов

Несмотря на всё вышесказанное, в России будущего, описанной Рубановым, всё хорошо. Формально, конечно, иначе какая это, нахрен, антиутопия? Но, тем не менее, у каждого гражданина есть личный счёт, которого хватает на большую квартиру, быт, еду, коммуналку и прочие ништяки. Автор удачно обыгрывает влажные мечты о «базовом доходе»: основные твои потребности закрыты, хочешь – занимайся искусством, хочешь – лентяйничай, а хочешь большего – ну, иди работать. Другое дело, что в России будущего работать мало кто хочет.

В общем так: глобальное потепление смыло нахрен очень и очень многих. Штаты больше не гегемон, Европа в чудовищной нищете, а Россия сдаёт Китаю Сибирь в аренду. И на эти деньги живёт всё население... эम्म... Москвы. Потому что все сорок миллионов оставшихся россиян в неё и поместились. Немного мешает общему благорастворению воздушной мерзкая растительность, прущая отовсюду. Судите сами – занимает всю свободную площадь, за несколько часов вымахивает на триста метров, не поддаётся ни отравам ни физическому воздействию. Да ещё, до кучи, мякоть её дарит травоедам эйфорию без последствий.

Первое ощущение было неоднозначным. Будто читаешь Пелевина, который забыл поест грибов. Ну, то есть, без этой упоротой псевдофилософии, максимально легко, и с сомнительными шутейками, типа «перекрёстка Петросяна-Дубовицкой». Но дальше автор злоупотреблять юмором не стал, и внезапно раздал действительно плотной такой антиутопии. Причём антиутопии проистекающей

из сытой утопии, это ж прямо классика. Базовый доход действительно подарил возможность не париться и жить в своё удовольствие. И что же сделали люди? Наверное, действительно, занялись творчеством! Куда там. Нижние этажи, лишённые солнца, предпочитают жрать мякоть растений и вести растительное, почти дословно, существование.

Дальше будут спойлеры, поэтому закруглюсь. Вне всякого там политического дискурса, история получилась занятная. Да, не без утрирования (ну, серьёзно, рента за Сибирь, это что-то вроде продажи алмаза в «Ширли-мырли») но вполне проработанная. Не считая, етить-колотить, финала. Потому как он ну настолько оторван от всего остального повествования, настолько резок в своём переходе на вторую часть, что ощущение складывается, будто автор только тут и решил, что стоит, однако, вторую часть написать. Судя по комментариям, там вообще мало что остаётся от антиутопии, и больше признаков постапковской приключалки. Это не есть плохо, и, видимо, я со второй частью ознакомлюсь, но резкий переход из жанра в жанр в рамках одной истории, как будто не алё.

Читать или нет, выбор, конечно, за вами. Но я о времени потраченном не пожалел.

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

В Нови-Саде мы ночевали у муми-троллей.

То есть мы потом только догадались, что это были настоящие муми-тролли – уже сравнивая впечатления и делясь догадками. Вполне могли бы догадаться и раньше – по первым приветственным фразам. «Мы дурацкие, но неплохие» – так могли бы отрекомендоваться только истинные муми-тролли.

Мы довольно случайно туда попали – это были друзья друзей организаторов. Для нас пытались

найти ночёвку – и вот они издалека как-то откликнулись.

Мы ввалились туда поздно вечером, сразу после пожарнического концерта с бисами, а до этого долго мокли под дождём в Петроварадине, в ожидании автобуса до города. К тому же организаторы предположили, что люди эти уже, наверное, легли спать и еды у них нет. И мы ещё долго искали хоть какой-нибудь ночной ларёк в центре, закупались макаронами и йогуртами, представляли себе неструганые доски на холодном чердаке и проч. Опыта хватало.

Но хозяйева ещё не спали. На нас выскочил первым делом скотч-терьер, облаял и облизал. И мы оказались в каком-то удивительно уютном доме. Уютном – как и внешне, так и в эмоциональной атмосфере всего дома. Такая мягкая интеллигентная обходительность высочайшего уровня. И если искать в литературе с чем сравнить – то это как раз и будет муми-дом, хорошо описанный Туве Янссон. В который постоянно вваливаются неизвестные ночные гости, а их усаживают за стол, поят горячим чаем с «пупочками» и развлекают разговорами.

Муми-мама готовила «гречу» (тут мы с Аськой переглянулись, но нет, мимо) и котлеты. Муми-папа готовил для нас авторские бутерброды. В углу на диване спал какой-то местный хемуль, но никто на него не обращал внимания, да ему это и не мешало.

Я смотрел на них во все глаза, и слушал во все уши. Мне было понятно, что происходит что-то необычное, но откуда у меня такая восторженность от происходящего? Потом стало понятно – это было ощущение, что попал в книжку своего детства.

В итоге мы ночевали на втором этаже в отдельной комнате – это был большой загородный дом в Ветернике. И мы впервые в жизни увидели раскладной идеально круглый диван. Типичное жильё муми-троллей.

С утра мы откланялись, но я успел сфотографировать две картины, которые висят у них дома. Муми-мама про них подробно рассказывала, они специально были заказаны у знакомого художника. На этих картинах изображено всё их муми-семейство в разные этапы их жизни – в Рязани и в Грузии.

А старшая муми-дочь подарила нам на прощанье свою картину с зелёным ежом. Я хотел, конечно, вякнуть что-нибудь плоское про первого котёнка, а потом понял, что они про него не знают. И про нас вообще никак не знают. И даже про Гиперион не знают. Они вообще из другой книжки. Очень необычно. А мы, такие эпизодические тофсла и вифсла, просто мелькнули в одном из абзацев.

Но сами себя они почему-то называют толкинистами.

Игорь Белый

15 мая:

«Big Guy», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, June 1994)

В подкасте Скотта Эдельмана «Eating the Fantastic» Келли среди прочего рассказывает, как случайно вписался в киберпанк, просто желая доказать себе и миру, что тоже способен писать вполне *стерлингово*. Эти рассказы сам Келли считал скорее пародией, но киберпанки приняли его с распростёртыми объятиями (тут контекст такой: Келли и Стерлинг вместе прошли Clarion SF Workshop в 1974 году, так что они по сути однокашники).

Big Guy – явно не из первых киберпанковских текстов Келли, поскольку написан уже в девяностые, но марку держит.

Мёрф – независимый оператор наблюдения. Магазины, бизнесы, резиденции и обычные люди – все нуждаются в операторе, который будет

приглядывать за ними. Охранять. На корабле девять независимых операторов и Мёрф – лучший из них. Рекордсмен. 86 объектов одновременно – не каждый такое затащит. Мёрф – да. Его реальный мир – каюта на 8 шагов и доставка еды через крошечную дверцу. Но кому нужна реальность, когда есть мир виртуальный, тот, ради которого Мёрф и пашет без сна на усилителях, охраняя покой обитателей корабля.

В виртуальном мире, к которому Мёрф подключается не через пошлый костюм, а через прямое церебральное подключение. Полный эффект присутствия. Мёрф может быть абсолютно кем угодно. Кем угодно. Драконом, охотником, рыцарем, Самсоном, вампиром. Но куда слаще в виртуальной реальности быть собой. Увеличенной копией себя. Большим Парнем, горой плоти, которая не скрывает истинное лицо Мёрфа, а подчёркивает. Потому что в виртуальном мире его ждёт Кэт, и они ведут игру, полную напряжения и намёков, точкой в которой должна стать личная встреча. Сегодня – тот самый день. Мёрф стирает гениталии своему аватару, чтобы дать Кэт понять: хочешь большего – найди меня.

Что меня подкупает у Келли – отсутствие лишних деталей в рассказах. Почему многопалубный пассажирский корабль стоит на приколе в Канзасе? Что за волна самоубийств? Как помогают с ней бороться операторы наблюдения? Я не знаю и мне этого знать не надо, потому что это – бэкграунд, бульон в котором приготовлен наш ужин. Бульон необходим, но не он здесь блюдо от шефа. Детали, как обычно у Келли, лаконичные и ёмкие. Крошечная каюта. Запах еды. Девочка-курьер и её рука в дверце для еды. Государственный сон. И концовка – убийственно открытая, как я люблю.

Проверила фан-факт, о котором помню, кажется, из какого-то комментария Джима Келли: начиная с 1984 года его текст есть в каждом июньском номере Азимова. Вплоть до десятых – это рассказы. После – как минимум эссе/колонка. Четверть века июньского постоянства! Сорок лет, если эссе тоже в счёт.

К.А.Терина

Ладно, на день рождения лучше что-то более душеподъемное ставить. Это, может, и ИИ, но в целом картинка отражает мой идеал космической библиотеки. Надеюсь, в этой или какой-нибудь будущей жизни я примерно в таком месте проведу немало времени.

Николай Караев

Хорошие новости – хотя официально пока не совсем новости, а скорее слух. «ФантЛаб» сообщает, что издательство «АСТ», редакция Neoclassic, планирует к изданию сборник переписки **Станислава Лема** и **Урсулы Ле Гуин** с поэтичным названием «*I mów, że moja chwała z przyjaciół się bierze. Listy 1972-1984*». Дата русского релиза пока не указана (расплывчато – «2026 год»), обложки и ISBN в карточке (<https://fantlab.ru/edition502454>) нет, то есть, скорее всего, права куплены, и на этом пока все. Честно говоря, не уверен, что сейчас получится издать эту переписку в России полностью, без изъятий, а объем там и в оригинале скромный, 272 странички. Возможно, дополнят какими-то другими материалами. Но даже если не дополнят и издадут с купюрами – уже хоть что-то. Главное чтоб издали.

Так и живем.

Василий Владимировский

Новость действительно отличная. А цензурировать в этой книжке, по-моему, нечего. Ревностным блюстителем чего бы то ни было может не понравиться история первого издания в Польше «Волшебника Земноморья», которую Лем и Ле Гуин активно обсуждают. Но в остальном – вполне безобидный сборник. В переписке с другими людьми Лем высказывался гораздо более открыто и жестко. С Ле Гуин у него, несмотря на старания обеих сторон, по-настоящему близких отношений не сложилось, отсюда осторожность, которая внезапно может сыграть положительную роль при издании этого сборника.

Инар Искендрова

Повесть **Рэя Нейлера** «**Эра Бивня**» («Хьюго-2025», номинирована на «Небьюлу», «Локус» и японскую премию «Сэйун») – еще один текст, который я не смог читать в силу личных обстоятельств.

Вступление вроде норм, в Африке я не был, готов поверить на слово. Но дальше зачем-то начинается текст про русских браконьеров – и тут я через абзац то матерился, то ржал в голос, хотя история вроде не должна вызывать такие эмоции. Потом не выдержал, бросил – невозможно такое читать.

Так уж сложилось, что я как раз из семьи тех самых русских браконьеров. А еще мой батя одно время работал старшим зоотехником Ленинградского зоопарка, ухаживал среди прочего и за слонами. То есть повесть буквально обо мне. И не впадая в заклепочничество могу сказать, что такой развесистой клюквы я не встречал, наверное, со времен «Анжелики в России». Сплошная коллекция заезженных штампов – дядька абсолютно не понимает и не знает того, о чем берется рассказывать. Утешает только, что его читатели, очевидно, тоже ни бумбум в этой узкой теме. А мне вот не повезло – видел, как вся эта фигня устроена на самом деле. Понимаю, что это вымышленные браконьеры, вымышленные слоны, вымышленная Россия и вообще фантастика, но не могу, слишком личное.

В биографии Нейлера указано, что он служил «сотрудником дипломатической службы в России» – ей-богу, вот о дипломатической службе лучше бы и писал. О том, как дипломаты друг на друга охотятся в пьяном угаре и друг у дружки зубы вырывают. Я бы даже простодушно поверил. Почему бы нет? Но не вот в это.

Василий Владимировский

Написал для «КиноПоиска» о мемуарах **Айзека Азимова**. Я не большой его фанат (поэтому эссе об Азимове нет, например, в книжке «Картографы рая и ада»), но фигура, конечно, значительная, крупная, важная для истории нашего условного «жанра». Двухтомная биография, пожалуй, дает больше

материала для историков НФ, но и тут случаются точные остроумные наблюдения, которые я готов подтвердить: например, что фантаст обычно пишет главные свои произведения за первые десять-двадцать лет карьеры.

Да, к переводу вопросов почти нет, только один косяк у Сергея Карпова повторяется дважды. Я об этом в рецензии писать не стал, но косяк смешной: «позитронные роботы» в русской версии мемуаров Айзека Азимова превращаются в «постироничных роботов». Заглянул в оригинал – нет, там опечатки нету: «positronic robots». Не знаю, на каком этапе эта ошибка возникла, собственно перевода или редактуры, но получилось забавно. Удивительно, что никто не задумался: а с какого, собственно, рожна они постироничные? Видимо, сборник «Я, робот» никто не читал. У Азимова все прямо на серьезных щах, а постироничные они у **Лема, Варшавского** или **Бориса Гедальевича Штерна**, не путайте.

Василий Владимирский

Китайские исследователи проанализировали пептиды десятка белков, которые выделили из эмали зубов шести *Homo erectus*, а также харбинского денисовца, известного как «человек-дракон». Анализ изоформ амелогенина позволил установить, что пять образцов принадлежали мужчинам, а один женщине. Кроме того, был найден вариант в белке амелобластине, который присутствовал у все *Homo erectus*, но также у денисовцев и у людей современного типа. Это согласуется с данными о «суперархаичных» участках в геномах денисовцев и некоторых современных людей.

Давно с легкой грустью думаю, что легенда о людях и эльфах основана на фактах, только сочинили ее неандертальцы, а прекрасные стройные эльфы, певцы, сказители и мастера диковинных ве-

щей – это мы с вами, дорогие конспецифики. А может быть, для эректусов денисовцы были... ну ок, не эльфами, это уже совсем сову на глобус, но великанами?

Елена Клещенко

О великом писателе-фантасте Станиславе Леме, великом астрономе Иосифе Шкловском и о вахтёрах СССР.

Миша Ковальчук (Вл.Гаков), когда ещё был студентом физфака МГУ, каким-то образом сумел пригласить на факультет польского писателя-фантаста Станислава Лема – выступить перед студентами.

А на физфак просто так не пройдёшь (кто учился – знает). И охрана наотрез отказалась пускать заморского гостя.

Пока Миша объяснялся с начальником вахтёров, пан Станислав в сторонке сей хеппенинг наблюдал, и вдруг говорит:

– Да, жаль, что у меня нет нимба вокруг головы.

Павел Амнуэль

В конце шестидесятых в Баку проходил международный астронавтический конгресс. Приехали ученые из разных стран, а среди москвичей был Иосиф Шкловский. И вот приходит он в только что открывшийся Дворец конгрессов (кажется, он так тогда назывался, потом стал Дворец имени Алиева), а его не пускают, а у него доклад через час. Оказывается, забыли выдать ему значок делегата. Охране объясняют: ну, это же Шкловский! Низачто. В общем, прошло этак полчаса – наконец, принесли значок и вручили Шкловскому. Тот прицепил значок себе на задницу и пошел. Вахта его останавливает, тот поворачивается спиной и показывает. Вахта возмущается: как вы смеее! А что? – удивляется

Шкловский. – Покажите документ, где написано, на каком месте носить значок. Пропустили. Так Шкловский и ходил все три дня со значком на заднице.

Марина Бернацкая

16 мая:

Джаспер Ффорде – «Редсайдская история»

Тут внезапно выяснилось, что Джаспер наш Ффорде внезапно! через пятнадцать лет! дописал второй том к «Оттенкам серого», абсурдно-сатирической книжечке про Цветократию, мир, в котором твое положение в обществе определяется тем, какое количество оттенков ты можешь видеть.

Ну что, вчера вечером села читать и оторвалась во втором часу:)) «Редсайдская история» прям очень хороша – гораздо лучше «Вечного кролика» (который тоже сатира, но автор слил финал) и лучше «Ранней пташки» (по которой слишком видно, что про мир с вечной мерзлотой пишет автор, который на морозе не был примерно никогда. Сорри, мистер Ффорде, из Сибири читать это невозможно).

А «Редсайдская история» прям хороша. Герои, конечно, как были картонками, так и остались – типичный ффордовский тряпка-кун и типичные современные «сильные независимые» героини (неприятная социопатка номер 1 и неприятная социопатка номер 2). То есть, конечно, это классика антиутопии еще со времен Замятина, Оруэлла и «Метрополиса» – герой влюбляется в героиню-революционерку, но Джейн прям слишком уж «все, как один, умрем в борьбе за это» (пополам с теорией «стакана воды»). Пока социопатка №1 пытается делать революцию в один нос, социопатка №2, она же жена ГГ, меерзкая аристократка, которая женит его на себе силой, пытается сдавать его в аренду в подпольном борделе, чтобы закрыть долги, доставшиеся ей как

правителю города от предыдущей администрации. В общем, Ффорде во всех книжках последовательно терпеть не может аристократию и повадки из закрытых школ (с буллингом и «50 баллов с Гриффиндора»):)

А вот что у Ффорде прямо великолепно сделано – это абсурдный мир, в котором обитают герои.

Выглядит это как гремучая смесь Баума с Оруэллом, Кэроллом и «Дживсом и Вустером». Плотноядные деревья, дома и дороги из самовосстанавливающегося материал, дефицит ложек, клановые интриги, связанные с генетикой, младенцы, которые говорят с месяца и динозавры со шприх-кодами. Загадка на загадке – и, что самое блестящее, в итоге Ффорде разъясняет, откуда оно такое все и почему.

«Через три года должен был произойти IV Технологический Скачок Назад, и все опасались худшего. Поговаривали, что монорельсовые поезда будут устранены вместе с «Фордами-Т», электрическим светом, гелиостатами, велосипедами и телеграфией. Любая отдельная отмена вызвала бы сильную досаду, но все отмены вместе привели бы к катастрофе: Хроматация стала бы куда более мрачным миром после запрета транспорта, спорта и коммуникации, а деревни, города и столицы Секторов, из которых состояло государство, еще сильнее замкнулись бы в своих границах.»

Тед Серый: «Двадцать лет среди хроматийцев».

«Однако времени на это не было, поскольку где-то пронзительно протрубили три трубы, и мы вернулись на игровое поле для первого состязания: на самую низкую ноту, взятую на медном духовом инструменте. Это был звездный момент Банти, хотя состязание было не столь зрелищным, поскольку по ходу выступавший багровел лицом, и ему требовалось много дуть, чтобы выдать ноту ниже порога человеческого слуха. К счастью, под рукой был дрессированный слон, чтобы показывать, что и когда он слышит. Банти уверенно вышла на второе место после Зеленого участника, который сумел выдуть ноту даже ниже на супер-суб-басовом саксофоне, причем напугал слона, который бросился бежать, растоптав суб-басовый кларнет Синего участника.»

Вторая самая большая прелесть книги – это, конечно, черное чувство юмора пополам с увлекательным сюжетом и абсурдными решениями абсурдных проблем. Автор, конечно, бессовестно подыгрывает героям – но именно поэтому история не производит такое унылое впечатление, как большинство антиутопий. Герои выкручиваются из ситуаций с находчивостью не то Дживса, не то бравого солдата Швейка. Особенно прекрасен был эпизод, когда героя законопатили управлять убыточной фабрикой никому не нужного линолеума – а он, пользуясь тем, что женат на Префектше, которая ему ничего сейчас не сделает, распустил всех в отпуска и на пенсию. Отдельно прекрасно решение «если у нас производительность 0, то мы честно можем направлять ежемесячные отчеты о повышении производства на 20%!» Собственно, обаяние книги очень сильно держится на том, что «строгость правил компенсируется их неисполнением» – герои умудряются как-то выкручиваться.

«Действительно, эти древесные млекопитающие имели склонность к собиранию гаек, шурупов, шайб, шпильков и болтов, что хорошо для ремонта, поскольку ты всегда можешь найти их захапонку. Прабабка моего лучшего друга Фентона раз нашла кучу, наверное, за сто лет собранную, в дупле большого дуба рядом с Нефритом и открыла скобяной магазинчик, который до сих пор приносит прибыль.»

«В этом я не сомневался, хотя это не должно было быть так: проблема заключалась даже не в Правилах, а в их неизменно жесткой трактовке, что делало их неосуществимыми. Отличие хорошего Совета от плохого состояло в том, чтобы интерпретировать их ради достижения справедливости. Раз, выехав на день в Виридиан, чтобы прикупить пищевых красителей, мы с папой

зашли в Палату Совета чисто ради зрелища и наблюдали за интересным делом: Главный префект, вместо того чтобы обвинить женщину в убийстве собственного мужа при помощи садовых ножниц, после того как он решился на интимную близость без согласия, вместо этого обвинил ее в «безответственной беготне с ножницами». Она была должным образом признана виновной, приговорена к пятидесяти штрафным баллам и дополнительному однодневному обучению владению ножницами. Останки ее мужа втихаря отправились прямоком в переработочный цех. И никто не отрицал, что это был хороший результат».

А самый трогательный момент в книге – конечно, история про труппу актеров, которые днем играют «Трагедию Хроматически не совместимых и Откровенно глупых Ромео и Джульетты», а по ночам тайком – ее оригинальную версию.

«Потом Апокрифический Человек встал и поблагодарил труппу, уверив, что никогда не слышал, чтобы текст произносился так гладко. Люси Охристая спросила, как им удалось скрывать текст, поскольку за обладание им грозила немедленная Перезагрузка. Глава труппы улыбнулась и постучала себя по голове, сказав нам, что артисты передают оригинал по непрерывной цепочке от труппы труппе с первого Скачка назад, когда цвет, обучавший всем пьесам, был изъят из обращения и заменен новыми, нецветованными текстами, переписанными в более хромоцентричном ключе. Пьесы, которые они разыгрывали перед публикой открыто, были прикрытием для частных представлений, чтобы манера исполнения, хронометраж и выход и уход со сцены могли репетироваться, оттачиваться и сохраняться так, чтобы когда эти пьесы можно будет снова показывать открыто – пусть и через тысячу лет, – чтобы первый же вечер стал вече-

ром премьеры. Никаких репетиций или проб, читок или зачканий или провальных выходов: пьесы заговаривают снова, сразу без сучка и задоринки, словно не исчезали никогда. Казалось, актеры посвящают всю свою жизнь не игре, но сохранению пьесы.

– Когда эта пьеса была сыграна впервые? – спросил я.

– Трудно сказать, – ответила глава труппы, – мы полагаем, что «Ромео и Джульетту» точно давали до Того, Что Случилось в 2163 году, и тогда ей было не менее пятисот лет. Добавить 00496 года после Явления Манселла, и получим больше тысячи лет как минимум.

Это было всего лишь оценкой, поскольку мы не знали, как далеко 2163 год отстоял от Того, Что Случилось. Мы еще немного поговорили с актерами, но они не хотели заниматься обличением пороков Коллектива, будто это вовсе их не волновало.

– Главное – пьесы, – сказала младшая, девушка не старше меня. – Направлять общество на иной путь – дело других. Мы не будем делать ничего, что поставит под угрозу наши драгоценные заученные наизусть пьесы. Таков путь.

Остальные закивали, бормоча: «таков путь».

– Мы будем ждать, сколько бы ни пришлось, – добавил ведущий актер, – потребуется – поколениями. У нас лишь одна цель, и она нам ясна, и все мы должны сыграть свою роль в ее достижении».

В общем, Ффорде молодец – жонглирует множеством ситуаций, блестяще шутит, сводит все концы воедино, а заканчивает цитатой из Шекспира/Хаксли про «Дивный новый мир», одновременно давая и хэппи-энд, и задел на следующий виток абсурдной антиутопии. Говорят, будет еще третья книга, финальная, и я надеюсь, что у автора уйдет меньше пятнадцати лет на то, чтобы ее написать.

Марина Аницкая

«Dancing with the Chairs», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, March 1989)

В топовом ресторане О'Брайен Джек ждёт Сюзанну, свою любовницу и, кажется, любовь всей своей жизни. Ради которой готов бросить жену и детей, расстаться с домом, поменять всё к чёртовой матери. Немного нервничает из-за этого, но счастлив, что наконец решился. Потому что Сюзанна – идеальна. Вечер чуть портит некто Фрэнк – несчастный, нетрезвый, странный тип, привязавшийся к Джеку сначала в туалете, а потом у барной стойки. Пока Фрэнк рассказывает Джеку свою историю, читатель понимает (а Джек, кажется, нет), что Фрэнка не видит здесь никто, кроме, собственно, Джека. И когда тот говорит о том, как сделался невидимым в этой жизни, он описывает в том числе и буквальные физические обстоятельства. Но вот пришла Сюзанна, и Джек с лёгкостью оставляет собеседника и забывает о нём.

Казалось бы, ничто, ерунда, крошечный фрагмент на старте большого и наверняка прекрасного вечера. Но дальше всё пойдёт совсем не так, как ожидал и как хотел Джек.

Сюжет уверенно движется по границе слип-стрима и реализма, рассказывая одновременно и себя и какую-то метафору, что-то снова о кризисе среднего возраста и ещё о том, что же в этой жизни делает нас видимыми и что нас определяет. Или – чему/кому мы сами добровольно передаём это право и власть – нас определять. А гениальность названия понимаешь, только дочитав рассказ до конца.

К.А.Терина

Вилем Рейхман (1908-1991) принадлежит ко второму поколению чехословацких сюрреалистов и явно испытал влияние Туайен. Я увидел его рису-

нок 1940 года (даже подумал, что это Туайен и есть) и решил, что он должен висеть у меня на стене.

Так оно и вышло.

Изображена здесь трагическая история из жизни автора. Рейхман, как фольксдойч, был призван в гитлеровскую армию, отправился на Восточный фронт, сдался в плен и попал в советский лагерь, откуда после войны его каким-то образом вызволила жена – балерина Долли Жукалова.

Думаю, что эти две фигуры расстанутся перед мобилизацией.

Я увидел рисунок случайно, среди невостребованных на аукционе, и влюбился с первого взгляда.

В конце концов, война кончилась, пленников выпустили, влюбленные встретились, а мир остался все столь же дурацким.

Дмитрий Волчек

Вадим Панов, «(Бес)человечность». Изд. АСТ

В дивном (окей, не очень дивном) мире будущего все прекрасно (окей, не так прекрасно, как могло быть). Люди живут в агломерациях и почти все время проводят в виртуальных реальностях: их тут великое множество, с эффектом полного

погружения – от сияющих мегаполисов до полностью подводных миров. И реальность, кажется, людям больше не нужна: зачем, если в цифре все куда ярче и натуральней, в чем в жизни? Если настоящее похоже на симулякр больше, чем он сам? Однако скоро основы нового мира пошатнутся. После теракта в городе Швабурге талантливая программистка оказывается втянута в череду политически-террористических интриг, и теперь, возможно, только одна она сможет открыть людям глаза, изменив правила игры в виртуальной реальности. Но нужно ли это? И захочет ли она?

Вадим Панов на время отвлекается от детективной серии про майора Феликса Вербина и вновь цифровыми пикселями рисует возможный мир будущего – возвращается к излюбленному визионерскому роману. Яркое ли оно, это будущее? Поражает ли воображение? Конечно, как и всегда у автора. Но, как и всегда – устрашающее. За всеми блестками и элементами дополненной реальности происходящее оказывается ужасно, нет, даже чертовски мрачным. «(Бес)человечность» – роман о социальном и, шире, эволюционном тупике, когда ничто не развивается, научные проекты – просто игрушки для представителей высшего общества. А обычные люди – расходный материал, популяцию которых необходимо, как считают власть имущие, снижать; но делать это элегантно – так, чтобы жители агломераций стали «обманываться рады». Эта книга – одновременно и классический пример увлекательной антиутопии, и новый, современный и до боли актуальный взгляд на жанр киберпанка с оммажами к «Лавине» Нила Стивенсона. А еще – не в последнюю очередь, конечно, – захватывающий технотриллер, разделенный на несколько частей с разным колоритом: от путешествий по старинно-

му особняку «Инферно» до виртуально-реального противостояния с террористом Марсианином.

И, безусловно, как в цикле Панова «Аркады», пусть местами и гипертрофированный в угоду эффективности, перед читателем один из вполне вероятных вариантов будущего: они, как сад расходящихся тропок, разветвляется в разные стороны. И как-то ни по одной шагать не хочется – а придется.

Денис Лукьянов

17 мая:

«Rat», Джеймс Патрик Келли (The Magazine of Fantasy & Science Fiction, June 1986)

Короткий напряжённый рассказ, герой которого (Крыс) внутри себя везёт капсулы с пылью – наркотиком нечеловеческой дороговизны и нечеловеческого привыкания. Одной дозы достаточно, чтобы превратить человека в безнадежно зависимого – и потенциально мёртвого. Одна доза – и твой горизонт планирования сокращается до одного года. Только ты выбираешь, как его провести, этот год: в мучениях бесконечной ломки или в экстазе. Неудивительно, что всех, ушедших дорогой пыли, заранее зовут мертвецами.

Рассказ очень динамичный, этим не похож на предыдущие рассказы сборника. А похож – всё теми же мастерски разбросанными деталями, всякий раз крепко привязанными к сюжету, диалогу, к нарративу. Никаких инфодампов; сложный грязный, странный мир вырастает из букв как будто бы сам собой. Персонажи – один другого лучше. Драйвовая старушка в инвалидном кресле водит бронетакси сквозь толпы нарко-зомби; белобрысая жёсткая агентка наркобарона с внешностью двенадцатилетней девочки. Ну и главный герой – Крыс. В самом прямом смысле – с лапками, зубками, ушками,

коготками и шерстью. Крошечный Крыс, зарабатывающие тонны красивых зелёных банкнот, продавая убийственную пыль.

Впервые рассказ вышел в F&SF (ещё при Эдварде Фермане!), что само по себе здорово. Но кроме этого интересна и история переизданий: антологии, собранные Орсоном Скоттом Кардом, Урсулой Ле Гуин, антология лучшего из лучшего F&SF (собранный уже Гордоном Ван Гелдером), а также *The Big Book of Cyberpunk* Джаред Шурин.

К.А.Терина

Одно из моих главных литературных впечатлений за последний год – определено «Крууга» **Анны Лужбиной**.

Применительно к роману часто приходится слышать прилагательное «карельский»: миф, деревня, верования. Мне эта оптика не кажется подходящей. Несмотря на то, что действие в самом деле происходит на карельской земле, текст далек от акцента на региональном. Вообще, кажется, одна из наиболее серьезных ошибок – увидеть в романе Лужбиной оду карельским березам.

«Крууга» – история, прежде всего, универсальная. Крохотная деревня здесь – большая общественная модель. Со своей властью, своими революционерами и обывателями. Со столкновением архаики и модернизаторских прожектов. С потребностью выйти из бесконечного танца и невозможностью это сделать.

Поколение за поколением стремится вырваться из установленного (и для многих опустыленного) порядка вещей, но все дороги ведут отнюдь не в Рим. Это надо принять, но не все к этому готовы. Немногочисленные уехавшие, обернувшись, обнаруживают, что не только люди, само простран-

ство изменило очертания и сделалось чужим: норovit ускользнуть, изойти огнем.

Территория – как место, так и время – пропитана в романе особой магией. Границы между прошлым, настоящим и будущим нарочито размыты (и в целом не важны), что играет на ключевую метафору бесконечного хоровода.

При этом «золотой век» (детство ли одних героев, мифологические времена других), если он когда-то и был, безвозвратно прошел. Беда незаметно – как радиоактивный осадок – накапливается в людях, пейзажах и даже в предметах (разве что висящее на стене чеховское ружье уж слишком на виду). Можно ли ее избежать или сюжет прописан заранее – задолго до того, как за него взялась Анна Лужбина?

В «Крууге» нет обычных злодеев. А есть ли злодейство – зависит от того, глазами кого из героев решит смотреть читатель. Бандит ли местный «авторитет» Сухонос или единственный хранитель порядка? Женина семья – «свежая кровь» и благодетели или пришлые люди с маниловскими идеями? Еся – опасность или просто стрелка датчика, демонстрирующая крайнее значение (и значит, семена беды прорастают помимо человеческой воли)?

Сам автор, кажется, нигде не свидетельствует против своих героев. Она любит их одинаково, разве что Ярика и ведьму Ирму – немного сверх того. Авторская интонация – не просто взрослая, почти родительская. В то же время доброта для Лужбиной не милость, а естественное и единственно возможное отношение. И, пожалуй, состояние.

«Крууга» – добрая и страшная, и трогательная, и во многом утешительная (а во многом – неутешительная) книга.

Неожиданно зрелое произведение довольно молодого автора и тот редкий случай, когда фраза

про «продолжение традиций русской классической литературы» – не штамп, а, скорее, самая точная характеристика.

Дмитрий Захаров

Гарри Гаррисон «Самый замечательный автомобиль в мире»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Это один из тех коротких, но удивительно емких рассказов Гарри Гаррисона, где за внешней простотой и даже анекдотичностью сюжета скрывается острая социальная сатира. Написанный в 1965 году, он ничуть не устарел, поскольку поднимает вечные вопросы о конфликте между искусством и коммерцией, мечтой и корыстью.

Повествование начинается с классической завязки для многих историй: молодой американец Эрнест Хароуэй полный энтузиазма преодолевает все преграды, чтобы встретиться в итальянском замке со своим кумиром – легендарным конструктором и гонщиком маэстро Беллини. Маэстро стар и болен, но его разум и талант по-прежнему остры. Эрнест показывает ему старую пробку от радиатора, которая много лет назад вылетела из машины Беллини и попала в голову его отцу во время гонки в Ле-Мане, что парадоксальным образом и породило в семье Хароуэев страсть к автомобилям.

Услышав эту историю и увидев неподдельное восхищение гостя, Беллини смягчается и показывает ему главное дело своей жизни – автомобиль «Тип 99». Эта машина – шедевр инженерной мысли, вершина автомобилестроения, созданная в единственном экземпляре. В ней воплощены все самые передовые и смелые идеи мастера: свободная беспатунная турбина, алюминиевый кузов, не боящийся коррозии, магнитострикционные тормоза и многие

другие уникальные технологические решения. Восхищение Эрнеста не знает границ, и умирающий Беллини, видя в нем родственную душу, завещает ему свой шедевр для запуска в серийное производство, чтобы он послужил всему миру.

И вот здесь происходит тот самый поворот. После смерти мастера Эрнест уезжает на «Тип 99», но по дороге его восторг быстро сменяется холодным расчетом предпринимателя. Финал рассказа – это поток его мыслей о том, какие «небольшие» изменения придется внести в конструкцию, чтобы машину можно было продавать: заменить никель-кадмиевые аккумуляторы на более дешевые свинцовые, алюминиевый кузов – на стальной (ведь у дилеров возникнут проблемы, если машины перестанут ржаветь, и покупатели не будут менять их так часто!), а уникальный двигатель и вовсе выбросить, заменив модифицированной серийной моделью.

Гаррисон силен в построении резкого контраста между двумя персонажами. Эрнест Хароуэй – это самый интересный образ. Главная загадка, которую оставляет Гаррисон, – был ли Эрнест хоть в чем-то искренен? Была ли история с пробкой правдой, или это лишь искусная легенда, придуманная, чтобы втереться в доверие к старому изобретателю? Его мгновенное перевоплощение из восторженного

фаната в циничного дельца может говорить как о том, что вся его страсть была лишь маской, так и о том, что «система» и интересы бизнеса мгновенно перемальвают любые чистые порывы. Скорее всего, Гаррисон рисует образ «усредненного человека» и эффективного менеджера, для которого экономическая целесообразность и интересы производства всегда будут выше какого-то там «чистого искусства».

Маэстро Беллини – олицетворение уходящей эпохи мастеров-одиночек, для которых их творение было не просто изделием, а произведением искусства, венцом творческих исканий. Его фамилия, как у великих итальянских живописцев, не случайна. Он – «чистый художник», который, как и положено классическому гению, оказывается слеп и доверчив в практических вопросах, чем беззастенчиво пользуется его «почитатель».

Гаррисон не был бы Гаррисоном, если бы не использовал иронию и сатиру как главные инструменты. В этом рассказе он бьет точно в цель. Главная тема – убийство мечты ради прибыли. Все уникальное должно быть усреднено, упрощено и удешевлено, чтобы вписаться в рамки конвейера. Рассказ показывает, как работает механизм, когда «товар должен быть не лучше, чем у других», а лишь немного отличаться, чтобы создавать иллюзию новизны и подстегивать гонку потребления.

Написанный Гаррисоном в период его жизни в Дании рассказ во многом основан на его опыте жизни в Италии и США. Он сталкивает два мира: итальянскую почти религиозную страсть к красоте и совершенству формы с американским прагматизмом, для которого автомобиль – это прежде всего товар и символ статуса.

Итог: «Самый замечательный автомобиль в мире» на нескольких страницах разворачива-

ет перед нами полноценную драму с мощнейшим финальным «твистом». Этот твист переворачивает восприятие всей истории с ног на голову, заставляя задуматься о природе человеческой корысти. Рассказ задает нам неудобный вопрос: а как часто мы, подобно Эрнесту, жертвуем совершенством ради выгоды, убивая «самый замечательный автомобиль» в угоду конвейеру?

Алексей Севериан

Что-то давно не встречал годных авторских сборников относительно новых (для меня) фантастов. Нет, вообще сборники издаются: вот в прошлом году в РЕШ вышла нашумевшая книга **«Все мои птицы»** загадочной **К.А.Терины**. В «Азбуке» только что напечатана **«Моя космонавтика и другие истории»** **Ллео Каганова**, а до этого – несколько новых книг **Владимира Березина**, составленных из неновых рассказов Владимира Березина. «Альпина» переиздала сборник **Шамиля Идиатуллина «Всё как у людей»** с дополнениями. И так далее – что почитать, в принципе, есть. Вот только всех этих авторов я знаю 15, 20, а кого и 30 лет, со времен FIDO.

Последний раз попытка запустить серию авторских (соавторских) сборников фантастических рассказов и коротких повестей не самых известных писателей предпринималась у нас в 2017-м, почти десять лет назад. Серия «Зеркало», издательства «Рипол» и «Пальмира». Проект, мягко говоря, не взлетел. И, в общем, понятно почему. Нет, не потому, что рассказы дурные – напротив, были очень симпатичные. Проблема системная, на уровне отдельного издательства, отдельной институции она не решается. «Давайте замутим книжную серию», «давайте запустим конкурс с миллионными призами, и все

талантливые молодые авторы бросятся писать рассказы» – так оно не работает, к сожалению.

Годный рассказ англоязычного фантаста печатается как минимум трижды: сначала в журнале, потом в антологии (тематической или ежегодной), и только потом уже в авторском сборнике. Достоинство этой системы не только в том, что на каждом этапе автор получает гонорар – небольшой, но мотивирующий. Гонорары часто символические, а сборники и на англоязычном рынке пользуются меньшим спросом, чем романы. Но всякий раз выход рассказа становится микрособытием, укрепляет репутацию, вписывает автора в определенный контекст. «О, он печатается в Asimov's», «он под одной обложкой с...», «его рассказ отобрал составитель такой-то», «его выдвинули на премию сякую-то» – и сразу понятно, кто таков этот молодой фантаст, зачем его читать и читать ли вообще. Движуха!

Был момент, когда казалось, что и у нас система заработала – но этот момент закончился вместе с журналами фантастики, к середине 2010-х. Наверное, когда-нибудь мы к этому вернемся, но нынче, понятное дело, не до развития, сейчас у нас эпоха выживания, сохранить бы хоть что-то из нажитого нашей фантастикой за 30 лет непосильным трудом. Конечно, хотелось бы увидеть расцвет новой эры, но маловероятно.

Василий Владимировский

18 мая:

«The First Law of Thermodynamics, Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, December 1996)

На этот раз Нотр-Дам, в котором когда-то учился сам Келли, не просто упомянут в тексте, но стал местом действия рассказа. Рассказ очень чётко вписан во временные рамки и исторический контекст,

конкретная дата легко вычисляется по нескольким деталям в тексте: 2 мая 1970 года. Пока студенты по всей стране протестуют против Никсона и расширения войны во Вьетнаме, главный герой рассказа (Космический Ковбой, он же – Космос) и трое его друзей углубляются в познание синей магии, которую продаёт им некогда знаменитый бейсболист. Дилер предупреждает их, что синяя магия действует глубже, чем обычная кислота.

Поток изменённого сознания Космоса написан с таким погружением и пониманием вопроса, что очень хочется при случае задать Джиму Келли вопрос: а чем он сам занимался если не в эти самые майские дни, то хотя бы в эти самые годы. Потому что именно в начале семидесятых он сам учился в Нотр-Даме и посещал лекции в О'Шонесси-холле, стены которого его герой разукрашивает сначала антивоенными, а потом всё более и более креативными надписями.

Почти до конца кажется, что текст так и останется на грани магическо-кислотного реализма, подчёркнутого уверенностью Космоса и его друзей в том, что магия – не только название конкретного вида марок, но суть любого кислотного прихода. Но джокера автор приберёт для самой последней двери, за которой прячется мой любимый приём: когда случайная метафора из середины текста оживает, обретает плоть, кровь и буквальность – и становится частью сюжета.

К.А.Терина

Подсказывала мне чуйка, что это не лучшая идея: читать сразу после «Мифов Ктулху» Джоши «Мифологию Лавкрафта» Артёма Ширкунова. Но не удержался, благо книжка тоненькая. Штош, чуйка не обманула. Чудеса и приключения начинаются с предисловия научного редактора

Дмитрия Данилова, «исследователя литературы», филолога из Северо-Восточного университета им. М.К.Амосова.

*Одним из самых популярных стал знаковый журнал **Weird Tales**, который выпускается и сейчас, – в 2023 году он отметил свое столетие. Этот и другие подобные сборники создали благодатную почву для развития современной англоязычной фантастики.*

Дорогой научный редактор, вы уж определитесь – журнал или сборник. Это, подсказываю шепотом, разные типы изданий. Не говоря уж о том, что **Weird Tales** никогда не был «одним из самых популярных», еще в 1920-1930-х он несколько раз висел на волоске и оказывался на грани закрытия из-за низких продаж.

Лавкрафт считал, что идеи добра, справедливости и красоты – это лишь наивные грезы человеческого детства.

Экий упырь. Нет, девочки и мальчики, Лавкрафт считал (и неоднократно об этом писал, все пруфы сохранены, упомянутый Джоши эти тексты цитирует с наслаждением), что Вселенная холодна и безразлична к человечеству с его представлениями о добре и зле, а Земля – ничтожная пылинка на фоне бескрайнего космоса. Нет никакого «вечного космического зла», есть силы, бесконечно чуждые всему людскому. Когда ничтожный человек с этими силами случайно сталкивается, тут-то и начинается главная веселуха.

Во время пресс-конференции Владимира Путинина в 2006 году в число вопросов, отобранных по итогам голосования интернет-пользователей, попал и такой: «Как вы относитесь к пробуждению Ктулху?» Президент ответил, что потусторон-

ние силы вызывают у него подозрение. После этого чудовище даже обрело в Рунете собственный шуточный культ.

Вот не надо путать причину и следствие. Сперва Ктулху стал интернет-мемом, и только потом прозвучал этот идиотский вопрос. Нужно ли вообще тащить Владимира Владимировича в предисловие к такой книжке – вопрос дискуссионный.

Ну и так далее, и тому подобное. Что любопытно, в самой работе Артема Ширкунова такой фигни нет. Есть спорные тезисы, есть мелкие неточности, есть некоторая подмена понятий (Август Дарлет изрядно поглумился в своих «вольных продолжениях» над лавкрафтовскими оригиналами, все-таки надо радикально разводить эти явления), но все это в пределах допустимого. Зачем портить книгу предисловием – непонятно. Ну и зачем книге научный редактор, путающий сборник с журналом, от меня тоже ускользает.

Василий Владимирский

19 мая:

Альманах «Моя культурная жизнь»

1. Посмотрела **The Salt of the Earth** Вима Вендерса. Если воспринимать этот (документальный) фильм, как третью серию «Неба над Берлином», смотрится совсем хорошо.

2. Прочитала «Зачем их звать обратно с небес?» Саймака. Вроде ну просто умеренно остросюжетная антиутопия, она же сатира, местами ошеломительно актуальная, но последняя глава гениальная. Строго говоря, даже только последняя фраза, но ей же надо в конце чего-то стоять.

Макс Фрай

С Dungeons & Dragons я познакомился в новогоднюю ночь 1991 года. Один из моих друзей провел приключение для одного персонажа, в котором я благополучно умер где-то часа через полтора после начала игры. Но с этого момента эта игра привлекла мое внимание (ладно там карта подземелья или монстры, но вот кубики – это было нечто, один двадцатигранник чего стоил).

Потом уже были первые модули (так назывались отдельные приключения), потом мы перешли на 2-ю редакцию Advanced Dungeons & Dragons, начали играть модули мира Dragonlance, затем – другие прекрасные самописные (и не только) модули (кстати надо нарыть немного старого фольклора и вытащить на свет), художка на английском, которую в 90-е годы было очень сложно достать, книги правил, которые всеми правдами и неправдами добывались на английском – в общем Dungeons & Dragons плотно и надолго вошли в мою жизнь (и дали мне кучу друзей на многие годы).

Но, как все мы понимаем, никакие игры (хоть настольные, хоть какие) не самозарождаются из грязи – их кто-то придумывает. У истоков Dungeons & Dragons стояли два человека – Гэри Гайгэкс и Дейва Арнесон – собственно именно Арнесон придумал идею этой игры, а Гайгэкс ее развил и превратил в нормальный продукт. Поэтому, когда мне в руки попала биография Гэри Гайгэкса «Империя воображения: Гэри Гайгэкс и рождение Dungeons & Dragons» за авторством Майкла Уитвера, я не мог пройти мимо.

Книга получилась вполне достойная, рассказывающая настоящую историю «из грязи в князи и обратно» – в ней есть и про варгеймы, в которые играл Гайгэкс до D&D, и про придумывание D&D, и про грандиозный коммерческий успех этой игры, и про то, как он потерял компанию и его, собственно, выставили из созданной им TSR Inc. в 1985 году, и про его дальнейшую жизнь, навсегда связанную с настольными играми. Вклад Гэри Гайгэкса в современную культуру едва ли поддается количественной оценке, но его безусловно можно назвать выдающимся. Он просто хотел играть в игры. Он хотел, чтобы другие играли в игры и любили их так же, как он.

Так что если вы хотите узнать о жизни этого удивительного человека, стоявшего у истоков фантастического успеха настольных игр, то вы получите немало удовольствия. Единственное, что надо помнить – это то, что написана книга в 2014 году, и автор в конце поет много дифирамбов Wizards of the Coast, которые издают Dungeons & Dragons с 1997 года (хотя 4-я редакция 2008 года была крайне неудачной). Но это уже совсем другая история, к которой Гэри Гайгэкс не имел никакого отношения.

Владимир Обручев

«Breakaway, Backdown», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, June 1996)

Рассказ в формате моно/диалога, где слышим мы только реплики рассказчика, ну а реплики его собеседника более менее точно восстанавливаем из контекста. Рассказчик – женщина, которая провела в космосе полтора года, следя за микрофлорой «эдемов» – зелёных зон космической станции Victor Foxtrot. Разговор происходит на Земле, в мастерской, где собеседница ремонтирует нашей героине туфли и спрашивает о жизни в космосе. Пока идёт ремонт мы узнаём очень много – о том, что в микрогравитации не нужна обувь, о том, как легко теряются там вещи, как необходимы тренировки, как быстро уходит масса и калий, как красив вид за окнами, как набираешь радиацию и скучаешь по гравитации, но как прекрасен космос, каково потеть в космосе, каково есть в космосе, жить в космосе. Любить в космосе. И почему ты в конце концов откажешься от этого всего.

Отличный короткий рассказ, в котором всего немного больше, чем написано буквами или сказано вслух. Снова ясные яркие персонажи, особенно сама рассказчица – но не только.

Радио-версию пьесы, которую Келли написал на основе рассказа, можно послушать в его подкасте Jim Kelly's Free Reads в трёх коротких частях в исполнении Лизы Ричардсон и с предисловием от Келли. Ну и, кстати, в том же подкасте можно услышать вышеупомянутую Faith уже в исполнении самого Джима (читает он отлично).

К.А.Терина

Гротеск и абсурд в эпоху Большого террора: «Ёлка у Ивановых», Александр Введенский

Если вы, как и я, не слишком погружены в поэзию абсурда и авангарда, не можете сходу расшифровать ОБЭРИУ, то этот пост точно для вас.

Бывает, читаешь книгу, там упоминается произведение, и срочно берешься уже за него, чтобы глубже погрузиться в контекст. Так у меня и случилось: читая «Собаку Веру» Евгении Чернышовой, прервалась на пьесу «Ёлка у Ивановых» Введенского. И порядочно ох...фигела.

Давайте попробую пересказать сюжет, а вы пока не **спешите хвататься за сердце** – это НЕ ХОРРОР, а трагикомедия абсурда, в которой и Ивановых-то даже нет.

Итак, 1890-е, дело к Рождеству. Пока чета Пузыревых развлекается в театре, в их доме вовсю идет подготовка к празднику. Няньки купают многочисленное потомство, одна из девочек – Соня – испытывает на прочность нервишки няньки непристойным поведением. Нянька психует и отрубает Соне голову топором (а ведь она предупреждала!). Убийцу уводят на совершенно нелепый процесс, где в стихотворной форме почему-то судят неких Козлова и Ослова, а дома родители у гроба Сони продолжают планировать праздник. Тем временем в лесу жених няньки-убийцы, лесоруб Фёдор, валит

ель для праздника Пузыревых, ещё не подозревая, что его невеста приговорена к казни.

Наряженные дети всё же выходят к ёлке, но внезапно по очереди уведомляют родителей, что умирают, и – умирают. В итоге умирают все.

Звучит абсурдно, смешно и страшно, но реальный опыт чтения ощущается совсем не так. Важны детали и то, как все это написано. Например, обезглавленной девочке Соне 32 годика, в семье живет говорящая собака Вера (и никого это не удивляет), а смерть здесь подается не как трагедия, а буквально как реплика, будничны́й факт.

Петя Перов

. Умереть до чего хочется. Просто страсть.
Умираю. Умираю. Так, умер.

Нина Серова

. И я. Ах елка, елка. Ах елка, елка. Ах елка. Ну вот и все. Умерла.

А вот что на самом деле страшно: за всем этим абсурдным балаганом стоит жестокая реальность. **Написанная в 1938 году**, в разгар Большого террора, пьеса читается ещё и как жуткое зеркало эпохи, где люди потеряли свою человечность, сравнившись с животными, где *все равно все умрут*. Не случайно через три года репрессированный за творчество Введенский погибнет в пересыльном этапе...

Пьеса не слишком длинная, рекомендую ознакомиться – вся прелесть абсурдизма в том, что **здесь сломана логика, разрушена привычная реальность, а значит, каждый может трактовать текст на основе собственных тараканов и находить в нём бесконечное множество смыслов.**

Александра Прохорова

Критикуй меня, критикуй!
Опали мне душу контентом,
Без тебя я б стал импотентом,
Уронил бы долу строку,
А с тобой я – кукареку!
Без меня и солнце не встанет,
Я до чёрта прекрасен местами,
Критикуй меня, критикуй!

Олег Ладыженский

Джеймс Кори «Падение Левиафана»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика/космоопера
Оценка: 9/10

Завершение столь масштабного цикла накладывает на авторов огромную ответственность: подарить читателю ощущение законченной истории, не разочаровав его и не оставив чувства недосказанности. Джеймсу Кори (дуэту писателей) в финальном романе эпопеи «Пространство» удалось пройти по этой тонкой грани, создав финал, который одни читатели назвали почти идеальным, а другие – спорным.

Давайте разберемся, как авторам удалось завершить свою монументальную сагу, отдав должное сюжету, персонажам и ключевым темам, а также поговорим о том, почему их решение вызвало столь живую дискуссию.

События стартуют сразу после финала предыдущей книги «Гнев Тиамат». Лаконская Империя, тирания которой нависла над человечеством, рухнула. Ее лидер, Уинстон Дуарте, впал в кататоническое состояние после попытки подчинить себе

древнюю инопланетную технологию и стал, по сути, лишь сосудом для чужеродного сознания.

Однако теперь он очнулся. С новыми, пугающими способностями Дуарте возвращается с единственной целью: объединить все человечество в единый сверхразум. По его замыслу, этот коллективный интеллект станет ключом к выживанию в противостоянии с так называемыми «Темными Богами» – могущественными сущностями, некогда уничтожившими Строителей Колец.

Перед лицом этой угрозы и самой идеи растворения в чужеродном сознании экипажу корабля «Росинант» под командованием Джеймса Холдена предстоит совершить невозможное. Им нужно найти способ спасти человечество, пожертвовав при этом, возможно, всем, что делает их теми, кто они есть.

Основные персонажи, которых мы полюбили на протяжении девяти книг, встречают финал саги будучи изможденными, травмированными и глубоко изменившимися. Авторы не дают им передышки, проверяя их на прочность. Джеймс Холден – некогда ярый борец за свободу воли и доступ к информации. В финале он сталкивается с необходимостью принять самое важное решение в своей жизни – решение за все человечество. Наоми Нагата – инженер, которая всегда была совестью и сердцем команды. Она полностью раскрывается как лидер, вынужденная взять на себя невероятную ответственность за будущее всей расы. Амос Бартон – персонаж, чья трансформация становится одной из ключевых метафор книги. Пройдя через смерть и последующее воскрешение с помощью Протомолекулы, Амос становится чем-то большим, чем просто человеком, сохраняя при этом свою безжалостную харизму. Ну и твист в эпилоге вышел просто шикарным. Алек Камал – пилот, который

наконец получает шанс на личное счастье и возвращение к семье. Элви Окойе – ученый, оказавшаяся в эпицентре событий. Ей предстоит пойти на беспрецедентный для науки компромисс, рискуя своими моральными принципами во имя спасения человечества.

«Падение Левиафана» исследует несколько ключевых противоречий. Во-первых, цена технологического прогресса. Является ли наше стремление к звездам ошибкой, которая в итоге приведет к гибели? Использование Колец пробудило древнего врага, поставив человечество на грань исчезновения. Во-вторых, индивидуализм vs. коллективизм. Главный философский вопрос романа: ради чего стоит жертвовать своей личностью? Спасет ли человечество превращение в единый сверхразум или уничтожит саму суть того, что значит быть человеком? Это ключевое противостояние между идеями Дуарте и Холдена. В-третьих, лидерство и ответственность. Как сделать правильный выбор, когда любое решение ведет к жертвам? Герои сталкиваются с ситуациями, где нет «меньшего из зол», а есть лишь необходимость выбирать и жить с последствиями этого выбора.

Финальная часть книги и её эпилог – это отдельный разговор. Решение, принятое Холденом, логически вытекает из всей его предыдущей истории и заставляет взглянуть на космос «Пространства» совершенно по-новому. Именно за эту финальную точку книгу больше всего хвалят и ругают. Лично я считаю, что финал получился глубоким и, что важнее для культовой серии, уважительным по отношению к тем героям, с которыми мы прошли этот долгий путь.

Дуэт Абрахама и Фрэнка остается верен своему фирменному стилю от начала цикла до его финала. Они используют множество точек зрения, чтобы

передать масштаб событий и одновременно сохранить фокус на внутренних переживаниях героев.

Итог: «Падение Левиафана» – это достойный финал, который ставит во главу угла не космические баталии, а судьбы небольшой команды людей. Авторы не побоялись разочаровать тех, кто ждал хеппи-энда, и предложили вместо этого глубокий, философский и очень человечный ответ на вопрос: какова цена выживания? В конце концов, как сказал один из героев, «звезды все еще там, и мы найдем свой путь обратно к ним». Эта фраза как нельзя лучше отражает суть финала: он закрывает одну дверь, но оставляет приоткрытой другую, полную надежды.

Алексей Севериан

Мой Пелевин – это рассказы из древнего номера «Химия и жизнь», найденного у родственников на даче под Николаевым году эдак в 1993-м, мягкий потрепанный сборник без обложки «Синий фонарь», «Водонапорная башня» сплошным текстом где-то в раннем интернете, кажется, на фанатском ресурсе, «Принц Госплана», прочитанный, как ни странно, уже лет в 25 (а надо бы давать его всем в 15 или того раньше, потому что я искренне считаю его отличным подростковым романом), и первое, что ли, издание «Омон Ра», то, которое с обложкой Антонова, автора обложки к «Сто лет одиночества».

NB Особенно Башня и Омон Ра. Первая разбила сердце и пересобрала его, запустив уже с новым каким-то ритмом. Это единственное, кусающее себя за хвост предложение не стало для меня идеальным рассказом, даже лучшим не стало, когда я начала в этом немного разбираться, но впечатление оказало мощное. Второй отчасти помог пережить полтора курса в педи. Хорошо, что ступни нам

не ампутировали, но общего было немало: те же иллюзии и бутафорская луна в подполе.

Итак, первый Пелевин. Я была уже достаточно подготовлена космологиями Маркеса и Желязны, чтобы перейти на отечественного производителя. Не самая очевидная параллель, для кого-то, возможно, оскорбительная даже. Но тогда тексты Пелевина показались настоящим колдунством. Все взрослые рассказы Булычева и Стругацкие, до которых можно было дотянуться в конце 1990-х – начале 2000-х в полузакрытом военном городе, уже были прочитаны. А Пелевин, поступавший с задержкой, был моложе, злее, не знал рамок и, кажется, уже тогда знал толк в мифотворчестве. Он больше подходил вялому подростковому бунту на мой интровертно-текстуальный лад. Может, поэтому все последующие вещи, погружающие читателя в дискурс и гламур, меня цепляли все меньше – я выросла, а он как будто нет.

Его веселые и абсурдные идеи, (тогда еще) пассивная агрессия на грани искусства и при этом безупречная в моменте, завораживающая стилистика (не такая изысканная, как у Сорокина, он в моей жизни будет позже), во многом повлияли на то, как я иногда пишу, думаю и транслирую обдуманное в пространство. Я открываю старые рассказы и мне снова 14-15-16-...-сколько-то там, я очень молоденькая и глупая амбициозная. И если бы не Пелевин, сэнсэй-насмешник, к моим 18-ти уже три года как запустивший в Пустоту больничной палатой, я бы наворотила дел и действительно бы пыталась спасти этот мир. А так – так я его просто наблюдала, посмеиваясь, и не верила глазам своим.

Пелевин нынешний меня скорее огорчает, как потерявший берега пожилой родственник, которого давно уже не может любить и все чаще задаться вопросом, надо ли понимать. Как будто

...уже не имеет никакого значения ни то, как именно он упадет на пол, ни то, что последним увиденным им на свете предметом окажется водонапорная башня.

Анастасия Шевченко

Если прочитать подряд много Саймака (да, меня всосало, и я очень быстро читаю, примерно два романа/три повести в день, в смысле, за кусок ночи + кусок утра) – так вот, становится ясно, что он слишком много видел, знал, ощущал, уж не знаю, какой глагол тут уместен. Такого странного, нечеловеческого, какое не позволял нормально рассказать его словарный запас, актуальный контекст, вся культурная парадигма, в рамках которой он существовал.

Поэтому Саймак так неровен, поэтому он так раздражающе многословен в своих худших (в каком-то смысле всё-таки лучших) скучных, невнятных текстах. Говоря языком его же «Планеты Шекспира», Саймак явно регулярно переживал божий час.

Макс Фрай

«Кровь древних королей» в печатном виде перечитана.

Книга затягивает постепенно, но верно, а потом уже не отпускает. Сначала ты просто исследуешь интересный мир, а затем ловишь себя на мысли, что тебе действительно важно, что будет с героями и чем всё это закончится.

Отдельно отлично работает сам сеттинг: империя, построенная на мрачной, но при этом оригинальной системе магии. И на этом фоне – истории людей, которые по-разному пытаются вырваться из этой системы. Что особенно радует – герои ощущаются живыми: у каждого своя мотивация, и их

линии аккуратно переплетаются, не разваливаясь по дороге.

И ещё приятный момент – это начало уже завершённой трилогии, так что в цикл можно заходить спокойно. Все части планируются к изданию, а вторая уже в процессе перевода.

Если любите эпическое фэнтези с необычным миром и ощущением надвигающихся перемен – велика вероятность, что втянетесь и захотите продолжения.

Тимур Ошеров

О позитивном образе: запишу для себя, чтобы не забыть.

Помнится, лет 15-20 назад на каком-то конвен-те дежурно дискутировали о «позитивном образе» в современной фантастике, почему его нет и что надо сделать, чтоб был. В общем, все как всегда, жевали мякину, тоска смертная. Но кто-то – не я! – в процессе этой дискуссии сказал одну умную вещь. Ребята, этот позитивный образ – он же в ромфанте, даже скорее ромфэнтези! Бароны, драконы, магические академии, приключения и путешествия, красавчики из реверс-гарема вокруг главной героини вьются, как комары вокруг лампы накаливания! Вот он – мир, в котором хочется жить, точно по Стругацким. Да, небывальщина. Но чтобы вывести какое-то прямо духоподъемно-оптимистическое из того, что мы прямо сейчас наблюдаем из окна, надо быть или идиотом, или жуликом. Так что ромфант – наше все.

Идея, повторяю, не моя, но надо будет вернуться к этой мысли, покрутить так и этак.

Василий Владимирский

20 мая:

Константин Зарубин, автор «Повестей л-ских писателей», сообщает в своем ФБ, что дописал новый, фантастический роман:

26 апреля, прямо в день рожденья, я дописал роман. Называется «Юлька против космоса». Жанр: грустная утопия. Сюжет: Юлька Веремчук с Третьей шахты спасает нашу цивилизацию. Честное слово: не планировал, что допишу в день рожденья. Планировал на четыре месяца раньше. Но так получилось.

Пока «Юльку против космоса» пристраивают в Издательство, которое издаст её для всех,

я заказал в хорошей шведской типографии маленький тираж для наиболее драгоценных читательниц и читателей моего людлита (т. е. худ. лит-ры, написанной людьми). Надеюсь, к лету этот тиражик будет готов.

«Юлька против космоса» – отдельно стоящее дерево, а standalone novel. Но вселенная в ней та же, что в «Повестях л-ских писателей» и «Шла по берегу подёнка». По крайней мере, у меня в голове это всё одна вселенная.

(Мне как человеку, который никогда не будет писать ничего с помощью ИИ, нравится термин «людлит».)

В качестве саундтрека Зарубин предлагает список всего, но особенно – симфонию “Месопотамия” турецкого композитора Фазыла Сая.

Николай Караев

Turning to short-form SFT, I've counted 618 stories published in magazines (print and online), though I'm sure I've missed some. Here, we see that Russian author K. A. Teryna comes in first in terms of number of stories published in English, translated by Alex Shvartsman (12).

Рейчел Кордаско к десятилетию своего сайта The SF in Translation подбила статистику за эти самые десять лет – и я по недосмотру гомеостатического мироздания в чём-то стала чемпионом!

К.А.Терина

ПРАВДА ХОРОШО, А ФАНТАСТИКА ЛУЧШЕ

Эх, раз пошла такая пьянка – режь последний ананас!!!

Сегодня День Пионерии; в прошлом посте я, закоренелый любитель фантастики, помянул добром советские детские журналы «Пионер» и «Костер», в которых печатались фантастические рассказы. Но ведь была же еще и газета «Пионерская правда»!

Которую заставляли выписывать тем семьям, в которых были школьники, а таких семей в Союзе, как вы понимаете, было много.

Получали «Пионерку» и мы – почтальон принес, в ящик бросал. К этой газете я относился с прохладцей: 90 процентов ее площади занимали статьи, мне совершенно неинтересные. Однако имелся и существенный плюс, плюстик: в «Пионерской правде» публиковали фантастику!

Причем чуть ли не с самого ее основания. Помнится, известный писатель и педагог Владислав Крапивин рассказывал, как еще до Великой Отечественной войны в «Пионерке» печатали с продолжением фантастический роман Александра Беляева «Человек-амфибия». Известный писатель и переводчик Аркадий Стругацкий вспоминал, как в газете с продолжением печатали фантастический роман Александра Казанцева «Пылающий остров». Еще кто-то мне рассказывал, как читал в «Пионерской правде» отрывки из фантастического романа Ивана Ефремова «Туманность Андромеды»...

Лично же я застал в 1974 году (когда мне было 14) фантастическую повесть Александра Ломма «Дрион» покидает Землю». Она тоже публиковалась с продолжением в нескольких номерах и вызвала у нас, бакинских школяров, живой интерес. Во-первых, из-за очень модной тогда темы пришельцев из Космоса; во-вторых, потому что пришельцем была красивая женщина; в-третьих, повесть была полна не только фантастики, но и приключений: звездный корабль с инопланетянкой сел в Средней Азии в начале 30-х годов, и на него наткнулась как экспедиция советских геологов, так и отряды басмачей; наконец, в повести затрагивался интересный вопрос: возможно ли с помощью химических средств подавить природную агрессию человека и искусственно сделать его добрым? (с этой целью

инопланетянка применила особый газ, называемый «гуолла»).

Хотел бы отметить еще и бесподобные графические иллюстрации художника Игоря Блюха; они придавали повести какой-то «заграничный», что ли, вид (позднее я еще не раз встречу графику Блюха в разных детективных и фантастических книгах)

Кстати, ранее, в 1965 году, Александр Ломм уже печатался в «Пионерке» – нашумевшая фантастическая повесть «Ночной Орел»... Но я тогда был мал, я был дитя, и «Орла» прочитал позднее, книгой.

Еще я припоминаю в «Пионерке» вещи Кира Булычева – «Звездолет в лесу» и «Два билета в Индию»...

Да, меня, как и многих школьников на просторах СССР, «Пионерская правда» привлекала исключительно фантастикой! Слегка перефразируя Островского – «Правда хорошо, а фантастика лучше»...

И да, было в «Пионерке» еще кое-что, связанное с фантастикой... но это уже совсем другая история, как говаривал герой Стругацких...

Александр Хакимов

Очень странная местность

Посмотрел первые серии «Радара» по мотивам повести Александра Мирера «Главный полдень», спешу поделиться.

Так вот, по мотивам – это ключевое. Сохранена часть событий про инопланетное вторжение, некоторые типажи, но в деталях всё сильно поменяли.

Провинциальный городок становится целью пришельцев, так как рядом в лесу находится огромный радар. Однако планы захватчиков срывают бдительные советские школьники. Вроде бы тут всё по книжке, но отличий слишком много.

Начать стоит с того, как поменялось время действия. В книге события разворачиваются примерно в начале 60-х, в сериале – в самом конце 80-х. Это

тянет за собой и другие изменения, в том числе связанные с персонажами.

Например, вроде бы и там и там есть гитарист. Однако в книге Федя, провожающий девушку «с громом, с гитарой», так чтобы все расступались, какой-то негативной реакции общественности как будто не вызывает – просто вот такой вот удалой, но безобидный парень, «утро, вечер – ему все нипочем».

В сериале вместо него рокер – представитель субкультуры, вступавшей в противоборство с официальной культурой перестроечной эпохи. Он без разрешения устраивает концерты, перепевает «Красное на чёрном» и песню про американский «Фантом», что теряет высоту, мутит мутки с уголовниками и вообще спорит с мамой.

То же самое про ребят, что забили тревогу. Теперь их трое, с ярко выраженными характерами. И играть в разведчиков при стрелковом клубе им неинтересно. У одного голова забита фантастическими книжками (когда он не мечтает о девушке брата). Другой подглядывает за соседкой и прячется от донимающих его старшеклассников. А третий, сын требовательного и жестокого офицера, страдает от насилия дома.

Семьи у ребят разные, у кого-то позажиточнее, кто-то живёт поскромнее, и на этом в сериале тоже делается акцент, о чём, полагаю, не могло быть и речи в книге Мирера.

К слову, есть и свой Сурен Давидович. Но теперь это преподаватель/школьный сторож, ветеран Афганской войны с глухотой и заиканием, которому добавили и любовную линию, и брутальный махач, и даже хоррор-сцену.

Много новых второстепенных историй, например, о втягивании рокера Жеки в криминальные дела с бандитом Капитоном или о сложных отношениях Вики, девушки Жеки, с властной матерью.

К слову, доверия между подростками и взрослыми куда меньше. В книге этот момент поражает больше всего: ребятам практически сразу верят, а в сериале, чтобы убедить старшего товарища, пришлось показать экшн-хоррор про учительницу и ночного сторожа.

«Радар» как будто рассчитан на более взрослую аудиторию. Здесь не стесняются показать кровь и натуралистичную жестокость, есть поножовщина и перестрелки. Однако, на мой вкус, в чернуху не уходят.

Элегантное перемещение сознаний пришельцев с помощью так называемых посредников в сериале (полагаю, исключительно ради зрелищности) изменили, теперь в рот к человеку лезет НЭХ, всё доступно и понятно. Кроме того, захваченные люди получают какие-то сверхсилы, просто так их не пришибёшь.

Создатели «Радара» явно смотрели «Очень странные дела». Отсюда, полагаю, и рост числа действующих лиц с запутанными отношениями, и больший акцент на раскрытии характеров детей через отношения со взрослыми, и явная попытка сыграть на ностальгии по ушедшей эпохе (правда, коллеги постарше, кто тоже смотрит, указывают на некоторые неточности). Смотрели, да старались сделать по-своему. Особенно это касается атмосферы и атрибутики.

А вот вторую повесть дилогии, «Дом скитальцев», вряд ли экранизируют. Разве что сцены на Земле, описывающие ситуацию в Тугарине. Уж проще выкупить права на повесть «Правила игры без правил» Эдуарда Геворкяна и как-то адаптировать её.

Впереди ещё несколько серий. Как экранизация книжки Мирера – всё совсем не так и не то, другая атмосфера, другой мир, другие персонажи и проч.

«Радар» как отдельное произведение – очень даже любопытная штука. Снято хорошо, актёры молодцы, история закрученная и крепко удерживает внимание. Пока – достойная пионерская готика, если угодно. Разве что сравнения с хитом Netflix неизбежны. Смотрим-с дальше.

Павел Сидоров

В советской и ранней постсоветской фантастике **Роджер Желязны** оставил след глубокий, почти неизгладимый. В Ленинграде любительские переводы его романов ходили по рукам задолго до официальной публикации – в итоге **Ольга Ларионова** использовала позаимствованные у Желязны образы в «Звездочке-во-Лбу», она же «Чакра Кентавра» (1988), **Святослав Логинов** вдохновлялся его текстами, когда писал «Стража Перевала» (1988), **Николай Ютанов** – «Оборотня» (1990), а **Леонид Резник** так и вовсе открыто подражал в повести «Вариант варианту» (1989), позднее положенной в основу романа «Дом в центре». И не в одном лишь Ленинграде, конечно: скажем, у **Олди** в цикле «Бездна голодных глаз», который был начат в 1991 году, влияние американского классика очевидно. И это только удачные тексты, запоминающиеся – так-то «под Желязны» в те годы работали десятки начинающих фантастов. Но удивительным образом почти все они подражали не «Князю Света», не «Этому бессмертному» или «Созданиям света, созданиям тьмы», а «Хроникам Эмбера». Закончил перечитывать первую пентологию амбарных книг – и, кажется, теперь понимаю, почему так получилось.

Недавно во время записи МирФовского подкаста о Желязны коллега **Николай Караев** сказал очень уместное слово: «импровизация». Правда, речь шла о творчестве Желязны в целом, но к «Эмберу» это определение особенно хорошо подходит.

Импровизация и есть: такое, знаете, слегка расслабленное исполнение мелодии, без четких композиционных рамок и границ, без обязательств и жестких требований. Здесь распишу три абзаца на две главы, потому что попёрло, а здесь ограничусь одной куцей репликой; тут вставлю то, что забыл сказать в предыдущем романе; здесь перескажу «содержание предыдущих серий», а тут – не буду... Само собой, Желязны, специалист по елизаветинской и якобианской драме, во всяких композиционных штуках разбирался получше нашего, мог вернуться к черновику, убрать лишнее, добавить недостающее, отрихтовать и отполировать тряпчочкой – как нефиг делать. При желании он из очень неоднородного материала умел конфетку слепить, см. те же «Создания света». Но в «Эмбере» – почему-то не захотел. И тем самым, мне кажется, ввел в заблуждение многие слабые умы. Типа: Желязны импровизирует, и вона как у него получается! Поимпровизирую и я. Но нет – одно дело импровизация Луи Армстронга, и совсем другое – импровизация первокурсника Гнесинки. Форма одна, наполнение – несопоставимое. Сначала, пожалуй, все-таки стоит гаммы подучить. А в большинстве случаев – гаммами и ограничиться.

Василий Владимировский

Сорок шесть лет назад, 19 мая 1980 года в СССР в широкий прокат вышел художественный фильм Андрея Тарковского «Сталкер»

Я много писал, в том числе и здесь, на ФБ... нет, не о самом фильме, а о своем отношении к нему. Вот уже сорок шесть лет я испытываю форменный душевный раздрай: я одновременно и люблю этот фильм, и терпеть его не могу.

Повторять тут свою мотивацию подобного раздрая не намерен; отмечу лишь, что я был бы о филь-

ме «Сталкер» самого высокого мнения, если б в природе не существовало фантастической повести братьев Стругацких «Пикник на обочине», по мотивам которой якобы снят фильм. И, да, еще раз повторю свою твердую убежденность в том, что «Сталкер» – вовсе не фантастический фильм, ибо в нем, на мой взгляд, вообще нет никакой фантастики. Хотя сама по себе история неплоха: полновесная притча. Не отнимешь. Но...

...но я все чаще и чаще ловлю себя на мысли, что Тарковский случайно ли, преднамеренно ли, совершил преступление.

Поясню.

Мне доводится общаться с продвинутой молодежью, которая интересуется искусством и конкретно фантастикой. И когда я рекомендую этим парням и девушкам прочитать «Пикник на обочине», они, как правило, пожимают плечами и говорят: «А зачем? Мы же «Сталкер» видели».

Вот это-то и плохо. Повторяю, сам по себе фильм неплох, притча о походе в некую Зону за Чудом трех человек, их мотивация и неожиданная развязка и пр., но мне приходится прилагать массу усилий и тратить массу слов, объясняя, что книга и фильм – «не два сапога в паре», как говорится. И пусть вы, ребята, прониклись образами Сталкера, его Жены и дочери, Писателя, Профессора...

...но, не читая повести, вы не узнаете, как выглядел городок Хармонт, на который свалилось из Космоса загадочное Посещение, породившее Зону с ее артефактами и ловушками, и каким был сталкер Рэдрик Шухарт, вовсе не проводником, а контрабандистом, выносящим из Зоны инопланетные штуковины и продающим их скупщику, и не проследите его жизнь и жизнь его семьи в течение десятилетий... и мимо вас пройдут такие яркие образы, как Стервятник Барбридж, Ричард Нунан, Гута,

жена, Марта, дочь, постепенно превращающаяся из человека в животное, и отец Рэдрика, восставшая из могилы и вернувшаяся домой зомби-мумия... и не узнаете вы, что главным и вождленным артефактом Зоны является Золотой Шар, выполняющий желания, но обложенный смертоносными ловушками... и не узнаете вы, кто такой был Арчи, Артур, в последние секунды свои выкрикнувший Золотому Шару свое желание: «Счастья, для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным!» И так и не узнаете вы, кем были бармен Эрнест, Дина, Креон Мальтийский, Гуталин, Тендер и Суслик... и кем был Кирилл Панов, ученый из России, то есть из Советского Союза... И что вообще-то «Пикник на обочине» – это не о поиске себя и не о походе за чудом, а о Контакте с внеземной цивилизацией, Контакте, к которому человечество оказалось решительно не готово...

Жаль. Очень и очень жаль, если все это пройдет мимо вас... потому что вы смотрели фильм и думаете, что это и есть подлинная история сталкера...

Тем более, что во многих книжных изданиях «Пикника...» художники помещают на обложке лицо Сталкера-Кайдановского, что лишний раз убеждает непосвященных в тождественности фильма и книги... А многие из молодых и вовсе уверены, что Зона в фильме – это предсказанный Чернобыль...

Опять же повторю: сценарий фильма «Сталкер» писали сами Стругацкие, и, сколько бы ни вынуждал их режиссер переделывать и переделывать сценарий – полностью «выпарить» Стругацких из фильма не удалось... Чувствуется их неуловимое присутствие. И актеры сыграли блестяще, и оператор сработал на все сто, и музыка Артемьева пробирает до самых печенок, но... для меня это не то. Все это не то. Львиная доля заложенного в книге

потенциала усвистала в воздух. И я не жалею сил, убеждая молодежь и фильм посмотреть, и повесть прочесть, а потом суммировать в умах и душах и то, и другое.

Иногда убедить получается.

Возможно, я погорячился, приписав Тарковскому преступление. Но, надеюсь, что вы поняли меня правильно.

И не надо мне очередной раз втолковывать, что фильм не обязан быть строгой экранизацией литературного произведения и вообще экранизацией. Я ведь не об этом.

Александр Хакимов

21 мая:

«Сумеречный бестиарий» – графическое произведение известной французской художницы-комиксиста Дарьи Шмитт, созданное под впечатлением от творчества Говарда Филлипса Лавкрафта.

Классик комикса Филипп Дрюйе, большой ценитель американского мастера хоррора, в предисловии с восторгом уверяет, что сам Лавкрафт «шептал художнице на ухо», и что она смогла разгадать «загадку Лавкрафта». Действительно, я увидел в этом комиксе лавкрафтианскую атмосферу. Но это немного другой Лавкрафт, не мрачный автор наполненных неопишным ужасом хрестоматийных мифов Ктулху. А более романтичный, тревожный Лавкрафт «Сновидческого цикла». В главном герое мы сразу узнаём Лавкрафта, хотя зовут его тут Провиденс (фраза «Я – Провиденс» выбита на надгробии писателя) и он работает смотрителем странного сада в нашем времени. Провиденса всюду сопровождает говорящий кот Мальдорор. Напомню, что Мальдорор – имя циничного демона-мизантропа из поэмы Лотреамона, умеющий превращаться

в спрута, что немаловажно в свете лавкрафтианского мифа. Конечно, в саду скрываются таинственные тёмные силы, но в целом история ближе к абсурду «Алисы в Стране Чудес», чем к хоррору. Саркастичный Мальдорор чем-то напоминает Чепширского кота, а директриса парка – Червонную Королеву. В графическое произведение даже вошёл (в тестовой форме) один из рассказов Лавкрафта, отражающий как раз его романтическую сторону. Я оценил «Бестиарий» достаточно высоко, но в основном – за прекрасную графику, чёрно-белую с цветными элементами, обозначающими сверхъестественное. История начинается интересно, но затем становится заметно, что абсурдистский сюжет довольно сумбурен, ему не хватает конфликта, хотя в истории

немало иронии, и содержится любопытные намёки, что Лавкрафт стал Лавкрафтом, когда переместился в прошлое.

Вертер де Гёте

Очередная пятиминутка совершенно бесполезной для вас информации.

1. Пришла реклама книги, судя по всему фентэзи. Первая же строчка аннотации завораживает: «Иара Рут – обычная учительница из трущоб Васильевского острова».

2. 25 ноября 1971 Лакшин записывает в дневнике: «С мамой были на “Гамлете” в театре Любимова. Странно, при такой условности и простоте приемов – мысль Шекспира слышна лучше. Даже с Высоцким Гамлетом можно помириться – и начинаешь в него верить. Пышная декорированная постановка “Гамлета” стала невозможной.

А что делалось у театра – толпы рвались во все двери, удерживала их милиция, кто-то упал без чувств, стекло выдавили, словом, жарко было.

Говорил с Любимовым после спектакля по телефону. Советовал ему перечитать “Пучину” и “Бальзаминова”. Вот был бы фокус, если бы театр на Таганке попробовал сыграть Островского по-своему!»

3. Этот пункт я добавил для ровного счёта, потому что около ямы три хвоя вялы; на хвой стану, хвой достану.

Владимир Березин

Ещё об Саймака. Бедное дитя своего времени, он автоматически ставит к плите всех женщин. Будь она равноправной коллегой героя, знатной дамой, ведьмой, гостьей из далёкого будущего, готовить жарочку будет она.

И лишь в «Космических инженерах» героиня ничего не готовит. А только заказывает еду

(переговоры о меню для землян ведут именно с ней; правда, по техническим причинам: её мозг более развит и подходит для сеансов телепатической связи на расстоянии). Сопровождающие мужики остаются довольны выбором дамы. И все её хвалят. Но она хотя бы не пахала сама!

И наконец становится ясно, как, по мнению беспрельдно прогрессивного (тут без тени иронии, Саймак – да) американца середины двадцатого века баба может получить отвод от кухонной плиты. Надо сначала родиться гением, сделать ряд важных изобретений, потом пожертвовать собой, чтобы спасти мир, потом провести тысячу лет в анабиозе с не заснувшим мозгом, чтобы непрерывно его тренировать и развивать. И вот тогда наконец можно не кашеварить. Так и быть! Можно просто сделать заказ.

Макс Фрай

Джордж Р. Р. Мартин «Игра престолов»

Жанр: Эпическое фэнтези

Оценка: 10/10

Дебютный роман эпической саги Джорджа Р. Р. Мартина, увидевший свет в 1996 году, стал настоящим потрясением для жанра фэнтези. Сам автор, прежде известный в основном как новеллист, неожиданно для многих создал масштабное полотно, которое перевернуло устоявшиеся каноны, доказав, что фэнтези может быть не просто историей о противостоянии добра и зла, но и жесткой, многогранной и реалистичной драмой. Давайте разберем, в чем заключается феномен этой книги, породившей культовый сериал и глобальную армию поклонников.

«Тот, кто играет в престолы, либо погибает, либо побеждает. Середины не бывает» – эта фраза, произнесенная Серсеей Ланнистер, становится лейт-

мотивом всего романа. Действие разворачивается в мире Вестероса, напоминающем средневековую Европу. Король Роберт Баратеон просит своего старого друга, благородного лорда Эддарда Старка, стать его Десницей (вторым человеком после короля). Старк соглашается и переезжает с детьми в столицу, Королевскую Гавань, где тут же попадает в паутину интриг, заговоров и предательств, грозящих поглотить все Семь Королевств.

Сюжетная структура книги – одна из главных инноваций Мартина. Повествование ведется от лица восьми персонажей, каждый из которых получает свои POV (point of view) главы. Такой подход позволяет увидеть мир с разных перспектив. Они представляют собой три стороны зарождающегося конфликта: Дом Старков (Эддард, его жена Кейтилин, их дети Санса, Арья и Бран, а также бастард Джон Сноу), Дом Ланнистеров (хитроумный карлик Тирион) и Дом Таргариенов (изгнанная принцесса Дейенерис). Подобная мозаичная структура позволяет автору показывать последствия одних и тех же событий с разных углов, создавая невероятно объемную и захватывающую картину.

Мартин совершил настоящую революцию в изображении персонажей. В «Игре престолов» нет абсолютного добра и зла. Каждый герой многогранен, имеет свои достоинства и недостатки, мотивы и слабости. Эддард Старк – квинтэссенция чести и долга. В мире интриг, где ложь является оружием, его непоколебимая порядочность становится трагическим изъяном, ведущим к фатальным ошибкам. Его судьба с самого начала кажется предрешенной. Тирион Ланнистер – «белая ворона» в своей семье. Острый ум, цинизм и чувство юмора скрывают его внутреннюю боль из-за своего положения изгоя, что делает его одним из самых моих любимых персонажей. Дейенерис Таргариен проходит путь от робкой девочки, которую выдали замуж за вождя кочевников, до сильной и уверенной в себе Кхалиси. Ее арка – это захватывающая история обретения внутренней силы. Дети Старков: Арья, не желающая быть леди, Бран, потерявший способность ходить, но не сломленный, и Санса, чьи наивные мечты разбиваются о жестокую реальность, – все они проходят через горнило суровых испытаний, заставляя сопереживать им. Автор не дает читателю расслабиться, постоянно напоминая, что никто не находится в безопасности. Смерть может наступить любого персонажа, даже самого, казалось бы, центрального, что держит в постоянном напряжении до последней страницы.

Хотя в книге присутствуют драконы и магия, в первую очередь «Игра престолов» – это политический и психологический триллер в фэнтезийных декорациях. Мартин поднимает глубокие и взрослые темы. Во-первых, природа власти. Это центральный вопрос всей саги. Что такое власть? Как ее получить и, главное, как удержать? Роман безжалостно препарировывает механизмы политической борьбы. Во-вторых, честь против реализма.

Конфликт между благородством и выживанием – главная трагедия Эддарда Старка. Книга задает непростой вопрос: может ли честный человек победить в мире тотального цинизма? В-третьих, последствия выбора. У каждого действия есть цена, и часто она бывает неожиданной и трагической. В-четвертых, порочный круг мести. Кровная месть, как ржавчина, разъедает судьбы героев, запуская бесконечный цикл насилия. И, в-пятых, сломанные судьбы. Мир Вестероса жесток ко всем, но особенно уязвимы в нем те, кто не соответствует ожиданиям общества: бастарды, калеки, женщины, карлики. История каждого из них – это преодоление множества испытаний.

Сам Мартин называет себя «садовником», а не «архитектором»: он высаживает семена идей, позволяя сюжету и персонажам развиваться органично, что и придает повествованию его непредсказуемость.

Язык романа прост и кинематографичен, что делает чтение легким, несмотря на внушительный объем (почти 800 страниц). Мартин создает невероятно живой и осязаемый мир, уделяя огромное внимание деталям – от описания блюд на пиру до фамильных гербов.

Особого упоминания заслуживает подход автора к фэнтезийным элементам. Магия здесь существует на периферии, как легенда, в которую уже почти никто не верит. Она врывается в повествование постепенно, шокируя не только читателя, но и самих персонажей. Это придает миру реалистичности и мрачного очарования.

На мой скромный взгляд, книга значительно глубже и многограннее своей знаменитой экранизации. Телесериал часто воспринимается как «фестиваль секса и насилия», в то время как книга фокусируется на политических и эмоциональных

интригах, позволяя в буквальном смысле залезть в голову персонажам и понять их мотивы.

Итог: «Игра престолов» – это книга, которая навсегда изменила фэнтези-литературу. Она не для слабонервных и не для тех, кто ищет легкого чтения. Это мрачная, жестокая и удивительно реалистичная сага о власти, предательстве и человеческой природе, которая затягивает в повествование. Если вы готовы к путешествию в мир, где ставки высоки как никогда, а судьба полюбившихся героев может оборваться в любой момент, – добро пожаловать в Вестерос. Вы не сможете остаться равнодушным.

Алексей Севериан

Вчера у меня был день **Веркина**. Сначала знакомился с проектом по «**Сороке на виселице**» в библиотечно-культурном центре «**Нота**» (очень круто придумано и еще круче реализовано, но, блин, у черта на куличиках, почти два часа туда добирался из дома), потом слушал самого Эдуарда Николаевича, делившегося соцветиями космической

мудрости в магазине «**Во весь голос**». Инсайдерская информация: черновик второго романа, действие которого разворачивается в том же мире, что и в «Сороке», уже написан, следующие полгода лауреат «**Большой книги**» планирует его дорабатывать и доводить до ума. А там и в печать. Еще два романа-продолжения может будут, может нет, но сюжеты вроде бы придуманы, так что держим кулаки.

Фоточки, увы, не все получились, а которые получились, те по техническим причинам не выходит опубликовать. Ограничусь одним мутным расплывчатым селфи. На двоих этим пожилым мужчинам с историческим образованием, кстати, больше 100 лет: оба 1975 г.р., разница в несколько месяцев. Такой распределенный дедушка-удав.

Василий Владимировский

Хорошо помню, как в 90-х муссировалась тема НЛО. Тогда ещё не было навороченных «фотошопов», доступных каждому программ для видеомонтажа и нейросетей. Поверить в то, что гуманоиды, йети и лох-несские чудовища периодически появляются то тут, то там, было куда проще. Особенно ребёнку или подростку.

Конспирологию подогревали не только псевдонаучные статьи, но и «показания очевидцев», фотографии летающих тарелок и, конечно же, фильмы и сериалы. Именно тогда триумфально прошли по миру первые сезоны «**Секретных материалов**». На фоне такого инфопотока любой странный огонёк в небе воспринимался как предвестник скорого инопланетного вторжения.

Потом всем это наскучило. Многочисленные исследователи аномального и очевидцы НЛО пере-квалифицировались в экспертов по другим темам.

И вот спустя двадцать с лишним лет всё это снова возвращается.

Снова обсуждают рассекречивание файлов, появляются бывшие сотрудники спецслужб, звучат рассказы о контактах с нечеловеческим разумом. Понятно, что никаких тарелок и маленьких серых человечков в официальных материалах не будет. В лучшем случае – очередные размытые огоньки и чёрные точки в небе. Но интересующийся может начать искать подробности и наткнуться на информацию от более «осведомлённых» лиц.

В 2025 году вышел фильм *The Age of Disclosure* («Эпоха раскрытия информации»), где бывшие сотрудники оборонных структур рассказывают о секретных программах изучения НЛО. А затем физик Хэл Путхофф – бывший исследователь, работавший в проектах, связанных с Пентагоном и ЦРУ, приходит в подкаст Стивена Бартлетта *The Diary of a CEO* и делает заявление в стиле «один знающий друг рассказал».

Он почти пересказывает сюжет старенькой *X-COM: UFO Defense* или более новой *Xenonauts 2*. По его словам, на Землю высаживались как минимум четыре вида инопланетян:

серые – классические гуманоиды из фильмов и конспирологии;

нордики – высокие голубоглазые гуманоиды «нордического типа»;

рептилоиды – тут пояснения не требуются;

инсектоиды – богомолородные твари.

Причём, как утверждается, из разбившихся кораблей даже извлекли некие «биологические материалы», которые теперь изучают.

Что особенно прекрасно – все они прямоходящие, гуманоидные и подозрительно похожи на людей.

Кто там возмущался тем, что Рокки в «Проекте «Аве Мария»» слишком земной и человеческий? Это фантастическое произведение. Автор не скрывает, что это вымысел, пусть и написанный учёным. А тут почти официальное лицо на полном серьёзе уверяет, что к нам прилетали как минимум четыре вида инопланетян – и все выглядят как персонажи ретрофантастики.

Напомню, что в июне выходит фильм Стивена Спилберга «*Disclosure Day*» («День разоблачения»). Что это? Совпадение. Только и всего.

Или же фильм является частью чего-то большего и мифология массовой культуры снова начинает притворяться реальностью? Вот так одна конспирология начинает подпитывать другую.

Продолжаем наблюдение.

RocketMan

С изумлением узнала, что цикл «Мицелий» Кадлечковой про Насекомого Бога в космосе вырос из фэнтези/космооперного цикла про Фомальхиву

(планета, откуда в «Мицелии» прибыл телепат Аш~шад). Вся тема с аргентитом оттуда.

Первые два тома трилогии получили премию Карела Чапека в далеком 1992 и 1993 году. Это общая фантастическая фандомная премия в Чехии (sci-fi, фэнтези, хоррор), выдающаяся лучшим фантастам. «Карьера» фантаста в Чехии обычно выглядела так: фэндом → премия Чапека → журналы/антологии → крупные романы. Выходит, в 1990-1994 она бахнула трилогию про Фомальхиву, потом выпустила пару фэнтези-новелл – и только в 2013 смогла опубликовать «Мицелий» (2013 – 2016, затем спустя пять лет – оставшиеся три книги).

Получается, Кадлечкова практически всю жизнь пишет этот цикл и не распыляется. Не уверена, что хочу читать раннюю фэнтези-трилогию про Фомальхиву про других героев (последние слова приключенца), но сам факт.

Жанна Пояркова

22 мая:

Цветок-оборотень: старая китайская проза о необычайном / Пер. с кит. И.А. Алимова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2026. 496 с.

Аннотация: Старая китайская проза изобилует рассказами о необычайном. В собраниях китайских книжников постоянно встречаются удивительные истории, переданные со слов очевидцев или участников. Рассказывают о том, как небо карает за убийство чудесных созданий и умерщвление иных живых существ. Судачат о благовещих знамениях и их причинах. Говорят о душах умерших, что возвращаются с того света, чтобы покарать обидчиков.

Описывают поразительные случаи воскресения усопших, побывавших в загробном мире и возвра-

щенных к жизни, потому что срок их жизни еще не истек, – подробные повествования о посмертном воздаянии должны внушить живым страх перед неблагоприятными или греховными поступками. Там и сям толкуют об оборотнях: то лисы, превратившиеся в прекрасных дев, морочат людей, то старое дерево, прикинувшееся ученым книжником, вступает с людьми в умные беседы, то устраивает в доме переполох древняя лампа. Любой старинный предмет может обернуться человеком, что уж тут говорить о животных? Повсеместно присутствуют бесы: то озоруют, то причиняют вред, то губят людей. Мир полон удивительного!

В настоящий сборник вошли избранные переводы из двух старокитайских книжных сборников: «Высокие суждения у дворцовых ворот» сунского чиновника и литератора Лю Фу и «Записи И-цзяня» великого сунского книжника и литератора Хун Мая, в которых во множестве представлены рассказы о необычайном.

Николай Подсокорский

Прочитала шестой том Кадлечковой, «Слой тишины». Корабельный глееварин Лукас переступает через свою гордыню, чтобы избежать дальнейших человеческих жертв из-за отсутствия контроля над силами, и идет на обучение к Аш~шаду, несмотря на ненависть и страх. Обучение психотронным силам в исполнении фомальхиванина требует постоянных тренировок, спорта и подчинения, а Лукаса значительно больше влекут тайные мистерии Ёссё, падение во тьму и принесение жертв, так что когда он сорвется и устроит что-то опасное, – лишь вопрос времени.

Меж тем Вселенную сотрясают катаклизмы, приближающиеся к Земле. Загадочная сила

Звездовладык на деле оказывается пространственной волной, на которую можно воздействовать силами психотроники. В итоге те, кто ждут нашествия насекомых захватчиков, получают их, те, кто видят в происходящем Бога, начинают видеть Бога, и приближение к Границе чревато хаосом. Корабли же в ужасе от того, что выродившийся и проклятый Корабль заселила какая-то сущность.

У меня осталось странное чувство после завершения тома. Кадлечкова без вопросов крута, от отступлений про то, что лишённые способностей – это тряпка, о которую аргиа~лу вытирают ноги, опять думаешь о Дукае, да и в целом забываешь о течении времени. Но в этом томе она раскрыла все загадки, развязала все нити, показала почти все секреты. В результате впервые у меня не возникло чувства, что я должна **НЕМЕДЛЕННО ПРОДОЛЖАТЬ**. Да, очевидно, что дальше придется столкнуться с устрашающим Сгеном один на один, что можно узнать секреты Аш-шада, нырнуть в катаклизм, но... И так хорошо, честно говоря.

Также меня напрягло, что финальная глава занимает... почти 3 авторских листа (три!). Это создало дисбаланс из-за того, что она сильно, до мелодрамы перекачала Лукаса, но другие яркие события финала это искупают.

Жанна Пояркова

Прочитала «**Во тьме безмолвной под холмом**» Черча. Если вы заскучали по максимально предсказуемому хоррор-боевику, это ваш выбор. В целом можно пропустить.

Действие происходит в середине зимы в уединенной деревне, которую снегопадами отрезает от цивилизации. Констебль Элли находит труп Тони, парня из проблемной семьи алкашей и местных

вырожденцев. Трупы для Элли не новость – у них каждый год замерзает по туристу, так как ребята лезут вверх и не рассчитывают опасность, но на теле нет следов борьбы или падения. Такое ощущение, что Тони просто загнали в угол, ожидая, когда он замерзнет. Обнаруживает Элли и простой символ, нарисованный углем.

Элли отправляется к его семье, где едва не получает от реднеков по щекам, хотя старая мамаша явно что-то знает. А дальше начинаются странные нападения. Выжившая говорит, что нападают безглазые существа с непропорционально длинными ногами. Отгоняет их только свет. Но проблема в том, что сломать линию передач проще простого, и вскоре все остаются без света.

Я купилась на поэтичное название (переводчик хорош, взял его из стихотворения внутри), но Черч назвал книгу просто – Hollows. Дыры, из которых прут чудовища. Ну и текст, в общем, такой же простой. Пост-кинговская психология, но попроще, напряженные драчки, все на месте, но зацепиться не за что, ведь все сразу понятно. При этом экшн вполне достойный.

Но вот издано просто офигенно, с любовью, – и оформление, и обложка, и перевод. Еще мне понравилось, что в ответ на вопрос «Что тебя пугает?» Черч ответил «Нынешнее правительство». Да уж точно, это страшнее чудовищ из-под холма.

Жанна Пояркова

Начало философического триллера

Каждый вечер лежал он, свесившись, на краю кровати и напряжённо вглядывался в бездну. Пока бездна однажды не ответила на его взгляд и из неё вышел серенький волчок...

Сергей Пальцун

23 мая:

Мы с моим говорящим котом
Спасаем мир
Суровый кот
На переднем сиденье внедорожника
Вертикальными зрчками сканирует окрестности
Перекрестные тени
Бегут нам навстречу
С нами два дружественных ежа
И один довольно неприятный енот
Когда некто
Чьи черты лица не разобрать
В ослепительном свете
Предложил нам на выбор
В качестве компенсации
Любую реальность
Большой барьерный риф
Пронизанную солнцем воду
Цветущий остров с белым песком
Фуршет в Букингемском дворце с шампанским
и маленькими тарталетками
Полет к Альфа Центавра и установление контакта
С прекрасными и дружелюбными аборигенами
Даже
Знакомство с одним там суровым с трудной судьбой
и чуткой душой с неистребимой тягой к прекрасному
и последующей весьма приятной перспективой
мы с моим котом хором закричали
Нет нет позвольте нам пожалуйста
Спасать мир
Все равно какой
Хотя бы вот этот с пурпурным небом
Двумя лунами
Ветровыми электростанциями
Ажурными виадуками
пирамидами

Нашествием саранчи
Загадочной эпидемией
Злодеями и героями
В прошлый раз не вышло
Такая жалость
Может быть на этот раз
Что-то получится

Мария Галина

Вчерашний спектакль был поставлен по пьесе Матая Вишнека «Кони за окном». Режиссер тот же, что и в «Убийстве Гонзаго», Петру Вуткэрэу, а вот труппа японская – Tokio Theatre Company Kaze. Формально «Кони за окном» – абсурдистская пьеса; как пишут некоторые, трагифарс в духе Ионеско и Беккета. Хотя есть и мнение, что это «пародия на театр абсурда», но погружаться в подобные бездны я не буду – герметичность критического батискафа сомнительна, не такой уж я опытный театрал :)))

Сочетанием «японский + субтитры» и некоторой специфичностью выражения эмоций анимешника не напугать, хоть расположение экрана в верхней левой части поля зрения, а не внизу, ощущается непривычно. К тому же опять проявилась та же самая проблема, что на прошлогоднем шекспировском фестивале: субтитры то отставали от актеров, то убежали вперед, местами выглядели странно... В общем, не самый удобный формат, как ни грустно это признавать.

Отчасти из-за субтитров я уже дома нагуглила и прочитала пьесу, что заодно дало мне ответы на кое-какие вопросы по сюжету и морали. Дальше будут спойлеры, потому что иначе получится не отзыв, а бессмыслица (как львиная доля бесспойлерных аннотаций к пьесе).

Пьеса выражает жесткую антивоенную позицию. В ней рассказаны три истории, в которых

принимают участие Мать и Сын, Дочь и Отец, Жена и Муж, и все три вертятся вокруг войны. В первом случае Мать отправляет Сына на войну, собирая вещи и давая ему бесконечные напутствия, во втором Дочь живет с Отцом-инвалидом, который так и не оправился после того, что случилось с ним на войне, откуда он вернулся непонятно сколько лет назад, и в третьем заурядный день семейной жизни оборачивается трагедией, когда Мужа настигает приступ ПТРС. Все сюжеты объединяет фигура Вестника, в котором зритель без особого труда узнает Смерть или Ангела Смерти. Он приходит ко всем трем женщинам, оставшимся в одиночестве, и общается, что их мужчин нет в живых, одновременно проясняя ход событий. Еще повсюду те самые кони из названия пьесы, и, если вдруг вы не знали, я объясню: у коня в мифологическом, символическом смысле есть хтоническая ипостась, в рамках которой он существует одновременно среди людей и потустороннем/загробном мире и потому служит проводником на тот свет. В том же контексте в пьесе упоминается вода, да и про окно не будем забывать (это границы между живыми и мертвыми, своими и чужими, порядком и хаосом, внутренним и внешним миром). Лично для меня кони, вода, окно – не часть театра абсурда, а нечто совершенно логичное; но тут, наверное, всё субъективно.

Местами зрелище пробирает до дрожи, а от диалогов, даже в виде исковерканных субтитров, хочется плакать. Но между сюжетными фрагментами есть короткие вставки, во время которых Смерть зачитывает списком локальные и мировые конфликты, иронизируя, дескать, и вот это всё во имя мира – и мне эти вставки показались излишними. Они как будто крик, вопль: война – это ужасно! Однако мораль и без них совершенно ясна; я, честное слово, не знаю, как можно ее не понять... Все равно что на

уроке учитель расскажет всё необходимое, а потом хрясь ученика по башке, чтобы точно дошло. В этом смысле вспоминается инцидент, случившийся на заре моей преподавательской карьеры, когда я в сердцах заявила студентам в аудитории, что отсутствовать на лекциях нехорошо, а потом увидела их взгляды и поняла, что тем, кто ПРИСУТСТВУЕТ, это объяснять НЕ НАДО. Совсем не надо. Вообще. Никогда. Они и так понимают.

Можно поспорить, что это всего лишь часть инструментария театра абсурда, что такова цель: вывести зрителя из равновесия. Но я это воспринимаю как часть *журналистского* инструментария (и Вишнек в самом деле не только драматург, он еще и журналист), и хотелось бы журналистику отдельно, литературу (включая драматургию) – отдельно, потому что, повторяюсь, мораль и так совершенно ясна.

(У Дэниела Крауса в *Angel Down*, например, получилось передать ту же идею именно литературными методами, причем как модернистскими, так и классическими, с предельной элегантностью и с интонацией полнейшей безнадеги.)

Та же проблема с финалом спектакля, который отличается от текста пьесы (судя по тому, что Вишнек вчера присутствовал в зрительном зале, эти изменения сделаны или как минимум одобрены им самим). Финал не просто объясняет и разжевывает то, что не надо объяснять и разжевывать, он в придачу запикивает это в метафорическую зрительскую глотку. Аннулирует абсурдный характер пьесы, выпрямляет и сглаживает сюжет, превращает его в причудливую, но логичную фантастику, а фантастика и фантазмагория (=абсурд) – разные вещи. Штош, хозяин – барин, однако в моем распоряжении теперь имеется прекрасная иллюстрация

того, что получается при нарушении золотого правила «Работает – не трожь».

И все же, надо признать, завораживающий спектакль. Интересно задумана сцена с подвижным элементом в виде этакого «подъемного моста», который и выступает в роли моста между мирами. Актеры молодцы, особенно тот, который играет Вестника.

Наталья Осояну

24 мая:

Учиталась этим вашим Саймаком по самые помидоры (Симаком, конечно, но мне прям трудно переступить через ошибку сов. переводчиков, у меня внутри он Саймак, и хоть ты что). Под конец перечитала уже многократно читанный «Город», чисто спрыгнуть с иглы. Вроде спрыгнула; ладно, в любом случае, не осталось уже ничего.

Симфоничность «Города», конечно, отдельное удовольствие. Я сама так люблю писать – чтобы много-много голосов-инструментов, и каждый вступал в своё время, иногда объединяясь в дуэты, иногда сливаясь в большой общий хор. Рассуждения собаченьки-критика, объединяющие воедино разрозненные фрагменты, мне немножко чересчур громоздкие и комедиантские, но уж как шмог, так собрал. Всё равно гениальная штука вышла. Ну и просто приятно в финале отмечать, откуда какие ноги потом у автора выросли. Много прекрасных ног!

Макс Фрай

Дальше про Саймака.

По идее, его книги сейчас должны быть на пике популярности, потому что этот его гуманистический пессимизм – мы уже поняли, что человечество у нас пиздец говённое, но нельзя ли так хитро вы-

вернуть, чтобы хороших оставить в живых – снова актуален как никогда.

И Саймак всю дорогу старался найти нормальный выход. Как он старался в поисках выхода! Хороший такой.

Саймак одержим (спасибо ему за это) идеей множественности миров и способов лёгкого перехода из одного в другой. Вообще способов лёгкого перехода. Куда угодно. Можно не в параллельные миры, а просто на другие планеты, желательно силой мысли, чтобы не трястись столетия напролёт со скоростью света в тесном межгалактическом корабле. Чтобы раз – и всё! Потому что, – понимает умный писатель Саймак, – **ОТСЮДА НАДО ВАЛИТЬ**. Куда-нибудь, где можно спокойно жить в мире с соседями и выпивать с друзьями. Ну и заодно на досуге позаботиться о душе.

Богоискательство Саймака – отдельная тема. Приятно смотреть! Как человек, наделённый скептическим умом (у него почти всегда главный герой такой твердолобый скептик, что хочется дать ему по башке; приятное исключение – алкаши, изобрёл чувак способ усмирения скептецизма) – так вот, как скептический ум писателя Саймака всю жизнь пытается упхать в себя концепцию бога ~~бог~~ ~~вырывается~~ и упихивает таки под конец! В 1984 году, за несколько лет до смерти чувак публикует роман «Where the Evil Dwells», который – чистая фэнтези с религиозным уклоном. Там герои всю дорогу ищут волшебный кристалл, в который лютая нечисть заключила душу святого. Находят, выпускают душу на волю и получают святое благословение – это всё! Счастливый финал.

Меня конечно подмывает угрохать на писанину втрое больше времени, чем на чтение. Но нет. Этого искушения я, пожалуй, всё-таки избегаю. Сами читайте, лучше сразу много, залпом, по моему

примеру. У меня от этого безобразного запоя чтения теперь ощущение, что я все дела забросила и ничего не успела, потому что у меня неделю гостил близкий друг :)

Макс Фрай

25 мая:

«Standing in Line with Mister Jimmy», Джеймс Патрик Келли (Asimov's Science Fiction, June 1991)

Кафкианская социальная фантастика о мире будущего (не такого уж и далёкого). Срифмовалась у меня с двумя текстами: «*Make Room! Make Room!*» Гаррисона и «*Дом на холме*» Бачило. Пока читала, вспоминала больше о втором, но о романе Гаррисона в пятницу напомнил Василий Владимировский, а это всё равно как вспомнить о существовании песни «Шаровары Вячеслава» группы Палево – не отвяжется (извините все, к кому она привязалась в этот самый момент).

С романом Гаррисона в повести Келли общее – плотно заполненное человеческими единицами будущее. Но если у Гаррисона всё больше о том, как не хватает всех еды и воды, то у Келли о, быть может, более насущной проблеме в девяностые, когда была написана повесть – о нехватке рабочих мест и о невозможности выбраться из порочного круга потомственной безработицы и студенческих кредитов.

С рассказом Бачило мистера Джимми роднит беспросветная кафкианскость. Чип – наркоман и подонок (не в том смысле, что неприятный человек, а в том смысле, что с самого дна), представитель слоя ральфов (наверное, примерно как ваньки и фрицы в ином контексте, а может и от to ralph – блевать). Ему нужно отметить у чиновницы по условно-досрочному, но беседа идёт вкривь и вкось

и заканчивается тем, что завтра Чипу предстоит отправить в Мексику – строить шоссе для американских войск. Чип, разумеется, туда не хочет. Не хочет туда и Мистер Джимми – что-то вроде ИИ, сущность, живущая в наушниках Чипа. Мистер Джимми ставит Чипу музыку, отвлекает от мрачной реальности, даёт советы. Вообще вполне современно звучит!

Из-за нежелания отправляться в Мексику и по рекомендации Мистера Джимми Чип не просто обращает внимание на Очень Странную Очередь, растянувшуюся на несколько кварталов, но и решает в ней постоять. С каждым шагом перспективы всё мрачнее, нет ни малейших сомнений, что ни к чему хорошему эта очередь не ведёт и вести не может. Никто не признаётся, зачем здесь стоит. А может многие так же, как и Чип, сами толком не понимают – зачем. Хотя голоса в толпе выдвигают самые разные версии – вплоть до тайной космической миссии на новую планету. Вот тут уже Бачило с его «*Домом на холме*», обречённым, мрачным, безнадёжным, видится мне в полный рост.

Но Келли снова удивил меня. Не всякий Кафка беспросветен, иногда есть варианты. Возможно, это рассказ о том, как человечность побеждает кафкианский мрак, я не знаю. Но я довольна, что он оказался именно таким.

Спасательный круг для тех, кто не дочитал до конца и хочет избавиться от шароваров Вячеслава: «*You can't always get what you want*» – и это не сарказм, а песня, которая волей неволей звучит в голове в унисон с этой маленькой повестью. Начиная с названия, взятого из роллиговской строки «...*I as standing in line with Mr. Jimmy...*» и дальше, через Челси и кристаллы к «*But if you try sometime, you just might find, you get what you need*».

К.А.Терина

С Днем полотенца!

Use the uploaded photo of the person as the basis for an ultra-detailed cinematic scene inspired by the universe of *The Hitchhiker's Guide to the Galaxy*.

Борис Сидюк

27 мая:

На Каннском кинорынке (не фестивале) представили полнометражный фильм, полностью снятый и озвученный с помощью нейросетей.

Он называется **Hell Grind**. Это история про грабителей, получивших суперсилы от древнего артефакта. Одна из их команды провалилась в ад, и остальные отправляются её спасать.

Мир фантастики

Дарья Промч «Мга» (РЕШ, 2026)

Если бы я писала логлайны, было бы примерно так: блудный сын возвращается на несколько дней из далекой Буржундии и попадает в петли затягивающегося на его горле экзистенциального триллера. Поэт Дарья Промч уже не впервые выступает как прозаик, но ее проза, как это часто бывает с поэтами, все еще полна быстрой рефлексии и нетривиальных метафор, в которых, впрочем, угадываются недвусмысленные параллели с текущим статусом (ментальным, эстетическим, психологическим) миллениалов.

Так вот. Обеспокоенная неконтролируемой катастрофой мать сначала отправляет сына в безопасную заграницу, затем велит ехать домой, потому что где родился, там сгодился, дома и стены помогают и т. д., и вообще у нас все нормально и даже хорошо. Родной городок тем временем охвачен пожарами, эмоциональный эффект от которых усилен тем, что Игнат (Игги на самом деле) вернулся домой из плоскости синтетического спокойствия. Там нет нужды заменять «огонь» и его семантический ряд эвфемизмами – выдавливать из активного словаря, тушить округлым языком иносказаний. Игги поэт, фигуры речи – его инструмент, но вряд ли он был готов к такому миметическому переходу.

Перевернутая (кажется, только для героя) реальность дополнена усилением бюрократического давления, накал абсурда растет, мы все прекрасно знаем, что случается потом ©, хотя бы потому, что читали Платонова, Замятина, Оруэлла, you name it. Вообще платоновского в этом тлеющем как торфяник напряжении куда больше, чем замятинского, в том числе особая словотворческая манера, характерная, например, для Евгении Некрасовой, и градус обыденного безумия, который выдает в своих текстах Поляринов (во «Мге» как будто даже есть

перекличка с «Кадаврами» (Inspiria)), Сальников в «Петровых в grippe» и, как ни странно, но совершенно очевидно для меня, Хайнлайн в «Чужаке в стране чужой».

Промч конструирует нарратив между абберациями памяти и искажениями восприятия. Игнат помнит город, который не узнает Игги. Ансамбль персонажей, выстроенный вокруг протагониста, в характерной для нарочито прозрачного устройства дистопий представляет собой коллекцию людей-символов и людей-функций: кто-то растворяется в новых условиях, кто-то бодается и выбирает хаос, лишь бы его не закрутили, как гайку, кто-то обводит себя меловым кругом двойного отрицания. Все они – пантеон богов и божков. Автор наследует классикам, но работает и с темами, тревожащими поколение современных 30+летних: ситуативная миграция, разрыв, растущий не только между ними и старшими, но и ровесниками, поиск подходящих смысловых конструкций там, где нет возможности говорить напрямую.

При этом Даша верит в силу первого предложения и в поэтический рисунок прозы, в единственно верное слово по Толстому, если угодно. Эта математическая точность приводит эмоциональный хаос к подобию системы. Утешительное свойство, как ни крути.

Анастасия Шевченко

Среди русских сказок самое неожиданное название у сказки «Солдат – Негр Несчастный». Еще неожиданнее, что она во многом про лягушек.

Сказку записали в Восточной Сибири. Сюжет составной, слеплен из нескольких известных шаблонов: мужчина случайно добывает красавицу-жену, которую затем у него пытается отбить царь. Мужу дают невыполнимые задания вроде «принеси не-

знамо чо», однако тот со всем справляется и в конце наказывает царя.

В сибирской истории главным героем оказывается солдат, который сам себе дал кличку «Негр Несчастный». Почему? Потому что был несчастным: отслужил 25 лет, вернулся домой, там уже никого нет из родных.

Он понимает: ему хорошо за сорок, нет ни денег, ни даже близких. Полное одиночество, и дом закончен.

«Сел он на заваленку. Посидел, поплакал и пошел, да с горя и дал себе кличку: «Я есть Негр. Как негр я несчастный». – И пошагал куда глаза глядят».

Здесь в сюжет влезает первая лягушка. Самая необычная лягушка русских сказок.

«Из камышей выскакивает лягушка и заговорила человеческим голосом:

– Здравствуй, Негр Несчастный!

Он глазенки и выпучил, стоит – что такое?

Теперь вдруг не оказалось этой лягушки, а в камышах стоит красавица. Он ужаснулся немного и говорит:

– Эх, я несчастный!

– Почему несчастный? Вот если мы будем жить с вами, жизнь будет счастливой».

Солдат оказался не дурак и лягушке поверил. Правильно сделал: лягушки не врут. Никогда. И эта не наврала.

После преодоления разных сложностей солдат и бывшая лягушка зажили счастливо.

Преодолевать сложности солдату помогала вторая лягушка, на которой он скакал, как на кобыле (она на фото картинке). Но эта огромная лягушка-помощница – персонаж известный. А вот первая – загадка. Кажется, она какой-то отголосок царевны-лягушки. А может быть, и нет.

В любом случае, две лягушки привели солдата с кризисом среднего возраста к успеху, и быть Несчастливым он перестал. Потому что сделал самый правильный выбор: доверил жизнь лягушкам.

Не на небе – на земле. Русские сказки Восточной Сибири. Т. 2. Иркутск. 1992. С. 161-171.

Антон Нелихов

Читаю сборник Лео Каганова «Моя космонавтика» – то есть местами перечитываю, но новых (для меня) рассказов тоже много. Ощущения странные: есть тексты остроумные, тонкие, пронзительные, а есть – такие, словно «Гоблин» Пучков писал. Например, «Антимизогинный двигатель»: гы, бабы тупые, ржака!..

Зачем Лео их писал – не знаю, может, там была конкретная прикладная задача «в моменте». Конкурс какой-нибудь на Дваче, проект о светлом будущем, не следил. Но вот в сборник «избранного» их включать, первый за последнее десятилетие – так себе решение, мне кажется. Крайне сомнительное. Сбивают настройки.

Василий Владимировский

Nova Fiction планирует в июле издать научно-фантастический детектив Станислава Цыбульского «В глубинах неба».

События книги разворачиваются в будущем в колонизированной системе Юпитера. Прогресс

же, в лучших традициях киберпанка, счастья всем и даром не принёс. Будущее грубо разделили общество на нормов, которых, как я полагаю, тяготы жизни в космосе не заботят, и так называемых морфов. Морфы ютятся на нижних уровнях станций, где буквально вынужден бороться за жизнь.

На одной из орбитальных станций произошла серия несчастных случаев, как будто бы между собой не связанных. Узел этот распутывать будет следователь, у которого, как и положено, в багаже скопились свои скелеты.

И простой морф-ремонтник станет для следователя проводником на самое дно – обещают показать ледяной Коцит океан Европы, а также засекреченные исследовательские проекты, которые связаны с загадочными смертями.

Обещают историю о социальном неравенстве и корпоративных заговорах.

Почему-то вспомнился «Геном» Сергея Лукьяненко (и нет, не потому что он делал блёрб). Там тоже была фантастика об обществе, разделённом на натуралов (т.е. людей без генетических модификаций) и спецов, подготовленных к какой-то конкретной работе.

Например, главный герой там – пилот-спец, всегда готов к перегрузкам, прекрасно ориентируется в пространстве, но патологически никого не любит, только свой корабль.

При этом название как будто отсылает к «Глубине в небе» – фантастике Вернора Винджа о проблемах взаимодействия космических цивилизаций.

А из-за обложки и аннотации про Европу, конечно же, нельзя не вспомнить ангелов Европы из «Схизматрицы» Брюса Стерлинга.

Подводные постлюди, подготовленные к жизни в ледяных глубинах спутника Юпитера, тоже щеголяли с чёрной кожей и хвостовым плавником.

Правда, у них не было таза, а на картинке он подчёркнут. Но полагаю, что так только на обложке и роли в повествовании это не играет – скорее образ такой вот космопанковской русалки.

Книга ожидается любопытная, будем-с ждать.

Павел Сидоров

28 мая:

Чак Паланик собирается дебютировать в научной фантастике с романом **Galleria**. В центре сюжета молодой человек, стремящийся отыскать отца, который как кажется исчез в космосе. Юноша пытается найти подсказки о судьбе отца в его текстах и начинает читать серию фантастических рассказов, публиковавшихся в бульварных журналах. Она рассказывает об утопическом мире, в котором дети отправляются в школьные поездки на Землю, чтобы учиться убивать местных жителей, и однажды один из учеников пропадает. История главного героя и персонажей рассказов начинают переплетаться между собой.

Выход намечен на начало 2027 года.

Дмитрий Злотницкий

В издательстве «Армада» я работал выпускающим редактором и вел, в том числе, фантастическую серию «Батлтех». Эти нудные американские романы, написанные разными авторами, переводил Игорь Гаврилов. Делал он это довольно быстро, раз в два месяца сдавал по роману, звонил мне, говорил, что надо бы обмыть сдачу работы и приезжал в издательство ближе к концу рабочего дня. Игорь жил в часе езды от Москвы, по дороге в электричке бухал и приезжал настолько пьяным, что пытаться догнать его не имело смысла – следующие 100 грамм делали его неразговороспособным. Но вхо-

дил веселый и говорливый, говорил, что у этих романов, как правило, либо нет конца, либо он такой невнятный, что ему пришлось самому допридумывать концовку. А затем, хохоча, требовал заплатить за соавторство, в шутку, конечно. Когда «Армада» распалась, Игорь перебрался в «Гранд» и там перевел Джона Хоуга, полное собрание пророчеств Нострадамуса с подробными комментариями. Когда книга вышла, он мне подарил ее со словами: «Я там некоторые катрены Нострадамуса подправил, уверен, именно эти предсказания и сбудутся». Жаль, я не спросил, какие. Интересно было бы, если бы так и произошло.

Андрей Саломатов

В своё время «Гиперион» мне изрядно доставил, но не настолько, чтобы тут же кидаться на продолжение. После эпического замеса основной дилогии не готов был я врубаться в «триста лет спустя». Теперь – готов. Посмотрим, что случилось с миром Гегемонии после обнуления Нуль-порталов. Обнуления. Ну, вы поняли.

ЭНДИМИОН. Дэн Симмонс

В общем, оно и понятно, но всё же немного жаль, что участников первых томов в книге практически нет. Все они стали героями легенды о паломничестве на Гиперион, а в мире победившего христианства легенда эта запрещена и карается отлучением.

Коротко. ИскИны лососнули тунца, телепортация более недоступна, Орден заправляет планетами, т.к. предложил реальное подтверждение своей религии – воскрешение с помощью крестоформа. Гробницы времени охраняют ватиканские гвардейцы, Бродяги кошмарят окраинные планеты, цивилизация на периферии уже не та, что раньше. В этом

мире и живёт главный герой Рауль Эндимион, которому предстоит стать спутником девочки-мессии.

А теперь цитата: Я уже говорил: зря вы это читаете. Теперь я понимаю, что следовало выразиться иначе: зря я это пишу. Конец цитаты. И в ней отразились все чувства, которые я испытал, перевернув последнюю страницу. Я действительно не понял, для чего это было написано.

Нет, тут порядок с историей, автор не начпис, легенда же. Но на фоне эпика первых томов, тут происходят какие-то невнятные телодвижения по переходу из одного Нуль-Г в другой. Девочка-мессия желает путешествовать по реке Тетис, ранее протекающей во множестве миров, а поскольку за маршрутом многие столетия никто не следил, влипает она и её сопровождающие в разные неприятности.

До самого финала я так и не проникся опасностью её положения, угрозами и вызовами, что бросают разные миры этой маленькой компании, да и самой компанией не проникся. Хотя, казалось бы, есть и преодоление и пафос. Но на случай столкновения с превосходящими силами противника, всегда найдётся демонический Шрайк, который размотает всех и вся. Не люблю бога из машины, особенно когда история идёт на серьёзных щах.

По итогу чувства смешанные. Вроде как следует добить уже последний том, чтобы понять, кто там чего хотел, и увидеть, как вновь побежит по мирам полноводная Тетис, но как-то без охотки. Чесгря, я бы остановился на «Падении Гипериона». Но авторское видение есть авторское видение. В конце концов, кому нужна такая Гегемония, где даже порталы не работают?

Засим всё. Приятного чтения всем, кто ещё читает.

Олег Кожин

Особенности сербской национальной охоты на вампиров

Наконец дочитал вторую часть «Флорентийского дублета».

По сюжету Милована Глишича, реально существовавшего писателя и переводчика, направляют в Лондон с секретной миссией – на кону жизнь дочери сербского короля. Британская столица в это время всё ещё в ужасе от преступлений Джека-потрошителя. Глишич же за несколько лет до событий книги помог поймать кровожадного упыря. Ну как тут не поработать со Скотленд-Ярдом, раз дела так подозрительно связаны?

В первой части встречаются викторианская эпоха и сербский колорит (взгляд из другой страны, исторические события, места и люди, кухня и проч.), интересно сочетаются криптоисторический детектив и мистика с элементами хоррора. Во второй части с ноги врывается вполне научно-фантастическое допущение.

Причём стилистически и композиционно книга выверенная и сбалансированная, каких-то перекосов в сторону одного жанра или приёма замечено не было. Авторы удачно тасуют сцены и персонажей, чтобы читатель не заскучал, не ударяясь при этом в безостановочный экшн.

Однако во второй книге этот момент как будто усилен. Так, к параллельному рассказу о расследовании преступлений Зарожского кровопийцы и Джека-потрошителя, а также операции по спасению принцессы смогли провести по лондонским закоулкам и уместно добавить мини-лекцию о Древнем Египте, а также солидное по объёму, увлекательное, но совершенно неожиданное путешествие сквозь толщу веков – от Древней Месопотамии до конца XIX века.

Впрочем, инфодампы встречаются в тексте тут и там и также радуют разнообразием: от организации театра в Белграде до зарисовок из жизни лондонских бедняков.

Важную роль также играют многочисленные персонажи. Здесь нельзя не вспомнить великолепную «Эру Дракулы». Однако если в книге Кима Ньюмана в основном взаимодействуют известные вымышленные персонажи, то Иван Нешич и Горан Скробонья делают ставку на исторических личностей, пусть и в формате тайной истории.

Причём не раз обыгрывается столкновение писателей-персонажей с событиями, историями и людьми, якобы и подтолкнувших их к созданию своих бессмертных произведений. Любопытный приём.

Пожалуй, в книге меня смутил лишь один момент: зачем сербскому правителю так рисковать, отправляя писателя выручать дочку, да ещё и с ценным артефактом на руках? Не безопаснее ли доверить это целиком и полностью более подготовленным людям?

Конечно же, в тексте это объясняется многими талантами Глишича, в том числе прозорливостью, которая помогла вычислить Зарожского Кровопийцу, обезвредить и сопроводить куда надо. Да и работал Глишич не один, а с куратором. Но всё равно это кажется даже менее правдоподобным, чем вампиры.

Возможно, кого-то может оттолкнуть сборная солянка из чужих сюжетов и образов, особенно ближе к финалу. Но тут, думаю, дело вкуса – на мой взгляд, сделано круто.

Павел Сидоров

29 мая:

«Погрязание», Ольга Харитонова
(«Альпина.Проза», 2025, 18+)

В сборнике «Погрязание» 16 рассказов. И после каждого хотелось взять паузу. Иногда было больно так, будто ударили в грудь и выбили весь воздух. Когда читаешь, не отпускает чувство, что все описанное происходит с тобой.

Ольга Харитонова раз за разом воссоздает мир после катастрофы – той, что разрушила отдельный город или человеческую жизнь. Мы словно идем сквозь темноту нерешенных проблем, разбирая их одну за другой. Узнаешь себя – и замираешь.

Все рассказы – о современной нам реальности, измененной с помощью социальной фантастики, магического реализма или фольклорных элементов. Это способ поговорить об утратах, которые оплакивает каждый из нас.

В рассказе **«Йошки-пашки»** Раиса смотрит на затопленный город из окна дома, который отказалась покидать. Перед большой водой человек маленький и беспомощный:

Район, превратившийся в ванну с грязной водой, где плавают машины, игрушки, доски...

Ольга Харитонова описывает наводнение в узнаваемых деталях: эвакуация, ПВР, встреча с мародерами. И нам кажется, что это катастрофа в Орске, Тулуне или Дагестане. И тут художественный мир рассказа причудливо преломляется: Раиса встречается на затопленной кухне русалку...

«Двойница»: сюжет о профессионале, который сталкивается с невыносимым. Главная героиня – спасатель, альпинистка. Она приезжает в разрушенный город, под завалами остаются люди, живые и мертвые. Слушает инструктаж:

Просил не переносить увиденное на себя, забыть временно о своих детях, родителях, супругах; готовил к чужому шоку, агрессии, ступору, плачу; напомнил не шептаться на глазах пострадавших, чтобы не подумали, что скрываем что-то; не оттаскивать тех, кто падает на тела, дать выплакаться, потом уводить...

Рассказ можно воспринимать буквально – как магический реализм, где происходит невероятное, непостижимое (чудовище одним прыжком разносит в пыль города, а люди могут... обойдемся без спойлеров). Или же как психологическую защиту человека, который ищет способ осмыслить случившееся и найти силы для спасения жизнью тогда, когда их уже взять неоткуда. Ты выгорел дотла, но никто не сделает работу за тебя.

Один из самых потрясающих – погрязающих, так и хочется сказать – рассказов сборника: «**Горе уходит в море**». Он о гибели экипажа подлодки и выжившем офицере, который становится амфибией. Это метафора ПТСР: герой после трагедии становится лишним в привычном мире, буквально не может дышать. Ольга Харитонова убедительно работает с художественными образами. Сравнивает брошенные в воду гвоздики с рыбами с красными плавниками, жабры на шее главного героя – с лепестками цветов. И документальное вновь соединяется с художественным: цитаты, детали быта напоминают о реальной трагедии.

Каждый рассказ из сборника «Погрязание» становится частью единого высказывания, но при этом самодостаточен. И кажется, что за границами авторского взгляда эти герои – живые, уязвимые – продолжают путь.

Книга вошла в лонг-лист премии «Большая книга». И я искренне желаю, чтобы она вышла в финал.

Даша Кельн

30 мая:

Больше двух лет публикую по пятницам на Boosty свои старые материалы (статьи, интервью, а чаще всего рецензии прошлых лет) – для подписчиков уровня «Дела давно минувших дней». В связи с этим регулярно копаюсь в своих архивных папках, есть у меня дурная привычка сохранять все исходники. Самые ранние материалы датированы примерно 1996-м, больше 3000 файлов, до сих пор храню тексты, не поверите, в формате DOS-txt, как когда-то привык. Но речь не об этом. Там далеко не все подходит для публикации. Иногда моя оценка книги/автора радикально изменилась с годами. Чаще дело в объеме: журнальная заметка на две тысячи знаков – не то, чем стоит гордиться четверть века спустя. Еще чаще я недоволен стилем и интонацией, сейчас я бы такое не опубликовал и на каком-нибудь конкурсе рецензий оценил невысоко. Где-то с 2007-2008 годов начинаются более-менее годные тексты, и довольно много, но там другая проблема.

Когда вот так смотришь свежим взглядом, особенно хорошо видно, как вымываются из коллективной памяти книги и авторы «среднего класса» – то есть вполне приличные, даже хорошие, но не ставшие в свое время хитами, не «звучавшие из каждого утюга». Кто, кроме олдфагов, помнит например замечательного фантаста **Сергея Синякина**? **Елену Хаецкую**? **Евгения Прошкина**? **Олега Овчинникова**? **Игоря Пронина**? При том, что часть из них жива, просто не пишут ничего по разным причинам. Даже **Владимир Данихнов**, которого не стало совсем недавно, в 2018-м, незаслуженно подзабыт, хотя ему повезло больше остальных: успел несколько раз опубликоваться в «толстых» литературных журналах, номинировался на премию

«Национальный бестселлер», в связи с этим время от времени вспоминают. Очень надеюсь, что его книги рано или поздно будут переизданы, они, мне кажется, с годами становятся только актуальнее, и «Тварь размером с колесо обозрения», автофикшн до бума автофикшна, и криминально-экзистенциальная «Колыбельная», и хармсовская НФ «Девочка и мертвецы»... Нет, я-то их всех помню, но что толку, если книги не переиздаются.

Так вот, чего сказать хотел: боюсь, с нынешними «приличными, но не громкими» то же самое будет. Лет через 15-20. Или даже раньше, учитывая, с какой скоростью сейчас меняется культурный ландшафт. Печальна судьба писателя в России, извините за банальность.

Василий Владимировский

«Эндрю Барратт, вероятно, ошибается, заявляя, что «лишь малая часть сатиры [Булгакова] имеет своей целью именно сталинизм». Однако исследователь правильно высказывает значительные сомнения по поводу отдельных трактовок романа, которые силятся представить все произведение исключительно как политическую сатиру. Барратт полагает неубедительной «бесподобно изобретательную» интерпретацию романа Д.Г.Б. Пайпера, который «опознает» в приближенных Воланда лидеры большевиков того времени, в том числе Молотова, Ворошилова и Кагановича.

Пайпер воспринимает события вокруг Семплеярова и Бенгальского как аллюзии в отношении таких ведущих политических фигур, как Зиновьев и Енукидзе, а перемещение Лиходеева в Ялту он сравнивает со ссылкой Троцкого в Алма-Ату в январе 1928 года, что знаменовало момент триумфа Сталина в борьбе за власть, развернувшуюся после смерти Ленина в 1924 году. Барратт относится с тем

же скепсисом к «криптографической расшифровке» политических отсылок в романе у Елены Махлоу, работу которой «в целом стоит признать примером тщательнейшего знакомства с текстом во имя оправдания большого заблуждения».

Барратт корректно заключает, что «если Булгаков в самом деле нацеливался на криптографию, то прием его романа в критических кругах вроде бы демонстрирует, насколько некомпетентным писатель продемонстрировал себя в этом занятии». Иными словами, если текст «Мастера и Маргариты» в принципе предполагался на каком-либо этапе в качестве аллюзии на тему политических перебранок в верхах Коммунистической партии, то в итоге читатели получают отсутствие связного повествования о том, что именно творилось в те дни.

В то же время если роман и не обыгрывает индустриально-внутрипартийную борьбу, то все равно общепризнано, что в тексте довлеют аллюзии на жизнь в условиях репрессивного режима, иногда – в осторожно завуалированной форме, иногда – более очевидные. Алексей Варламов идет дальше и замечает, что хотя произведение создавалось с 1928 года и значительная часть его действия разворачивается, по всей видимости, в 1920-х, а не 1930-х годах, в конечном счете в романе доминируют худшие проявления Большого террора: ««Мастер и Маргарита» – роман о 1937 годе в России».

Из книги: Куртис Д. Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита». Путеводитель по роману / Джули Куртис; пер. с английского К. Батыгина. СПб.: Библиороссика, 2026. 228 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»).

Николай Подсокорский

Стивен Кинг «Четыре сезона» (сборник)

Жанр: Триллер/мистика

Оценка: 9/10

В этот замечательный сборник входят четыре повести, приуроченные к определённому времени года. Рассмотрим каждую поподробнее.

«Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка»

Думаю, что при упоминании этой повести все сразу же вспомнили об очень известной экранизации и при оценке произведения сравнивали с ней. В моём случае всё несколько иначе – фильм я не смотрел. Мне произведение напомнило «Зелёную милю» подробным рассказом о быте заключённых. Могу сказать, что у Кинга есть определённый талант к описанию тюремной тематики. Не обошлось и без «грязи»: описания насилия и жестокости хоть и немного, но они присутствуют.

Повесть представляет собой рассказ одного из заключённых – Рэда. Он в Шоушенке довольно давно и промышляет тем, что достаёт для узников определённые мелочи, за что и пользуется большим

уважением. Главный герой, Энди Дюфресс, приговорён к пожизненному заключению за убийство жены, которого не совершал. На свободе он был молодым и преуспевающим экономистом, и его профессиональные знания в дальнейшем пригодились ему в тюрьме. Энди не привык сдаваться и даже в Шоушенке остаётся сильным и целеустремлённым человеком. Окружающая действительность будто не имеет над ним власти. Он будет стремиться к свободе несмотря ни на что.

В данной повести Стивен Кинг практически мгновенно и без лишних предисловий окунает читателя в описанный им мир. Как всегда, порадовал хороший язык, глубокий психологизм и тщательно создаваемая атмосфера. Прекрасное произведение, всем рекомендую.

«Способный ученик»

В повести нам рассказывают о мальчике, который в неприметном старичке узнаёт беглого нацистского преступника. Однако вместо того, чтобы сообщить в полицию, наш герой, Тодд Боуден, идёт в гости к мистеру Дюссандеру и угрозами заставляет рассказывать как можно больше о своём прошлом. Всё дело в том, что Тодд очень увлечён фашистской тематикой и получает истинное удовольствие узнавая в подробностях о зверствах, пытках и экспериментах над людьми. Он читал об этом в журналах и книгах, но ведь узнавать из первоисточника интереснее. К тому же Дюссандеру явно есть что рассказать – во время войны он командовал концлагерем и получил прозвище Кровавый Мясник из Патэна. На публике Тодд показывает другую свою сторону: хорошо учится в школе, вежлив, заботлив, занимается спортом, родители его очень любят и гордятся им, но под этой личиной до поры дремлет настоящий зверь с извращённой

психикой. Ужасное увлечение вместе с влиянием старика помогает зверю проснуться.

По приказу мистера Дюссандера были убиты тысячи человек. Он был молод, решителен, умён, беспощаден и, по собственному мнению, всемогущ. Однако после поражения в войне вынужден был бежать из Германии и долгое время скрываться от правосудия. Сейчас ему за 70 и его фашистское прошлое, казалось бы, осталось позади: он живет обычной тихой и мирной жизнью и иногда даже чувствует вину за прошлые деяния. Только вот появление Тодда переворачивает всё с ног на голову: по ночам ему снятся кошмары, а бывлые воспоминания оживают с новой силой. Его злой и извращенный разум требует новой крови. Мистер Дюссандер своим примером доказывает, что бывших убийц не бывает. Порок так глубоко проникает в душу, что даже десятилетия мирной законопослушной жизни не могут его вытравить. Благодаря острому уму он легко соскальзывает с «поводка» Тодда, и мальчик сам оказывается в ловушке, расставленной стариком. Тема фашизма раскрыта с интересной стороны. Сейчас много где принято оправдывать немецких солдат, просто выполнявших приказы вышестоящих людей. Согласен я лишь отчасти, потому что в любом обществе есть как хорошие, так и плохие люди. Однако я уверен, что среди командиров и офицеров было немало и по-настоящему ужасных личностей. Нельзя стать начальником концлагеря поневоле, и случайно заслужить прозвище «Кровавый Мясник из Патэна».

Очень интересно было наблюдать за тем, как Тодд из примерного мальчика превращается жестокого маньяка. Причин тут несколько. Во-первых, ужасы концлагерей, о которых рассказывает Дюссандер повлияли на неокрепшую психику. Подростки в этот период очень внушаемы и легко подвер-

гаются влиянию различных идей. Здесь мы видим, как хобби берет верх над личностью. Во-вторых, Тодд живёт в очень благополучном и беззаботном обществе. Всё настолько хорошо в жизни, что ему становится скучно. Мальчик понимает, что ждут от него окружающие и вынужден идти по дороге, которую для него нарисовали. Ведь нельзя же предать их ожидания! И по сути в этот момент подросток теряет свободу. Вот тогда под влиянием гормональной перестройки в нем и зреет протест. Маску благовоспитанного мальчика надевать становится всё сложнее, и истинная сущность иногда прорывается наружу.

Повесть пугает своим реализмом. Сколько ещё таких идеологических преступников не пойманы, и сколько они ещё смогут найти себе таких «способных учеников» как Тодд? Как часто в душе успешных и благополучных подростков скрываются кровавадные маньяки? На мой взгляд, лучшая повесть в сборнике «Четыре сезона».

«Тело»

Ещё одна прекрасная повесть Стивена Кинга. В центре истории четверо мальчишек, которые живут в провинциальном городке в небогатых и не совсем благополучных семьях. Ребята страдают от безделья под конец летних каникул, как вдруг случайно они узнают, что в паре десятков километров от них находится труп пропавшего мальчика, о котором пока никто не знает. Любопытство, скука и желание прославиться сподвигают их на неожиданное путешествие. Во время дальнего пути мы больше узнаём о каждом из мальчиков, на поверхность всплывают их страхи и проблемы. Да и само приключение вышло очень занимательным и не лишённым остросюжетных моментов.

Атмосфера одновременно солнечная и светлая, в тоже время плавно перерастает в гнетущую и мрачную. Как гроза в конце жаркого дня. По моему мнению, изначально мальчики совсем не думали о цели своего путешествия, как о мертвом человеке, который был совсем как они: ходил, дышал и чувствовал. Однако постепенно к ним приходит осознание конечности жизни и реальности смерти. Да и кто из нас в детстве не считал себя вечным, не думал, что с ним-то уж точно ничего не случится. В повести главному герою нередко приходят в голову мысли слишком глубокие и взрослые: о смерти, любви, жизни и собственном будущем. Совсем скоро мальчикам предстоит выбрать направление своего дальнейшего обучения. Так что же выбрать: остаться с друзьями или предать свой талант?

Финал нельзя назвать счастливым, но повесть оставляет после себя приятное впечатление. Она наполнена ностальгией по беззаботному детству, когда мы ещё не были поглощены рутинными проблемами. Тогда и солнце светило ярче, и трава была зеленее. Только в эти времена мы видели приключения в самых обычных происшествиях и радовались простым вещам, а дружили по-настоящему и навсегда. Кинг в очередной раз доказал, что силён не только в ужасах.

«Метод дыхания»

Заключительная и, на мой взгляд, самая слабая повесть сборника «Четыре сезона». Написана она в мрачном викторианском стиле. Рассказчиком выступает уже немолодой мужчина, посещающий странный клуб. Там собираются пожилые джентльмены и хорошо проводят время: играют в карты, общаются, читают книги и рассказывают истории. Есть традиция, что на Рождество история должна быть обязательно мистической. И как раз

вокруг такой строится сюжет. Один из членов клуба раньше был акушером, настоящим фанатом своей профессии, он постоянно совершенствовался и зарабатывал новые методики, призванные облегчить участь рожениц. Таким и был метод дыхания. Авторитетные врачи его не признавали, но индейские племена применяли с незапамятных времён. Однажды к доктору приходит довольно необычная пациентка, поразившая его своей внутренней силой. Её проблема в том, что она не замужем, а в то время родить ребенка без мужа считалось страшным позором и всячески порицалось. Однако будущая мать твердо намерена родить, и доктор её всячески поддерживает и помогает. Чем ближе подходит срок родов, тем сильнее предчувствие чего-то страшного и неизбежного.

Не скажу, что лично меня история впечатлила, несмотря на довольно необычную концовку. Сама идея таинственного клуба, служащая здесь лишь декорацией для повествования, мне понравилась больше самого «рассказа в рассказе». Она интригует своей мистической неопределённостью и оставляет массу вопросов. Саму повесть я оценил бы как уверенный «среднячок», выезжающий в первую очередь за счёт мастерства автора, а не сюжета.

Алексей Севериан

31 мая:

Одна из немногих человеческих тайн, которая меня еще способна взволновать – загадка римского додекаэдра.

Этот великолепный образчик, который я сфотографировал в археологическом музее Загреба, был найден в позапрошлом веке в Австрии. Всего их обнаружили в римских руинах более сотни, но никто не знает, что это такое. Есть много неубедительных

версий: подсвечник, игрушка, принадлежность для гадания и даже инструмент для изготовления перчаток.

Моя версия такова: это зашифрованное послание, которое догадливые римляне отправляли в будущее, сообщая потомкам, что в жизни нет никакого смысла.

Дмитрий Волчек

Переслушал тут одну древнюю советскую рок-композицию, 1988 года рождения. Называть не буду – там обо всяком нехорошем поют, позорники, сейчас надо маркировать разными смешными значками, а мне лень, удивительно, как они тогда всё это заливали. Но кто вспомнит – тот вспомнит. На строчках: «*Где воспитательный фактор? Где вера в светлую даль?!*» прямо прослезился. Звучит как название круглого стола на какой-нибудь солидной московской конференции об образах будущего с участием футурологов из госкорпораций и уважаемых членов СП.

Ну и следующие строчки в песне тоже актуальные, да.

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Это уже не из той композиции, это вам наш с царем Соломоном футурологический прогноз. Не благодарите.

Василий Владимировский

Лонгриды:

Путь на Шелл (Отрывок)

Шоу «ПОЙ» смотрели на большом экране в уют-компании.

Сперва долго мелькали заставки, анонсы и бесконечная реклама, затем начали объявлять состав жюри. В этом сезоне четверка жюри состояла из персон очень известных.

Молодежь представлял музыкант-хопер Ссык-Ссык, скандально-известный своим хопом «Я тебя туда». Был он весь покрыт 3D-татуировками, которые время от времени высывались из его тела на заметное расстояние в виде кубиков, пирамидок, столбиков и даже колечек. Между ними, холодно блестя и извиваясь, проползали по телу стальные змейки интерактивного пирсинга – то пронзая кожу и уходя вглубь, но вдруг снова появляясь из какого-нибудь места, чтобы свернуться колечком и вновь впитаться в тело. Одежду он, понятное дело, носил по этой причине свободную и с многочисленными прорезями и отверстиями, чтобы ничего не тёрло и всё было видно.

Рядом сидел любимец зрителей среднего возраста – комик-ситдаунер Попорыло. Это был хорошо и со вкусом одетый коротышка с бритой головой, пышными усами и добродушной улыбкой.

Далее развалились в кресле безумно популярная среди лиц старшего возраста Кондратья Квир – ведущая шоу «Здоровенное здоровье»: крупная дама с низким грудным голосом, в дорогих украшениях и знаменитом меховом воротнике, про который злые языки уже не первый десяток лет поговаривали, что он может оказаться настоящего меха.

Замыкал четверку знаменитый Капидонов – киноактер времен звукового 3D-кино, знакомый нашим бабушкам с детства. Был он высок ростом, пузат и по-старинному харизматичен: обладал убедительными манерами, трубным голосом и огромными бакенбардами. Но выглядел при этом молодцевато. Ходили упорные слухи, будто секрет его молодости кроется в постоянных связях с молодыми актрисами или даже студентками курсов, где он преподавал. Но скорее всего, это были слухи: до сих пор никому еще не удалось поймать хитреца с личным, разговорить свидетельниц, угнать архивы видеозвонков и иными способом вывести старика на чистую воду, привлечь к суду и вычеркнуть из всех кинокартин, где он снялся за свою долгую жизнь.

Наконец началось само шоу.

Первым номером выступал певец-невидимка, но до песни не дошло. Его спросили, как живет невидимому человеку, а пока певец жаловался на недостаток внимания и неприязнь общества к людям с несуществующим цветом кожи, хопер Ссык-Ссык перемахнул барьер и вылез на сцену, предлагая пожать герою его мужественную руку. Руки предсказуемо не оказалось. Невидимка был разоблачен и вычеркнут из номинантов под восторженные аплодисменты и хохот зала.

– Ну вообще! – огорченно протянул Октопус. – Это же наша тема – бытовые страдания в обществе. А ее сходу затоптали.

Затем был лежачий инвалид. Его вывезли на каталке семеро родственников – все разного роста, но в одинаковых черных трико. Петь он мог лишь катетером, торчащим снизу из живота. Пел неплохо – уверенно попадал в ноты, хотя не выговаривал часть букв, иногда булькал и делал большие паузы, переводя дыхание. А вот текст у него был по-настоящему сильный: о том, что творчество –

единственный луч в жизни, какой бы она ни была. Но в целом зрелище было таким тяжелым и производило настолько угнетающее впечатление на стадион, что жюри принялось спасать положение: песню остановили, предположив, что несчастного эксплуатируют корыстные родственники. «Зачем вы унижаете больного человека? Привезли как куклу на ярмарку, заставили кривляться! На сцену всемером вылезли – зачем? Рядом постоять, чтоб вас все увидели? Стыдно! Стыдно!» – возмущался актер Капидонов.

Зато карлики-близнецы – группа «Шестерняшки» – оказались настоящими профессионалами. Их музыкальный номер был идеально разложен по голосам, костюмы вспыхивали разноцветными узорами в такт мелодии, а акробатический танец оказался невероятно сложным. Из своих тел они то складывали на полу узоры и шестеренки, то строили пирамиду, то жонглировали друг дружкой, постоянно меняясь. И хотя было видно, что каждый помогал товарищу взлететь вверх, затем подпрыгивал сам, чтобы его подтолкнул идущий следом, а предыдущий подхватил сверху, но со стороны казалось, будто кто-то невидимый ловко жонглирует шестью сияющими шарами.

– Это какая-то совсем новая школа, – с завистью произнесла Анна Германовна. – У нас таких техник не было. Чувствую себя отставшей лет на сто пятьдесят.

Но карликов не похвалили. Кондратья Квир сказала, что если они шестерняшки, тогда не близнецы. А если близнецы, то не шестерняшки – это другое, и незачем было врать. А ситдаунер Попорыло добавил, что они никакие не карлики, а самые обычные лилипуты.

– Жёстко велят, – выразил общее мнение Ежи Карлович.

– Здесь всегда так, – возразил Сердолик Тимурович. – Шоу такое. Плюс наверно Хатын проплатил.

Карлики поняли, что после таких отзывов финал им точно не светит и разозлились не на шутку: перед тем, как покинуть сцену, четверо из них выстроились в шеренгу, на плечи третьему проворно влез еще один, а ему на плечи – последний. Так, ровной шеренгой, с пирамидой на звене номер три они и ушли с помоста – чеканя шаг, с гордо поднятыми головами.

«Фак вам самим!» – орал вдогонку хопер Ссык-Ссык.

Роботов-трансформеров оказалось два, каждый со своим номером. Танцы и песни у них выглядели неплохими, но слишком уж механическими, а главное – похожими. Поэтому стадион быстро утомился. Выпускать их подряд одного за другим было, конечно, подло со стороны жюри. Но ведь не придерешься.

Человек с головой кота сразу всем понравился. Он был мускулистый и в набедренной повязке, словно сошел с древнеегипетских фресок. Голова была пушистая, но обычного кошачьего размера, поэтому человек казался очень широкоплечим. Швов на шее было не заметно – хирурги поработали отлично. Кота подозвали к барьеру, и каждый член жюри его погладил. Все были очень довольны. Правда петть человек-кот не стал и на вопросы не отвечал – видимо, не умел говорить. Но стадион был в восторге.

Выглядел кот немного растерянным – поначалу шараялся от лучей света, но когда немного привык, сел на корточки, замер, а потом вдруг прыгнул вперед и попытался схватить на полу луч обеими ладонями.

Наконец хопер Ссык-Ссык достал из кармана пузырек и объявил, что пришло время угостить человека-кота валерьянкой и посмотреть, что будет. Но

коллеги по жюри на него навалились и сделать это не дали. Кота от греха подальше увели.

Девушка с вживленным цветочным горшком оказалась обычной девушкой какой-то древней и почти вымершей индийской народности. Она красиво танцевала древний танец с цветочными горшком на голове, ни разу его не опрокинув. Конечно, вживлен горшок не был, это кто-то из режиссеров перепутал.

– Тоже мимо, – прокомментировал Октопус. – Национальные номера никогда финалистами не становятся.

– Чтоб никого не обидеть? – догадался Ежи Карлович.

– И это тоже, – согласился Октопус. – Но в основном потому, что скучные. И все равно каждый раз кто-то выходит с национальным номером. На что они надеются?

Дальше был мертвец. Объявляли мертвеца долго и пафосно. Жюри долго разогревало зал шутками и страшилками. И когда зрители уже поверили, что сейчас появится что-то ужасное вроде облезлого скелета, выяснилось, что это всего лишь песня участника, который умер, так и не дождавшись своей очереди. Но поскольку он прислал когда-то при регистрации голографический клип своего выступления, то его сейчас и прокрутили на сцене. Мужик был неплохой, танцевал в белом фраке, пел хорошим баритоном и играл на саксофоне. Песня была серьезная и простая, о любви.

Затем объявили самого юного участника шоу – полугодовалого младенца. Зал хлопал долго и заинтригованно, но оказалось, что младенец по каким-то своим причинам на шоу приехать не смог.

Киборг-рояль оказался очень силен – сразу видно, профессиональный музыкант. Звучал он как человек, который поет и играет на рояле, с той лишь разницей, что за роялем никого не было: клавиши

нажимались сами, а голос шел из приоткрытой рояльной крышки, где жили и пульсировали багровые органы, растянутые над струнами, словно на стенде анатомического музея. Песня звучала очень красиво – на каком-то из древних языков. Настолько древнем, что даже копирайт уже не требовался.

Экстрасенс-гипнотизер вышел в старинном костюме позапрошлого века. Его глаза были трагически обведены черным. На вопросы отвечал трубным голосом, всякий раз заканчивая приглашением на свой тренинг. А еще он подолгу выразительно молчал, сверля глазами жюри. Те нервничали.

«Он на меня воздействует! – волновался ситдаунер. – Я прямо чувствую раскаленный луч на лбу!»

Гипнотизеру предложили спеть. Заиграла музыка.

«Песня без слов!» – объявил гипнотизер, но продолжал стоять неподвижно, скрестив на груди руки и пожирая жюри немигающим взглядом из-под черных бровей.

«С меня хватит! – не выдержал Капидонов. – Я вас раскусил! Вы хотите загипнотизировать жюри! Но у вас ничего не получится! Вон отсюда!»

Гипнотизер поклонился, еще раз пригласил всех на свой тренинг и ушел.

– По-моему, что он хотел, у него получилось, – усмехнулся Ежи Карлович.

Инвалид с расстройством сознания и памяти на вид совсем не выглядел инвалидом – это был хорошо одетый пожилой господин с лицом серьезным и умным. Но как только началась беседа с ведущими, стало понятно, что дела плохи. Выяснилось, что господин забыл, зачем он здесь, и совершенно не понимает, где находится. Ведущие принялись ему объяснять, но объяснения он тоже понимал плохо. Когда же ему наконец удалось втолковать, что он на шоу и сейчас должен спеть, господин испытал шок и немедленно ушел, сказав, что для него

унизительно участвовать в таком безумии. Наверно имел в виду свое состояние.

Фея-эльф оказалась полукровкой – полуземлянкой-полуэльфийкой. Феей был ее образ – костюм и грим. Известно, что эльфы Бетельгейзе поют прекрасно, но она почему-то не пела – во время вступительных вопросов рассказала, как ее в разные годы обижали незнакомые мужчины, а во время номера произнесла всё то же самое, тоже в прозе, тоже без рифм, но с надрывом. Случаи, которые она перечисляла, были действительно неприятные, девушке все сочувствовали. Но поскольку все это шло без музыки и в простой разговорной манере, было непонятно, как это оценить.

Симбионт с моллюском оказался уверенной в себе самостоятельной деловой женщиной, которая вступила в брак с моллюском на какой-то планете, и с тех пор возила его с собой в сумке. Фактически у них был песенный дуэт. Моллюск имел раковину сложной формы и напоминал то ли небольшую вазу, то ли кухонный прибор, то ли секс-игрушку. Разумен он или нет – осталось неясным, потому что женщина не дала супругу сказать ни слова. Но он хорошо трубил на одной ноте и попадал в такт песне. Ну или вокалайзер им помогал. Песня была так себе – самая обычная эстрадная песня, за последние триста лет таких было спето неисчислимо.

Программа клонилась к финалу, а Кеша все не было. Добрался ли он? Хома уверял, что добрался. Но пустили ли его на шоу, сработало ли купленное место в очереди? Когда друзья стали уже не на шутку волноваться, появился Кеша.

«О, пингвин! – обрадовалась Кондратья Квир. – Ну и как там у вас, на вашем Северном Полюсе?»

«У нас сейчас зима!» – выдал Кеша заранее приготовленную фразу и сам слегка растерялся.

«А у вас всегда зима! – пошутил ситдаунер Попорыло. – А как вообще жизнь?»

Это был удачный вопрос. Кеша собрался и на одном дыхании выдал весь текст, что разучил с Октопусом. Одной длинной фразой упомянул о преступном эксперименте, проделанном отцом, о детдоме, о тяжелой жизни инвалида, упомянул про вечные насмешки из-за черного цвета кожи и лишнего веса, пожаловался на свою непонятную сексуальность... Жюри ахало и кивало. В конце Кеша, как разучивали, сообщил, что только воля к жизни помогла ему стать личностью, получить образование и профессию юриста, но теперь его жизнь...

«Юрист! – вдруг перебил актер Капидонов, вскочив. – Юристы же ничего не понимают в музыке!»

– Вот валит! – ахнул Октопус.

Но Кешу с его феноменальной памятью было не смутить:

«Ну как же, – возразил он спокойно. – Чайковский, Стравинский, Паоло Конте, Майк Задди...»

Не все имена были жюри знакомы, но услышав про Майка Задди, актер Капидонов сразу успокоился и сел обратно в кресло.

«Ишь ты! Ну давай, спой нам, Майк Задди!» – иронично scomандовала Кондратья Квир, а режиссеры включили минусовку и приглушили свет.

[...]

Жюри не знало как реагировать. Но стадион гудел и ждал ответа. Встала Кондратья Квир.

«Наш следующий исполнитель, – объявила она, – певица Хатына!»

– Зачем он так поступил?! – изумилась Галина.

– А я заранее знал, что он к этому придет, – ответил Ежи Карлович. – Так он нашел себя.

– Он решил использовать энергию Шим, а не Цид! – объяснил Гена. – Он сознательно отказался от Цид и...

Но его попросили отложить объяснения, потому что на экран вышла Хатына.

Хатына оказалась безукоризненно красивой женщиной с модными формами и смуглой кожей. На ней было серебристое платье-сетка, и все участки ее тела поочередно из него показывались. У нее был низкий грудной голос, царственная осанка, очень женственные манеры и огромный запас достоинства.

Она легко и свободно отвечала на вопросы жюри. Объяснила, что ее зовут Хатына, потому что взяла себе имя мужа в знак протеста против старинной традиции брать фамилию.

Рассказала о своем творчестве, вскользь упомянула музыкальные призы, но как-то даже не хвалилась, а просто упомянула, как упоминают яхту или виллу, словно такие должны быть у каждого.

А потом запела.

Пела очень хорошо – у нее была отличная танцевальная песня, веселая, ритмичная и современная. А еще у нее была прекрасная группа подтанцовки из мускулистых роботов, которые очень заодно отжигали и периодически носили ее на руках по всей сцене. И графика у нее тоже была отличная – целая детективная история в 3D-голограмме, со своим сюжетом про ограбление. В какие-то моменты становилось непонятно, танцуют рядом с ней живые роботы или это герои клипа.

Стадион аплодировал долго.

– Ну вот и всё, – вздохнул Октопус. – Мы бы ей и так проиграли. А они еще и жюри купили.

«Ну надо как-то покритиковать!» – вдруг опомнился хопер Ссык-Ссык.

«Как вам удаются такие блестящие хиты?» – поинтересовалась Кондратья Квир.

Певица Хатына немного растерялась, словно именно к этому вопросу ее не подготовил имиджмейкерский штаб.

«Ну как... – сказала она. – Сколько вложено, столько и получено. Мы с мужем вложили в меня

очень много. – Она принялась загибать пальцы. – Заказали очень дорогую композицию, нам ее год писали лучшие авторы, огромный был тендер. Сделали танец. Я подправила еще свою фигуру к шоу, видите, заменила кожу на молодую, немного убрала талию. Ну и замена бедер была целиком. Плюс хороший голос – у меня же свой голос: собственный вокалайзер имплантирован в гортань. В общем, вложились в лучшее. И на жюри бюджета не пожалели, вы же помните о договоренностях...» – она подмигнула.

Воцарилась тишина.

– Ого, – произнес Октопус. – Такого я никогда не слышал. Я понимаю, что в наш век уже всё можно, но чтобы так...

Жюри растерянно переглядывалось, а Капидонов, как человек старой закалки, откровенно обиделся.

«А что же у вас своего, Хатына? В чем же ваша заслуга?» – спросил он.

«Так всё это мое и есть! – удивилась она. – Я всё честно купила, это и есть моя заслуга. – Она оглядела жюри, потом стадион, и видя, что ее не понимают, пояснила мысль: – Своей заслуги нет у тех, кто от природы родился с талантом. Вот они просто халевщики. А я всё купила сама – и внешность, и творчество, и славу, и талант, и отзывы. Поэтому и победа будет моя!»

«На деньги мужа?» – уточнила Кондратья Квир.

«Так и муж – моя заслуга! – обиделась Хатына. – Он же мне не по лотерее в руки свалился! Сама нашла, приласкала, поддерживаю его во всем, а это тяжелый женский труд! Всё сама!»

Леонид Каганов

https://leo.me/dnevnik/2026/05/13_euro

Без ложной скромности: что мы узнали из автобиографии Айзека Азимова

Айзек Азимов известен даже тем, кто никогда не читал его книги. Его авторству приписывают создание трех правил робототехники, которые наказывают роботам не причинять вред человеку, по его книгам сняты знаменитые «Я, робот» и «Двухсотлетний человек», а сам писатель вошел в число самых значимых в мире фантастов с десятками литературных наград. В издательстве Individium впервые на русском языке вышли мемуары Айзека Азимова с нескромным названием «Я, Азимов», где автор рассказывает не столько о своих литературных успехах, сколько о человеке, который боялся высоты, не выносил рок-н-ролла и при этом оказался в центре золотого века фантастики. Василий Владимирский рассказывает, чем еще поделился Азимов в автобиографии, почему его имя писали с ошибками и за что он ненавидел Шерлока Холмса.

Вопреки распространенному мнению, в жизни писателей, в том числе писателей-фантастов, обычно хватает драматических событий, ярких впечатлений и сильных переживаний. Кто-то сидел, кто-то воевал, кто-то участвовал в стройках социализма, а если с этим не повезло, как минимум пересекался с интересными людьми и был свидетелем эпохальных событий. Даже не самому крупному литератору есть что рассказать на склоне лет. Однако лишь немногие берутся зафиксировать воспоминания на бумаге. Говорить о себе любимом, а уж тем более хвастаться перед читателями победами и достижениями, как-то неловко; такая уж традиция.

В отличие от многих коллег, Айзек Азимов не страдал ложной скромностью и проделал такой фокус дважды – случай не исключительный, но довольно редкий. Первые его мемуары в двух

томах вышли в 1979–1980 годах, вторая автобиография (в одном томе) – в 1994-м. Двухтомное издание больше похоже на классическую биографию: четкая внутренняя хронология, подробная фиксация событий, несколько утомительное перечисление, что, где и когда опубликовано, какой гонорар получен – всё по законам жанра. Но для перевода на русский издатели выбрали другую книгу, в которой центральное место занимают не воспоминания, а рефлексия, не последовательное изложение фактов, а остроумные, с нотками сентиментальности, рассуждения на общие темы. Иными словами, книгу не столько об Азимове-писателе, сколько об Азимове-человеке, написанную им самим.

Рассказывают, что в одном из крупных американских книжных магазинов фантастические романы Исаака Осимова (более известного в России как Айзек Азимов) стояли на полке, подписанной «Произведения советских писателей». Несмотря на его бешеную популярность у поклонников научной фантастики, менеджмент сети не очень представлял, кто такой Азимов. И формально для такого позиционирования есть веские основания: прославленный фантаст родился в 1920 году в Белорусской Советской Республике, в 1923 году вместе с родителями покинул СССР и лишь в восьмилетнем возрасте получил американское гражданство. От такого автора невольно ждешь историю self-made man, «человека, который сам себя сделал». Все-таки за 70 лет он прошел впечатляющий путь от нищего эмигранта до классика мировой фантастики. Но нет, с самого начала Азимов честно признается, что своими успехами обязан не столько упорству и целеустремленности а-ля Мартин Иден, сколько врожденным качествам: высокому интеллекту и прекрасной, хотя и не фотографической, памяти. А еще до некоторой степени родителям: люди

не слишком образованные, с трудом читавшие на английском, они не могли (да и не пытались) привить старшему сыну вкус к современной американской литературе. Так что его круг чтения с ранних лет определялся по большей части случайным стечением обстоятельств: что попало в библиотеке или на стойке в отцовской лавке, то и читал.

Что Азимову действительно пришлось развивать годами – упорно и мучительно, то и дело попадая впросак и набивая шишки, – так это социальный интеллект. Непринужденно общаться с незнакомыми людьми, выстраивать отношения, поддерживать связи и не бесить окружающих с первой минуты классик фантастики, судя по этим мемуарам, научился лишь в зрелом возрасте, да и то не идеально. Оглядываясь назад, Азимов признает, что у окружающих был повод считать его тщеславным, самовлюбленным и заикленным на себе.

Но фантаст знает толк и в самокритике. Наивным и простодушным, несмотря на браваду, его точно не назовешь. Азимов вспоминает:

«Мне исполнилось сорок два, я опубликовал сорок шесть книг. И уже начал понимать, что с литературной точки зрения самое важное во мне – количество книг. Меня не торопились нарекать великим светочем литературы. Я не угрожал трону всяких Апдайков и Беллоу и никогда не смогу. Но все мы хотим признания, все хотим чем-нибудь прославиться, и я начинал осознавать, что в крайнем случае прославлюсь количеством книг и разнообразием тем. Неплохо, если оценят и их хорошее качество, но мне что-то подсказывало, что этого никто не заметит – заметят только количество».

Стоит напомнить, что к сорока двум годам, то есть к 1962 году, Азимов уже опубликовал первые три книги цикла «Основание», сборник «Я, робот», романы «Стальные пещеры», «Обнаженное солн-

це» и «Конец вечности», повесть «Уродливый мальчуган», рассказ «Приход ночи» – словом, большую часть текстов, благодаря которым, собственно, и вошел в канон жанра.

Нетрудно заметить, что автор почти маниакально увлечен количеством своих книг – куда сильнее, чем качеством. На своем веку он издал несметное множество научно-популярных работ на самые разные темы, от органической химии до шекспироведения; сборники статей, газетных колонок, детективных рассказов; составлял антологии и писал развернутые комментарии, публиковал свои стихи и подборки анекдотов и аккуратно заносил в список каждое издание. Так же разнообразна по содержанию и его автобиография. Автор рассуждает о секретах писательской плодовитости и чувстве юмора, лишнем весе и вреде курения, лимузинах и текст-процессорах, вспоминает родных и близких, друзей из числа писателей и редакторов, признается в симпатиях и антипатиях. Из этой книги мы можем узнать, например, что великий Азимов до дрожи боялся высоты, всю жизнь избегал авиaperелетов, без восторга относился к детям (особенно чужим), не любил лошадей («воняют»), ненавидел рок-н-ролл («мерзкий шум»), считал рассказы о Шерлоке Холмсе беспомощной халтурой, однако состоял в клубе поклонников детектива с Бейкер-стрит и даже написал несколько фанфиков.

Само собой, не обходится и без баек из жизни американского фэндома. Например, со свойственной ему иронией Азимов вспоминает, как в 1979 году получил премию «Небьюла», главную литературную награду Ассоциации писателей-фантастов США (SFWA), на которой его имя и фамилия были выгравированы с ошибками: «Issac Asmimov» вместо «Isaac Asimov».

«В SFWA сильно смутились и предложили передумать „Небьюлу“, но я не собирался ждать еще пять лет, пока эти оболтусы соберутся. Просто высокомерно заявил, что сохраню награду в доказательство интеллектуальности этой организации».

И это, пожалуй, самое любопытное в его мемуарах. Миллионы людей во всем мире боятся высоты, страдают лишним весом и ненавидят рок-н-ролл. Сотни тысяч сочиняют научно-популярные книги и лимерики. Но только Айзек Азимов на протяжении десятилетий оставался в центре событий, сотрясавших американский фандом.

Его учителем и наставником стал Джон Вуд Кэмпбелл – редактор, благодаря усилиям которого начался золотой век англо-американской НФ. В 1939-м Азимов участвовал в первом Worldcon, старейшем и крупнейшем ежегодном конвенте любителей фантастики. Во время Второй мировой он служил в исследовательском центре вместе с Робертом Хайнлайном и Лайоном Спрэггом де Кампом. В 1940–50-х входил в «большую тройку» англо-американской фантастики вместе с тем же Хайнлайном и Артуром Кларком. В 1960-х писал предисловия и помогал в продвижении антологии «Опасные видения» под редакцией Харлана Эллисона, одной из ключевых книг новой волны. В 1977-м его имя получил Asimov's Science Fiction Magazine, по сей день входящий в число главных англоязычных журналов, публикующих научно-фантастические произведения. И так далее. Мир научной фантастики буквально вращался вокруг него, даже когда сам Азимов не прилагал к тому абсолютно никаких усилий.

В мемуарах все это проходит пунктиром: очевидно, классик не считает свою причастность к крутым историческим поворотам большим достижением и рассказывает о них бегло, между делом. Но вольно или невольно Азимов задает рамки, от-

мечает вехи, указывает читателю путь, даже если тот не испытывает благоговения и трепетного восторга, листая «Основание», «Конец вечности», повесть «Двухсотлетний человек» или роман «Сами боги». Отличный стартовый бустер для поклонников жанра. До сих пор такой книги остро не хватало на русском языке, и теперь понятно, от чего оттолкнуться, с чего начать и куда двигаться дальше.

Василий Владимировский

<https://www.kinopoisk.ru/media/article/4012735/>

**Во имя Колеса Изначального:
«Шагатели» – от постапокалипсиса
к антиутопии путь недолгий**

Константин Шабалдин в фантастической повести «Шагатели» переворачивает жанровые условности, чтобы рассказать о необычном мире-в-мире, о гениях-калеках и чудовищных социальных экспериментах.

О чём эта небольшая история – давайте разбираться.

Читателей встречает натуральный постапокалипсис.

Небольшую общину почитателей Колеса Изначального после Дней Гнева возглавили ары – умники-калеки, чья немощ стала признаком благородного происхождения. Правда интеллектуальные способности свои они тратят в основном на шахматы.

Им помогают лебы – дельцы и мастера на все руки, что держат на плаву общину и не дают развалиться тому, что ещё как-то работает. Порядок обеспечивают одноногие стражники, а слабоумные ахты выполняют простую физическую работу. Управляют всем и всеми Спицы. А причудливая религиозная структура общины выстроена вокруг образа Колеса.

Заглавным же шагателям не повезло: их гоняют туда-сюда с поручениями и грузами, так как лишь они «ущербны», так как вынуждены ходить на своих двоих.

Шагатель Башмак узнаёт, что его старшего коллегу Тапка вот-вот колесуют после попытки выйти за Обод Колеса – границу общины, очерченную кем-то когда-то. Граница существует не просто так: за стенами нет ничего, ради чего можно было бы так рисковать, лишь Вечная Тьма да демоны, а путь к ней преграждают зыбучие пески.

Тапка же заел устоявшийся порядок вещей, надоело быть на побегушках у тех, у кого «мозгов телега», а они жируют да головоломками заняты. Но главный вопрос, который мучил шагателя и толкнул его на страшное (в глазах местного правосудия, конечно же) преступление – откуда берётся Дар Колеса, то есть ресурсы, которыми перебивается скромное общество верноколёсных. Тапок заподозрил, что где-то есть настоящие ары, от которых они и получают еду, лекарства, а также некоторые технологии, например, антигравитацию.

Так товарищ Башмака приходит к мысли о некоторой искусственности социальной среды, в которой они находятся. Тапок совершает опасный шаг в направлении истины, но попадаетеся. Однако он успевает заразить своими идеями друга.

Автор не стал нагнетать интригу на пустом месте. Вместо этого он практически в самом начале начинает рассказывать историю и с другого места – с той стороны охраняемой Санитарной службой границы, много лет сдерживающей распространение мутантов из резервации.

У чудовищных экспериментов, как водится, благие цели. Однако продолжительная изоляция и мутации привели к созданию по-своему уникальной, но искусственной культуры.

Верноколёсные не сразу принимают истину. Однако её достаточно, чтобы разрушить шаткое равновесие социальных устоев, подточенных неравенством. Диаметр Обода охватывает революция – и, как говорится, завертелось!

Повесть «Шагатели» увидела свет 10 лет назад в первом номере «Полдня». Недавно её переиздали, уже вместе с прямым продолжением – повестью «Надстоятели». В ней как раз чуть больше внимания уделяется миру за Ободом, где тоже всё не слава богу. И автор не скупится на новые повороты

Колеса сюжета. Читать стоит как единое произведение, состоящее из двух частей.

Обе истории, а также сами характеры и обстоятельства местами нарочито условны. Как мне кажется, автор не стремился создать максимально правдоподобный мир, это в большей степени карикатура. Хотя это и не отменяет общей стройности повествования, логики действий персонажей и проч.

Сюжет бодрый и энергичный, стартует резво и практически без перекуров и привалов несётся к финалу. Рассказана история богатым, сочным языком. Диалоги отличные, добавляют жизни персонажам. Разве что хотелось бы большей трансформации языка.

«Ары к лебам в гости не ходят» – ещё бы! Где же это видано, чтобы благородные ары ходили? А может ли девушка-арка выйти замуж? Нет! Но в диаметре Обода к ней рано или поздно точно кто-то *подкатит*.

«Шагатели» – многожанровая история, объединяющая постапокалипсис, антиутопию и сатиру. Прелесть книги в том, что откровенно абсурдные ситуации, встречающиеся на страницах книги Константина Шабалдина, порой пугающе убедительны. Вот ты только что улыбнулся, а теперь тебе не до смеха – возможно, мир вокруг, с творящимся в нём безобразием, стоит проверить на искусственность. Вдруг мы тоже жертвы какого-то жестокого эксперимента?

Павел Сидоров

<https://dzen.ru/a/afV0vEK942kHYbRk>

Дарья Кельн

5 вопросов Шамилю Идиатуллину о сборнике «Всё как у людей»

Откуда взялось название «Всё как у людей»

«Всё как у людей» – дополненное переиздание сборника, который выходил в «Редакции Елены Шубиной». Сборник появился, потому что я написал фантастическую повесть, которая понравилась, как ни странно, и мне, и издателю, но никак не могла выйти отдельным изданием – оно получилось бы тонюсеньким, страниц на 120. Но при этом за десяток лет у меня накопился десяток рассказов, которые выходили либо в сборниках, либо в сетевых журналах, а также была повесть, которая выходила только в журнале «Знамя» и с тех пор не издавалась никогда. В издательстве сказали: составляй сборник. Я составил и, чтобы было интереснее, написал к каждому из текстов комментарии о том, откуда этот текст взялся и почему.

Как человек порядочный и малоизобретательный, я сразу сказал редакторам: «Назовем книгу как самую свежую повесть, правильно?» На что мне ответили: «Твой предыдущий роман назывался “Последнее время”. Теперь вот “Светлая память”. Может, что-то оптимистичнее придумаем?» Долгодолго придумывали, варианты накидывали. Я сразу 50 вариантов предложил. Ничего не зашло.

А потом как-то всплыла в памяти старая песня Летова и легла как родная и на сборник в целом, и на каждый его текст в частности. Без спойлеров объяснить невозможно, но в каждом из сюжетов этот момент прослеживается.

И Егор Летов – моя отдельная любовь. У меня уже в первой книге были эпиграфы из Летова, я его слушаю года с 1988-го. Измучил им всех вокруг. Почему бы не расширить круг?

Мы придумали переиздать сборник в издательстве «Альпина.Проза» в расширенной версии. При этом даже мысли о переименовании не возникло. Работает – не трогай.

Дополнили сборник тремя рассказами, которых не было в первом издании. Редактор Анастасия Шевченко выстроила тексты иначе – ближе к варианту, который я предлагал изначально. Некоторые тексты вернулись к авторской редакции.

Что можно узнать из авторских комментариев

Всякий раз с изумлением убеждаешься в правоте слов поэтессы: «Когда б вы знали, из какого сора...» Рассказы действительно растут из сора. На цветы они похожи не всегда, но порой отскакивают от грядки максимально далеко. Это довольно любопытно.

Почему я начал писать эти комментарии? Не помню, у кого я их подглядел. Скорее всего, у Стивена Кинга. Мне это страшно понравилось. Во-первых, это интересно, во-вторых, создает доверительную интонацию – честную, спокойную, совершенно без кокетства. В целом Кинг велик и как автор, и как играющий тренер, учитель и старший товарищ. Он словно говорит: делай как я, гением и миллиардером ты не будешь, но по крайней мере у тебя останется ощущение, что ты сделал все, что мог.

Мои авторские комментарии в процессе правки, редактирования и переиздания мне поднадоели, конечно. Но стыда за них я не испытываю. Надеюсь, что для читателя это будет дополнительная ценность – примечания, объясняющие, откуда что взялось. Может, для кого-то окажется небесполезным и в любом случае занятным. Писать их, по крайней мере, было занятно.

Даже если кого-то такое раздражает – не беда, комментарии малюсенькие, стерпеть можно. Кроме

комментария к «Упоровой слободе», где я рассказал горестную историю своих взаимоотношений с искусственным интеллектом. Пусть все знают.

Какой рассказ в книге самый страшный

Рассказ «Кареглазый Громовик» – о всеокрушающей мощи материнской любви. О том, насколько такая любовь бывает бессмысленной и беспощадной, и от таких проявлений любви совершенно никому хорошо не будет. Хотя объяснить это невозможно.

Родители порой ломают свою жизнь, убивают будущее или прошлое ради эфемерных благ для ребенка – игрушки, гаджета, секундной прихоти. Нет ничего дороже, чем отношения близких. И жертвовать ими – ужасно. И тем страшнее, что такое повторяется в человеческой, семейной истории раз за разом. И будет повторяться, к сожалению.

Матери, отцы, братья, сестры, верные друзья готовы порвать весь мир пополам ради того, чтобы любимому человеку было приятно. Возможно, ему будет приятно. Но потом вся жизнь его будет поломана, а твоя, возможно, перестанет существовать или уже не станет прежней. Примерно про это и рассказ.

Можно ли встретить героев «Всё как у людей» в других книгах

В рассказе или повести форма и размер имеют не меньшее значение, чем содержание. Это как выдох – долго тянуть нельзя, задохнешься. Такой текст читается в один прием. Растягивать рассказ не стоит, а дробить – тем более. Рассказ как жемчужина, другой такой не будет. Возможно, появятся другие, но такая же – нет.

При этом как читатель я с любовью и преданностью отношусь к циклам рассказов – про Шерлока

Холмса, про отца Брауна, про семейство Гласс у Сэлинджера. Но у меня самого все рассказы штучные. Каждый герой связан с одной историей. Я ее рассказывал. Все, конец. Как в меме про Машу из мультфильма «Маша и Медведь»: «На снег я уже посмотрела, теперь хочу ромашки».

Что почитать после сборника «Всё как у людей»

Есть классики, которых необходимо читать именно в рассказах, – Рэй Брэдбери, например. Он прославился «Марсианскими хрониками», которые долго никто не хотел публиковать, потому что книга представляла собой сборник рассказов, которые не были связаны между собой. В издательстве ему предложили издать их как роман, единое повествование. Теперь книга считается романом, но мы-то знаем. Брэдбери, конечно, великий рассказчик.

Я, как многие советские школьники, вырос на фантастике Роберта Шекли. В Америке его знают не очень хорошо, а для позднего СССР он был одним из культовых авторов.

Вся англо-американская фантастика золотого периода отчаянно хороша. Даже рассказы, которые писались для журналов, – типичный pulp fiction, на плохой бумаге и в плохом окружении. На один номер приходилось семь дрянных текстов и одна жемчужина. Поскольку журналов было множество, выходили они часто, то и жемчужин набиралось много. Так появлялись рассказы и Роберта Хайнлайна, и Клиффорда Саймака, и Айзека Азимова, и Фредерика Брауна.

Когда меня просят порекомендовать рассказы, я называю три.

Во-первых, рассказ Альфреда Бестера «Выбор». Крутой рассказ, выстроен идеально.

Во-вторых, рассказ Амброза Бирса «Мост через Совиный ручей». Его проходят во всех

литературных школах мира. Рассказ написан в конце XIX века. Очень рекомендую.

В-третьих, рассказы Кира Булычева. Все знают Булычева как доброго сказочника, папу Алисы, детского писателя. Это так, но при этом он гениальный рассказчик, автор великолепных рассказов для взрослых. Наиболее известен «Можно попросить Нину?». Но я назову другой – «Корона профессора Козарина», пронизывающий, советую всем.

<https://alpina-proza.ru/stream/5-voprosov-shamilyu-idiatullinu-o-sbornike-vsyo-kak-u-lyudej>

Валерий Шлыков

Стругацкие, и несть им конца!

О юбилейном спецвыпуске журнала
«Мир фантастики»

28 августа 2025 года исполнилось столетие со дня рождения Аркадия Натановича Стругацкого, старшего в писательском тандеме «Братья Стругацкие». Видимо, к этой дате, хоть и несколько запоздало, оказался приурочен специальный выпуск журнала «Мир фантастики», посвященный Стругацким. Подготовленный известным фантастоведом Василием Владимирским, он объединил с десятков авторов – литературных критиков и популяризаторов науки, среди которых координатор «люденов» Владимир Борисов, историк космонавтики Антон Первушин, переводчик Николай Караев и др. Всего в журнал вошло около двадцати статей и материалов, которые, как заверяет редакция, рассчитаны на самую широкую аудиторию: как на тех, «кто только вступает в Мультиверсум Стругацких», так и на тех, «кто давно обжился в этих чертогах и открывает дверь пинком со словами: „Можно, я лягу?“» В этом, что очевидно, есть свои плюсы и минусы.

В первую очередь бросается в глаза то, что журнал сделан с огромной любовью к Стругацким и с глубоким знанием их жизни и творчества. Феномен фэндома, то есть сообщества страстно увлеченных любителей, в случае Стругацких накладывается на деятельность «люденов» – группы, скажем так, полупрофессиональных исследователей: редакторов, текстологов, комментаторов. Когда еще у академических ученых руки до Стругацких дойдут (вон только до Сумарокова дошли!), а «людены» подготовили и издали тридцать три тома полного собрания сочинений: с письмами, дневниками, черновиками и всем необходимым аппаратом. Дух

этого монументального издания явно присутствует и в нашем журнале, учитывая, как обильно цитируют авторы переписку, заметки и прочую писательскую кухню братьев.

Структурно юбилейный выпуск разделен на четыре раздела, из которых первый, «Тексты», знакомит с собственно творчеством Стругацких; второй – «Фильмы» (да-да, куда ж нынче без них!) – с, как понятно, экранизациями; третий, «История», помещает Стругацких в контекст эпохи (на мой взгляд, крайне недостаточно); четвертый же, «Наследие», рассказывает о влиянии. Первые несколько статей, как и полагается для такого издания, являются обзорными, знакомя или, что реальнее, напоминая читателю, как жили и что написали Стругацкие, каких персонажей «породили» и какие вопросы поднимали. Тут разве что вызывает некоторое недоумение своей необязательностью материал о планетах у Стругацких. Безусловно, он тоже нужен и важен для кропотливого исследователя, однако место ему скорее в специализированных стругацковедческих сборниках наряду с похожими очерками «Женщины у Стругацких», «Еда у Стругацких», «Транспорт у Стругацких» или, скажем, «Животные у Стругацких».

К несомненным удачам номера можно отнести статьи, посвященные науке в творчестве братьев и проблемам их Высокой теории воспитания. Это действительно две стержневые и неразрывно связанные темы, которые занимали Стругацких на всем протяжении их писательского пути. Научный и моральный прогресс человечества, его условия, его цена и пределы. В этом смысле им был близок другой выдающийся писатель-фантаст – поляк Станислав Лем. Близок, но и далек. В сравнении с Лемом можно отчетливее очертить и позицию Стругацких. Лем, как и Стругацкие, много размышлял о технике и человеке, однако воспринимал по-

следнего прежде всего как рациональное существо. Поскольку разум человека мыслит всегда в границах и сам конечен, он неизбежно пасует перед Иным и Чуждым. Отсюда скептицизм и пессимизм Лема, который мы когда-то разбирали отдельно.

Не так у Стругацких. Братьев интересовал человек не столько рациональный, сколько эмоциональный, чувствующий; не разум, но сердце. (Нет ли тут влияния великих русских классиков? – спрашиваю безо всякой иронии.) Этика, основанная на сердце, лишена всеобщих и необходимых оснований разума, зато и не признает его границ. Разницу между двумя этими подходами лучше всего иллюстрирует концепция «ущербного Бога». По Лему, тот Бог зрел и реален, кто осознает, что ничего не может сделать для спасения страдающих существ, кто вынужден молчать и скрываться, а если и явит себя, то только наломает дров, оказавшись «безгранично уродливым и безгранично смешным». Именно таким «Богом» ощущает себя Румата из повести Стругацких «Трудно быть богом». Он ничего не способен исправить, действует невпопад, через силу, совершает ужасные ошибки, но... не может иначе, ибо «сердце его полно жалости». Его ведет сердце, а не рассудок. В своей великой экранизации Алексей Герман до предела заострил именно этот момент безграничной ущербности, показав, что не только трудно быть Богом, трудно быть человеком, вообще трудно быть – если у тебя есть сердце.

Любопытно, что наиболее лемовская вещь у Стругацких – это «Пикник на обочине», про которую Лем говорил, что хотел бы сам написать ее. Здесь инопланетяне и оставленная ими Зона – нечто чуждое и непостижимое, деятельность людей по освоению Зоны прагматична и рациональна, а финальный призыв сталкера о «счастье всем» абстрактен и не идет от сердца. Поэтому неудивительно, что Андрей Тарковский, чуткий именно

к этической проблематике, так долго и мучительно переделывал фигуру главного героя и переснимал «Сталкера», о чем нам поведал в захватывающих воспоминаниях второй режиссер фильма Евгений Цымбал.

Вернемся к журналу. Выделяется дотошным микроанализом статья о переводах Стругацкими западной фантастики. Обильно цитируя переписку, автор статьи показывает не только, как братья работали над чужими текстами, зачастую сильно меняя темп и стиль оригинала, но и на конкретных примерах разбирает их переводческие удачи и неудачи. Впрочем, известно, что сами Стругацкие относились к этой своей деятельности как к «халтуре», «работе второго сорта», выполняемой ради заработка. Тем досаднее, что подобного пристального анализа не удостоились главные творения братьев, а ведь они порой в процессе написания менялись до неузнаваемости. То же «Трудно быть богом» задумывалось как «веселая, мушкетерская история», а стоящая наособицу «Улитка на склоне» выросла из совсем другой повести – «Беспокойства», более «прогрессорской» по духу. Конечно, обо всем этом вкратце упомянуто в обзорных материалах, но одно дело упомянуть, другое – раскрыть всю подноготную.

Иной скажет: журнал не резиновый. Это верно. Только всегда есть где подсократить. О планетах я уже говорил, то же касается и десятистраничной статьи о хронологии Мира Полудня. Во-первых, как мне представляется, не столь уж и важно, в каком именно году, в 2124, 2131 или в 2133-м, произошел контакт с цивилизацией Леониды, а во-вторых, даже если важно, поскольку речь все-таки идет о соединении текстов Стругацких в непротиворечивую систему (хотя самими братьями это не просто так игнорировалось), да только подано все крайне многословно и однотипно. В сухом остатке

статьи выходит, что первым «хронистом» был Михаил Шавшин, перед ним стояли «неразрешимые вопросы», ему было очень трудно и его сильно критиковали, затем пришел Сергей Переслегин, которому тоже было очень трудно и которого много критиковали, следующим был Михаил Назаренко, и он взялся за «титаническую задачу», и ему было трудно, и его критиковали, ну и так далее.

Кстати, если уж мы упомянули одного из «люденов» Михаила Шавшина, не лучше ли было все-сторонне осветить их деятельность? Все-таки далеко не у каждого писателя возникает полноценная команда энтузиастов-исследователей. Да, в номере дана вполне информативная статья о том, как «людены» готовили полное собрание сочинений Стругацких. Вот только краткость этой, по сути, односторонней заметки не позволила даже разместить фотографию самого ПСС, хотя на предыдущей полосе красуется большое изображение китайского романа «Речные заводы», второе издание которого редактировал Аркадий Стругацкий. Кажется, «людены» заслуживают большего.

Приятно, что в журнале нашлось место материалам, которые рассказывают, не только о чем писали Стругацкие, но и как. В формальном смысле «как» – это метод их совместного творчества, который исчерпывающе рассмотрен в статье «Двуручная пила». Но куда интереснее собственно писательский стиль Стругацких, то, что делает их по-настоящему большими мастерами. Известно, что Аркадий Стругацкий был японистом, специалистом по старояпонским текстам; влияние этой восточной, иероглифической культуры и прослеживается в превосходной работе «Стругацкие и пустота». Подобно улитке на склоне Фудзи, автор начинает восхождение с малого, словно бы необязательного: имен, цитат, реалий, чтобы затем прийти к закономерным обобщениям. Как и японские

тексты, произведения Стругацких отличает высокая контекстность, принципиальная неопределенность, намеренные смысловые лакуны, требующие от читателя активного сотворчества.

Я думаю, все авторы этого, несмотря ни на что, замечательного номера согласятся, что Стругацкие не просто играли в первой лиге. Они расширяли границы самой фантастики, выходя тем самым за ее пределы. В большую литературу. Сами братья хорошо понимали это. И когда писали экзистенциальную притчу «Улитка на склоне», столь схожую с «Тошнотой» Сартра и «Процессом» Кафки, и когда поднимали проблематику «Мастера и Маргариты» в «Отягощенных злом» и «Хромой судьбе». Наиболее откровенно свою позицию к фантастике Стругацкие выразили еще в 1967 году в известном письме Бориса брату: «Почему встречи с читателем производят тягостное впечатление, я, кажется, понимаю. Дело в том, что читателя, особенно молодого, интересует совсем не то, что нас. Он (читатель), как правило, любит ф-ку, а мы ее не терпим. Он в штаны сикает при слове „пришелец“, а нам блевать хочется. Ему чрезвычайно важно знать с совершенной точностью, что есть фантастика, а для нас это проблема чисто утилитарная». Наверное, стоит уже прекращать считать Стругацких фантастами и изучать их как фантастов. Пора уже смотреть на Стругацких через оптику Тургенева и Достоевского, Булгакова и Платонова, Сервантеса и Ницше, которые тоже использовали фантастические приемы совершенно утилитарно. Но это уже тема для совсем другого номера.

<https://gorky.media/reviews/strugatskie-i-nest-im-kontsa>

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom

Александр Хакимов: <https://www.facebook.com/aleksandr.hakimov.534023>

Александра Прохорова: Винишко под книжку, <https://t.me/culturehedonism>

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, <https://t.me/UmiGame>

Андрей Саломатов: <https://www.facebook.com/salomatof>

Антон Нелихов: Минутка этнографии, https://t.me/minutka_entnography

БВИ: Братия по Разуму: <https://t.me/bratrazum>

Борис Сидюк: <https://www.facebook.com/borys.sydiuk>

Валерий Шлык: <https://gorky.media/author/slykov-valerii/publications>

Василий Владимирский: [speculative_fiction, https://t.me/SpeculativeFiction](https://t.me/SpeculativeFiction)

Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, <https://t.me/horrorfantastcom>

Владимир Березин: березин, <https://t.me/berezin>

Владимир Карабаев: <https://fantlab.ru/user136633/blog>

Владимир Киршин: Киршин, https://t.me/kirshin_70

Владимир Обручев: Книги лучше..., https://t.me/bigboss_books

Григорий Копейкин: Записки Копейкина, https://t.me/g_kopeikin

Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet

Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal

Дмитрий Захаров: HeroПрактика, <https://t.me/Sixways>

Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff

Дэвид Лангфорд: Ansible, <https://news.ansible.uk/>

Елена Клещенко: ДНК, книги, котики, <https://t.me/dnabook>

Жанна Пояркова: Heresy Hub, https://t.me/heresy_hub

Игорь Белый: <https://www.facebook.com/bujhm>

Инар Искендинова: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k

Леонид Каганов: Леонид Каганов, <https://t.me/leodnevnik>

Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig

Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, https://t.me/radio_amarinn

Маринаернацкая: Marina Bernackaya, <https://t.me/tamango15>

Мария Галина: <https://www.facebook.com/maria.galina.845872>

Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru

Михаил Эдельштейн: Ubi laptop, ibi patria, <https://t.me/edelsztejn>

Наталья Осоюну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre

Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Олег Кожин: Шкаф с кошмарами, <https://t.me/kozhinoleg>

Олег Ладьженский: <https://www.facebook.com/oleg.ladyzhensky.1>

Павел Сидоров: Сай-фай ревью, <https://t.me/scifireview>

Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, <https://t.me/theworldisnoteasy>

Сергей Пальцун: <https://www.facebook.com/sergii.paltsun>

Тимур Ошеров: Критически успешный, <https://t.me/criticallysuccessful>

Ульяна Скибина: Сказки лесной ведьмы, https://t.me/Fairy_tales_of_the_forest_witch

Шамиль Идиатуллин: <https://t.me/idiatullin>